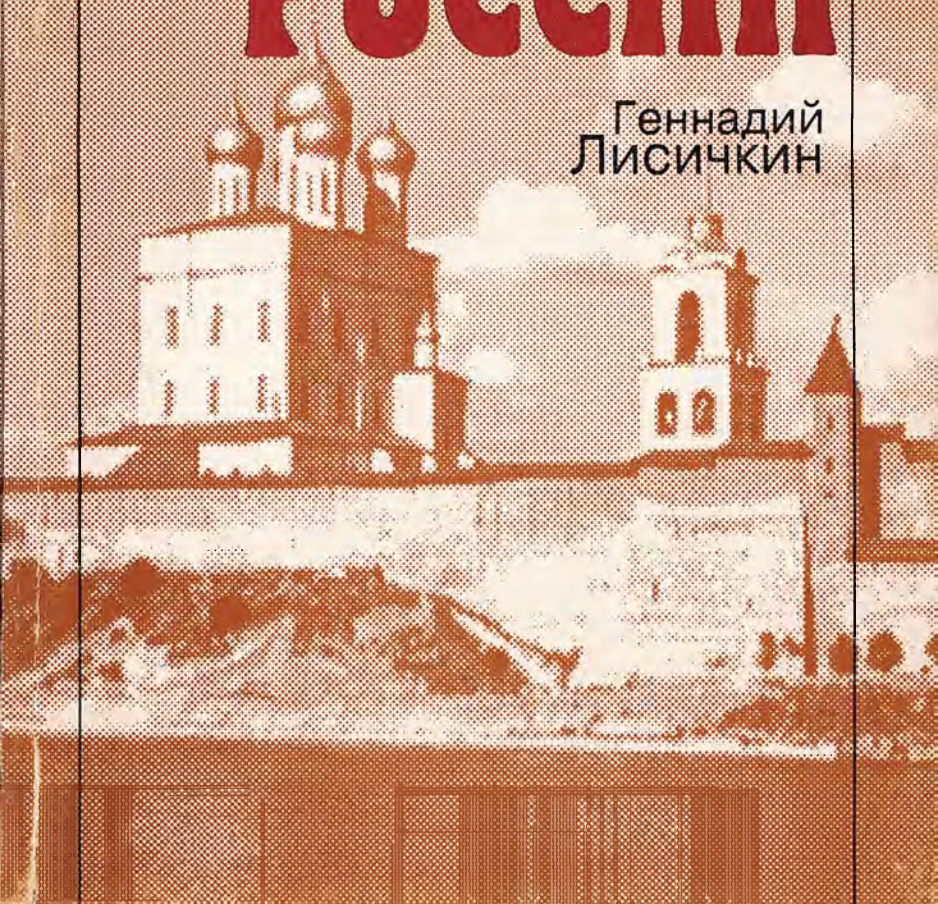

ПРОГГЕ

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИИ

Геннадий
Лисичкин

Геннадий Степанович
Лисичкин

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИИ

Москва
Издательская группа «Прогресс»
«Культура»

Редактор *Н.И. Колышкина*

Л 63 **Лисичкин Г.** Есть ли будущее у России? — М.: АО Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1996. — 192 с.

Кризис, который переживает Россия, носит затяжной и всеобщий характер. Он охватил не только экономику, экологию, но и государственность. Где же выход? Пытаясь ответить на этот вопрос, автор рассматривает такие ментальные черты русского характера, как мессианство, общинность, извечная вера в «доброе царя» и т.д. Рисуя безрадостную картину нашей действительности, автор тем не менее считает, что оздоровление России уже началось, но во многом не благодаря, а вопреки нынешним властителям ее.

Л 0503030900-027
006(01)-96

ББК 84Р7-4

ISBN 5-01-004586-9

© Геннадий Лисичкин
© Оформление, Издательская
группа «Прогресс»

Вместо предисловия

Весь XX век Россию корежит так, как наркомана во время ломки. Почему? До февраля 1917 года казалось, что во всех российских бедах виновато самодержавие и архаичные монархические порядки. Думалось, достаточно свергнуть самодержавие — и Россия воспрянет.

Сбросили царя. Власть взяли в свои руки демократическая буржуазия и интеллигенция, однако они попользовались ею так бестолково, что за несколько месяцев разложили российское общество окончательно и обеспечили легкий захват России экстремистами, широко распахнувшими перед россиянами дорогу в большевистский ад, из которого самодержавная жизнь уже показалась земным раем. Кто же виноват теперь в бедах россиян, свалившихся на их голову после Великого Октября? Ответ на этот недоуменный вопрос не заставил себя ждать: «кулаки», «подкулачники», троцкисты, «левые» и «правые» уклонисты и, уж конечно, мировая буржуазия.

После XX съезда КПСС народ узнал, что в его бедах виноват, оказывается, еще и Сталин. Но, конечно же, не коммунистическая партия и тем более не сами россияне. Культ Сталина разоблачили, открыв дорогу в светлое будущее, дорогу, которую только он, казалось, и загораживал. На Руси жить стало полегче, хотя бы потому, что страна втягивалась лишь в «мелкие» войны, удерживаясь от глобальных авантур. Но в остальном «простому» человеку приходилось по-прежнему тяжело на своей Родине. Почему? Ведь Сталин давно помер. Коммуни-

сты вновь нашли ответ, объявив, что страдания наши происходят из-за волюнтаризма Хрущева и застойных брежневских порядков. И опять в происходящем не были виноваты ни сами коммунисты, ни (опять и тем более) народ. Умерли Хрущев и Брежнев. Теперь, казалось бы, можно жить на Руси припеваючи, не повторяя ошибок Сталина, Хрущева, Брежнева. Ан нет!

Наше общество в растерянности остановилось на своем историческом пути, не в силах решить главный вопрос — куда идти. Одни настаивают на том, чтобы в России строить капитализм; другие — за возрождение в первоначальном виде сталинского социализма; третьи — за социализм, но в социал-демократическом его варианте; четвертые — за сохранение нынешнего гражданского хаоса, очень удобного для жуликов и западных конкурентов. Пятые — вообще за восстановление романовской монархии. И так далее... Пребывать в таком гамлетовском нерабочем состоянии долго нельзя. А мы находимся в нем с 1985 года, когда затеяли перестройку, не зная, что во что собрались перестраивать. Так надо ли удивляться, что все дела в нашей стране, в республиках бывшего Советского Союза стремительно катятся в пропасть. И только теперь некоторые из нас начинают понимать, что во всех российских бедах виноваты не только и не столько Сталин, Хрущев, Брежнев. И первопричину наших несчастий надо искать не в экономике. Всех ресурсов, включая интеллектуальные, у нас более чем достаточно. Мы просто не можем решить, с какого конца и как взяться за реальное дело. И мешает этому прежде всего наша идеологическая заикленность, общественная шизофрения, от которой избавиться очень трудно.

Надо признать, что в нашей стране уже давно исчез цементирующий интересы отдельных людей материал, исчезли реальные общественные цели, и есть опасность, что все мы располземся каждый в свою конуру. Это грозит гибелью целой цивилизации, сложившейся за столетия и даже тысячелетия на территории нашего бывшего Советского Союза. Как бы ни парадоксально звучала эта мысль в условиях сего-

дняшнего дня, но история, к сожалению, дает тому немало примеров. Военное поражение той или иной страны — дело преходящее. Раненый зверь в конце концов зализывает раны и вскоре становится способным опять постоять за себя. Но страна, народ с рухнувшей идеологией, т.е. без созидательного мировоззрения, без высокой цели существования, обречены на гибель.

Может ли средством, объединяющим общество, быть только рынок, а целью — только добывание денег? Ясно, что нет. Поскольку на мешке даже с золотом или долларами можно запросто сдохнуть в экологической катастрофе или погибнуть в социальном конфликте богатых и бедных. О какой общей цели в наши дни может идти разговор? Нет ее! И это должно тревожить тех, кто задумывается о судьбах страны.

Те, кто поняли, что не экономические, а идеологические, мировоззренческие причины лежат в основе всех наших российских бед, тут же поспешили объявить, что отнюдь не Сталин, Хрущев или Брежнев виноваты во всем, что случилось с россиянами после Октября, а что и их, наших вождей, и нас, грешных, всех нас попутали Маркс и Энгельс. Если это так, то можно наконец облегченно вздохнуть, как вздыхает сбившийся с пути человек, выйдя в конце концов на правильную дорогу. А может, мы опять, как уже было много раз за нашу российскую историю, путаем причину со следствием? Тогда нам еще плутать и плутать, мучиться и мучиться, поскольку без правильного диагноза не может быть и эффективного лечения. Итак, что же в нашем российском мировоззрении порочного, если мы столь фатально не умеем наладить жизнь по-человечески?

1. Был ли Маркс для россиян Сусаниным?

Наши крупнейшие ученые еще вчера до небес превозносили мудрость Маркса и Энгельса, убеждая нас и себя, что, только следуя их учению, можно преобразовать мир так, чтобы всем людям на земле жилось легче, а справедливости добиваться было бы больше. Сейчас эти ученые сразу и дружно замолчали, а некоторые из них, как и положено попам-расстригам, оплевывают своих вчерашних кумиров, не замечая, что плевки эти густым слоем покрывают прежде всего их костюмы и даже их степенные ученые лица. Наша интеллигенция, которая и вчера претендовала, и сегодня претендует на роль народного поводыря, в каком положении она оказалась? Куда же она завела нас и куда еще заведет, если, судя по ее сегодняшнему отношению к Марксу, или лицемерие, или элементарная безграмотность составляет ее сущность?

Итак, если допустить, что мы бараны, которых пасут жуликоватые пастухи, то дела наши настолько плохи, что и говорить об этом не следует. А может, все совсем не так? Может быть. Но чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться, насколько в наших бедах виноваты К.Маркс и Ф.Энгельс, а насколько мы сами, со своим российским менталитетом.

Прежде всего, на мой взгляд, надо автоматически снять многие обвинения с Маркса и Энгельса в том, что они якобы запутали нас своей ученостью, по той простой причине, что абсолютное большинство россиян трудов их просто не читало, а если и читало, то не могло понять по ряду объективных причин. Об этом

говорил еще Ленин: «Нельзя вполне понять «Капитал» Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя»¹.

Мэр С.-Петербурга, работая с архивами, наткнулся на резолюцию Н.С.Хрущева, начертанную его рукой: «Абъиснитись»². О каком Марксе и Гегеле, о каком «Капитале» и «Логике» могла в таких условиях быть речь! А ведь признаем, что уровень политической грамотности у Чапаева, Буденного, Щорса, Брежнева, Черненко был не выше того, что обозначен выше. Но Бог с ними, с властями. Им не обязательно проходить ликбез. А как же платные апологеты Маркса оценивают его влияние на сегодняшние события в нашей стране?

Многие наши публицисты и ученые, как, например, доктор философских наук А.Ципко, еще вчера готовы были перегрызть горло всякому, кто осмеливался не то чтобы критиковать Маркса, но хотя бы слегка усомниться в том или ином его слове. Сегодня они камня на камне не оставляют от его учения, уверяя, что все зло в нашей стране пошло от Маркса, Энгельса. С пеной у рта они доказывают, что все содеянное большевиками за 75 лет советской власти и есть реализация на практике их учения о социализме.

«Анализируя прошедшее, — считает А.Ципко, — надо, наверное, начинать со слова, с проекта, с наших теоретических основ... В целом и мышление Сталина, и его представления о социализме были типичными для марксистов того времени. Сталин как личность сформировался в марксистской среде, как мог, в силу своих особенностей и подготовки, осваивал теоретическое наследие классиков, в целом никогда не выходил за рамки азбучных истин марксизма в своих статьях и речах»³. Еще более категорично

¹ Ленин В. И. Философские тетради. М., 1965. С. 162.

² Обозреватель. 1995. № 10. С. 12.

³ Наука и жизнь. М., 1988. № 11. С. 47.

А.Ципко пишет в «Новом мире»: «Идеи Маркса и вся наша послеоктябрьская история слиты воедино»¹.

Следовательно, в ГУЛАГах, в массовых репрессиях, в депортациях народов с их исторических мест проживания, во многих и многих других преступлениях против человечества виноваты не Сталин, не Берия, не фанатичные или беспринципные большевики, не наши беспартийные соотечественники, напрасно рассчитывавшие своим страусовым поведением купить право жить по принципу «моя хата с краю», осуществляющие все вместе широкомасштабную программу уничтожения России и ее народов, а один К.Маркс, заразивший добрых российских революционеров дурной болезнью. Мне кажется, что такой вывод обнаруживает не только трусоватость, но и высокую степень непорядочности тех, кто так думает. Это дурные дворовые мальчишки научили подлостям и гадостям наших чистых, благородных мальчиков и девочек, внушает нам Ципко. Если бы так, вот было бы хорошо!

Наших ученых-общественников, быстро отказавшихся от своих «марксистских» убеждений, можно еще понять, поскольку за годы советской власти им столько раз приходилось лгать и лицемерить, приспособляясь к меняющейся «генеральной линии» партии в идеологических вопросах, что беспринципность стала их главным жизненным принципом. Но вот выступает с книгой «Обвал» А.Н.Яковлев, долгие годы руководивший в партии «агитпропом», поднявшийся по партийной иерархической лестнице на самый верх — в Политбюро. Всю свою сознательную жизнь А.Н.Яковлев посвятил изучению марксизма, пропаганде этого учения и жесткому искоренению инакомыслия. И вот этот человек из высших эшелонов партийной марксистской власти, не малограмотный партработник, вырвавшийся «наверх» благодаря своей угодливости, а полный академик АН СССР, неожиданно обрушивается на Маркса,

¹ Новый мир. М., 1990. № 4. С. 188.

которому всю свою жизнь пел возвышенные дифирамбы.

Академик А.Н.Яковлев заявляет, что «в марксизме — торжество застывших догм... но главная из них — помешательство на идее классовой борьбы...»¹. Оказывается, не Бабёф,Blanки, с которыми Маркс боролся всю жизнь, и наши русские экстремисты, а сам Маркс был проповедником насильственного переустройства общества по милой его душе схеме. Яковлев пишет: «Основной вывод Маркса сводился к тому, что нужно перевернуть мир, основать диктатуру пролетариата и создать общественное производство»².

А.Н.Яковлев укрепляет обывателя в вере, что все наши беды, настоящие и прошлые, — в марксизме, ибо «большевизм — родное дитя марксизма. С точки зрения исторической — это система социального помешательства»³. Насчет большевизма и помешательства с А.Н.Яковлевым согласиться можно, хотя непонятно, как это помешательство охватило не кучку теоретиков, а сотни миллионов людей. Но ставить знак равенства между марксизмом и большевизмом могут лишь люди, игравшие всю жизнь краплеными картами, а теперь невинно признающие, что в своей игре они «нечаянно» воспользовались не той колодой.

Выход народа из идеологического кризиса представляется А.Н.Яковлеву очень простым. Надо народ освободить теперь от марксизма, к которому приучали его все годы советской власти, и все сразу встанет на свои места. Иллюзии марксистской идеологии еще живы... «Истоки и корни этих иллюзий — в ленинских воли, в неумном желании и глубоко засевшей привычке прислониться к авторитету»⁴. Ну вот, опять партия, ее недавние вожди упрекают нас в ленинских, тупости, т.е. неумении, нежелании жить своим умом.

¹ Я к о в л е в А. Н. Провал. М., 1993. С. 20.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 15.

Политбюро, КПСС ни в чем не виноваты перед народом. А вот народ с его «леностью воли» кругом виноват перед мудрыми вождями, желавшими ему добра. Но разве с таким народом можно сделать что-то толковое?

В жизни бывают такие ситуации: стоит толпа здоровых мужиков и отворачивается, как бы не замечая, что пара задир изгаляются над окружающими. Вдруг появляется решительная женщина и пустой авоськой разгоняет их. Вот и в науке создалось такое же положение. Наталия Морозова, у которой в прошлом ни научных степеней за защиту марксизма, ни полученного в Академии общественных наук ЦК КПСС так называемого базового марксистского образования нет, берет книгу А.Н.Яковлева «Обвал», терпеливо сравнивает положение за положением у Маркса и Яковлева и с недоумением замечает: «Да кто же это пишет, «академик» или студент-троецник? Неряшливо построенные фразы, не по назначению употребленные слова, логические ошибки. Подумалось, а был ли мальчик-то? Был ли интеллигент? Или его прежний имидж создавался безымянными трудягами-референтами, оплачиваемыми ЦК?» («Правда», 1992, 3 декабря).

С этим недоумением пусть Н.Морозова разбирается сама. Конечно, нельзя человека заставлять верить в то, в чем он разуверился. Нужна большая смелость, мужество, чтобы в конце жизни признать, что жизнь прожита в диком заблуждении. Но академик должен в назидание потомкам показать и доказать, в чем были ошибки и заблуждения Маркса, А.Н.Яковлева, всех нас. Тут одной декларации мало. Разбить идеологически Маркса можно и нужно, но так, как это сделал Энгельс с Дюрингом, т.е. последовательно доказывая несостоятельность одного положения за другим. Академик А.Н.Яковлев выбрал другой, более легкий путь, дискредитирующий его и всех тех специалистов-обществоведов, которые молча глотают теперь необоснованную критику в адрес Маркса, хотя раньше вцепились бы в любого, кто посмел бы сказать хоть сотую часть того, что выдал «на-гора»

А.Н.Яковлев, перейдя в статус марксистского «попарасстриги».

Мне кажется, что главная ошибка новых антимарксистов, если исключить возможную тягу их к дешевым спекуляциям на популистских настроениях, состоит в том, что они работают в своем прежнем научном «ключе», суть которого в умении «надергать» кучу «нужных» цитат из классиков для доказательства «нужных» в данный момент начальству идей. Для них это дело хорошо знакомое, любимое. И они научились жонглировать высказываниями авторитетов не хуже цирковых артистов. Сама же логика Марксова учения их, видимо, не интересует, тем более если она вступает в противоречие с устремлениями начальства.

На мой взгляд, не официальные бывшие марксисты, живо переметнувшиеся в стан противников марксизма, а диссидент и «антисоветчик» А.Авторханов абсолютно прав, когда в своей статье «Духовные предтечи Ленина»¹ доказывает, что большевизм в России ничего общего не имеет с марксизмом, что он прямо противоположен ему и философия его своими глубинными корнями восходит в первую очередь к российской почве, к таким революционным деятелям, как Бакунин, Нечаев, Ткачев, Лавров, Чернышевский, с заимствованием многих раскритикованных Марксом положений у Бабёфа и Бланки. Маркс и российские большевики, доказывает А.Авторханов, враги и антиподы по своим основным взглядам на организацию общественной жизни страны.

Русский философ Лев Шестов, наблюдавший победное шествие большевистской власти по России после Октября 1917 года, уже тогда сумел рассмотреть сущность большевиков: «Они сами формулируют свою задачу так: сперва нужно все разрушить, а потом лишь начать создавать... Само собой разумеется, что Маркс не признал бы в людях, возвестивших такую программу, своих учеников и последователей.

¹ Слово. М., 1991.

Маркс полагал, что социализм есть высшая форма хозяйственной организации общества, с такой же железной необходимостью вытекающая из предыдущей буржуазной организации, с какой буржуазное хозяйство следовало за феодальным... Задача социализма соответственно этому представлялась Марксу как задача созидательная. Превратить буржуазное хозяйство в хозяйство социалистическое значило путем перехода к высшей, улучшенной организации производства не разрушить, а увеличить производительность системы, это была задача положительная. От нее большевики сразу отказались, ибо, очевидно, чувствовали, что не их дело создавать. Гораздо проще, легче, доступнее существовать на счет того, что раньше было создано. И большевики ведь, в сущности, ничего не разрушают. Они просто живут тем, что нашли готовым в прежнем хозяйственном организме»¹. Лев Шестов, как видим, придерживался того же мнения: Маркс и большевики — антиподы; враги.

Почему я считаю выводы А.Авторханова и Л.Шестова о диаметральной противоположности марксизма идеологии большевиков правильными? Постараюсь обосновать свое мнение сравнением позиций большевиков и марксистов по нескольким кардинальным проблемам.

В чем Маркс не похож на российских большевиков?

Как уже упоминалось выше, А.Н.Яковлев упрекает Маркса в «помешательстве на идее классовой борьбы», на стремлении «перевернуть мир, основать диктатуру пролетариата и создать общественное производство». Как известно, феномен классовой борьбы открыт не Марксом, о чем он не раз говорил.

¹ Что такое русский большевизм? // Странник. М., 1991. В. 1. С. 51.

Если перечитать знаменитую речь Энгельса на могиле Маркса, то можно легко убедиться, что главной заслугой Маркса марксисты считали отнюдь не то, что он придумал социализм и ради него призвал людей силой уничтожить существующие порядки, а частную собственность превратить в общественную. Об этих идеях, приписываемых сейчас Марксу, не было сказано на его могиле ни одного доброго или худого слова, так как современникам Маркса даже в голову не могло прийти, что потомки могут приписать ему идеи, с которыми он всю жизнь страстно боролся. Энгельс сказал тогда, что у Маркса перед наукой две главные заслуги. Первая — в том, что он доказал первичность в жизни общества экономики, житейских потребностей людей, а не идеологических выдумок, на которые так горазды фантазеры и фанатики. И вторая заслуга — открытие прибавочной стоимости и связанной с ней отчужденности работника от результатов труда, что тормозит общественный прогресс.

А как же с социализмом, обобществлением собственности, диктатурой пролетариата, спросит читатель. Все это, с точки зрения Маркса, вторично, третично или вообще гроша ломаного не стоит, если игнорируются два вышеприведенных вывода. Марксизм не допускает никаких предположений, если жизнь не подтверждает их правильность показателями эффективности. Энгельс в одном из писем Лафаргу прямо говорит об этом: «Коль скоро речь идет о «человеке науки»... то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике. Человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения».

Марксов социализм — это отнюдь не тот идеал, за осуществление которого мы смело в бой пойдем и как один умрем в борьбе за «ЭТО». Маркс готов от него отказаться, если социализм окажется менее экономически эффективен, чем капитализм.

Итак, *первое принципиальнейшее отличие марксизма от большевизма состоит в том, что марксизм на первое место ставит экономику, ее эффективность, большевики — политику, стремление любой ценой добиться того, что им взбредет в голову.* Подлинные марксисты весьма снисходительно относились к тем огромным недостаткам, порокам, которые присущи капитализму, считая глупостью выдумывать и строить такое общество, которое возьмет у прошлого все хорошее и выбросит плохое. Этот свой взгляд они обосновывали весьма «оппортунистически»: «Пока тот или иной способ производства находится на восходящей линии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения. Так было с английскими рабочими в период возникновения крупной промышленности. Более того, пока этот способ производства остается еще общественно нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением, и если протесты и раздаются в это время, то они исходят из среды самого господствующего класса (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) и как раз в эксплуатируемых массах не встречают никакого отклика. Лишь когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей восходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь, лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда люди начинают апеллировать от изживших себя факторов к так называемой вечной справедливости. Эта апелляция к морали и праву в научном отношении несколько не продвигает нас вперед; в нравственном негодовании, как бы это ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом. Ее задача состоит, напротив, в том, чтобы установить, что начинающие обнаруживаться пороки общественного строя представляют собой необходимое следствие существующего способа производст-

ва... Гнев, создающий поэтов, вполне уместен как при изображении этих пороков, так и в борьбе против проповедников гармонии, которые в своем прислужничестве господствующему классу отрицают или приукрашивают эти пороки, но как мало этот гнев может иметь значение в качестве доказательства для каждого данного случая, это ясно уже из того, что для гнева было достаточно материалов в каждую эпоху всей предшествующей истории»¹.

Итак, пороки капитализма, какими бы страшными они ни были, по Марксу, совсем не достаточное основание, чтобы уничтожить его и на развалинах строить что-то новое. Важно другое — изжил себя этот строй или нет. Вот вопрос вопросов, от ответа на который зависит вся последующая деятельность революционеров. Было время (и долгое), когда Маркс и Энгельс верили, что капитализм уже стал полутрупом, и ожидали вот-вот революции, которая откроет человечеству путь к социализму. Ленин еще в 1907 году заявляет по поводу революционных прогнозов Маркса и Энгельса буквально следующее: «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (например, в 1848 году в Германии), в вере в близость германской «республики»... Они ошибались в 1871 году, когда заняты были тем, чтобы поднять Юг Франции, для чего они... жертвовали и рисковали всем, что было в силах человека»².

Иными словами, вывод Маркса и Энгельса о том, что призрак бродит по Европе, призрак коммунизма, вывод, сделанный ими в 1848 году в «Манифесте», не подтверждался и, следовательно, хоронить капитализм было преждевременно, если не быть, конечно, авантюристом. Наблюдая за развитием общественных процессов, Энгельс в конце своей жизни вынужден был признать это откровенно и мужественно: **«История показала, что и мы, и все мыслившие подобно**

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 153.

² Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 15. С. 249.

нам, были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития Европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства», что капиталистическая основа, на которой происходило это развитие, «обладала еще очень большой способностью к расширению» (выделено мной. — Г.Л.). С принципиальностью ученого, которая абсолютно непонятна некоторым нашим обществоведам, Ф.Энгельс отмечал: «История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариата. Способ борьбы, применявшийся в 1848 году, теперь во всех отношениях устарел»¹.

Такой неожиданный, я бы сказал, «капитулянтский», вывод вполне логичен для настоящего ученого, у которого не вывод довлеет над процессом, а изменения в процессах определяют конечный вывод. Выдвигая идею «экспроприации экспроприаторов» в связи с теорией стоимости, создаваемой живым трудом, Маркс предполагал и другой, мирный вариант развития событий.

В первоначальном варианте «Капитала», позднее получившем название «Экономические рукописи 1857—1861 гг.», Маркс сделал набросок совсем другого механизма перехода к обществу будущего. В этом механизме движущей силой выступает не революционная «экспроприация экспроприаторов», а развитие науки и техники, достигающее такой степени, когда сама стоимость как порождение живого труда отмирает, а значит, должны претерпеть глубокие изменения и все общественные отношения, основанные на создании, присвоении и потреблении стоимости. Вот этот текст Маркса: «Обмен живого труда на овеществленный труд, т.е. полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основан-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 535.

ного на стоимости производства. Предпосылкой этой последней ступени является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности соиздание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, а зависят скорее от общего уровня науки и от прогресса техники или от применения этой науки к производству»¹.

Обращая внимание на два Марксовых совершенно различных механизма перехода к обществу полного равноправия, О.Лацис в нынешнем процессе компьютеризированного производства усматривает реализацию этого второго, созидательного, эволюционистского пути развития общества к социализму.

Такой Маркс, такой марксизм, конечно, никак не устраивали большевиков, рвавшихся в немедленный революционный бой за свержение капитализма. Для них он оставался гнилым и трухлявым, обреченным немедленно рассыпаться в прах при первом решительном ударе. Об этом Ленин категорически заявил в своей известной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), где обошел молчанием вышеприведенный вывод Энгельса о способности капитализма к самоусовершенствованию, не удостоив его даже голословным опровержением. Характерно, кстати, что, когда на XIII съезде РКП(б) в 1919 г. принималась программа партии, Ленин категорично настаивал: «Тот капитализм, который был обрисован в 1903 году (старая программа. — Г.Л.), продолжает оставаться и в 1919 году в Советской пролетарской

¹ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 212 — 213.

республике, как раз благодаря разложению империализма, в силу его краха».

Верой в скорый крах империализма, сгнившего якобы на корню, большевики морочили нам голову все долгие десятилетия, пока сами не «крахнули».

Итак, *второе принципиальнейшее отличие марксизма от большевизма — оценка способностей капитализма к обновлению и расширению.*

Несомненным достижением нашего общества и его нынешнего руководства является признание того давно для всех разумных людей очевидного факта, о котором еще задолго до Октябрьской революции говорил, как упоминалось, Энгельс, что капитализм не только не сгнил, а обрел «второе дыхание» и рванул далеко вперед в своем развитии, оставив своих растерявшихся могильщиков у ямы, в которую им, трудягам-землекопам, впору ложиться теперь самим. Не будем обольщаться тем, что это признание явилось результатом усилий упорного, напряженного аналитического большевистского ума: оно вырвано пониманием той силы, которую обнаружил капитализм в своем противостоянии большевистским претензиям на мировое господство. Не будем останавливаться и на том, как сейчас проходит процесс осознания реальности и вживания в нее. Это особая тема для исследования. Но отметить крутой поворот в развитии нашей страны в связи с переоценкой состояния здоровья капитализма крайне важно.

Хотя и обольщаться всем этим тоже особо не стоит, поскольку главный постулат Маркса о примате экономики над политикой остается по-прежнему неприемлемым для властей, официально порвавших с большевизмом. В этом мы убеждаемся каждый день и по несколько раз на дню. Развал СССР в той форме, в которой он был осуществлен, определение границ суверенитета новых государств и регионов, споры вокруг существа новой Конституции и многое другое доказывают, что **новые власти являются духовными наследниками классических большевиков.**

Но продолжим сравнивать наше большевистское мышление с идеологией марксизма. Исходя из раз-

ных оценок степени зрелости капитализма, его «способностей к расширению», Маркс и большевики по-разному смотрели и на необходимость обобществления собственности. Марксисты четко различали обобществление как акт юридический и его экономическую сущность и предостерегали от опасности смешения этих двух понятий. Энгельс в «Анти-Дюринге» в разделе о социализме разъясняет, при каких условиях частная собственность превращается в общественную. «Это возможно лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство из самых обычных политических и финансовых соображений само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главные прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социали-

стическими учреждениями королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии»¹.

Как видим, марксисты настроены очень оппортунистически в отношении перспектив обобществления собственности. Они готовы тотчас капитулировать и отступить от своих намерений обобществлять что-либо, если обнаружится, что данный субъект не готов, не созрел для этого. Их лозунг прост и гуманен: ни одна форма собственности не устраняется из жизни до тех пор, пока не исчерпает всех своих резервов развития, роста.

Большевики, естественно (для них), никак не могли согласиться с тем, чтобы, как советовали Маркс и Энгельс, подождать, когда шашлык дожарится, а яблоко созреет. Им хотелось слопать все сразу и немедленно. Медицине известно, какой результат бывает от такого торопливого потребления неготового продукта. Большевики вопреки предупреждениям Маркса и Энгельса обобществили не только то, что не созрело до раннего капитализма, но и производство, которое находилось на уровне феодального общества (ремесла), и даже попытались вогнать в социализм такие виды производства, которые оставались на уровне еще более примитивном. Обобществлять у крестьян коров, свиней, кур могли только сумасшедшие или особый род малограмотных книжников, которые обалдели от чтения уже первых страниц «Капитала» Маркса. Следовательно, *марксизм и большевизм подходят с диаметрально противоположных позиций к вопросу обобществления. И это их третье важнейшее различие.*

Обращаясь к событиям сегодняшнего дня, мы опять должны отметить громадный прогресс в сознании нашего общества, его новых руководителей, решивших наконец привести в соответствие уровень экономического и юридического обобществления, т.е. осуществить приватизацию так называемой общенародной собственности. Но сделать это оказалось делом безумно трудным. И в первую очередь потому,

¹ Там же. Т. 20. С. 289.

что приватизаторы, бывшие коммунисты, понимают разгосударствление собственности по-большевистски, как простую смену юридического собственника. Вся система производственных отношений остается при этом либо прежней, либо такой несовершенной и запутанной, что новый собственник должен неизбежно погибнуть. И мы вместе с ним.

Особенно ярко это вскрылось в кампании по разрушению колхозов, совхозов, в попытках заменить их фермерами. Банки, кредиты, снабжение, сфера услуг функционируют в сельском хозяйстве настолько старорежимно (стараясь к тому же взять с крестьян даже побольше, чем прежде), что фермер-собственник никогда не сможет встать на ноги, тем более внедрить индустриальную технологию производства. Государство, расписываясь в своей полной неспособности организовать производство для удовлетворения нужд человека, хочет провести приватизацию так, чтобы всю ответственность за результаты хозяйствования свалить на нового собственника, оставляя за собой, т.е. за своими чиновниками, по-прежнему все основные командные позиции. Что коллективизация, что приватизация — в большевистском исполнении одинаково ведет к голоду и разрухе.

Непонимание разницы между юридическим и экономическим уровнем обобществления привело к тому, что большевики разошлись с Марксом, Энгельсом и в оценке роли насилия в деле развития общественных процессов. Подлинные марксисты признавали необходимость созидательного насилия, которое сравнивали с ролью повивальной бабки, т.е. акушерки, а не головореза, вспарывающего живот своей жертве. Поэтому, критикуя Дюринга, духовного предтечу большевиков, утверждающего, что «первичное все-таки следует искать в непосредственном политическом насилии, а не в косвенной экономической силе»¹, Энгельс, как бы обращаясь через голову своих современников к русским большевикам,

¹ Там же. С. 162.

наставлял их: «Насилие есть только средство, целью же является напротив — экономическая выгода... Насилие не в состоянии делать деньги, а в лучшем случае может лишь отнимать сделанные деньги, да и от этого не бывает много толку...» «Если бы, — продолжает объяснять Энгельс, — «хозяйственное положение», а вместе с ним и экономический строй какой-либо страны попросту зависели... от политического насилия, то было бы невозможно понять, почему Фридриху-Вильгельму IV не удалось после 1848 года, несмотря на всю «доблестную армию», привить средневековое цеховое устройство и прочие романтические причуды железнодорожному делу, паровым машинам и начавшей как раз в это время развиваться крупной промышленности его страны, или почему русский царь, который действует еще гораздо более насильственными средствами, не только не в состоянии уплатить свои долги, но не может даже удержать свое «насилие» иначе, как непрерывно делая займы у «хозяйственного положения» Западной Европы»¹.

Как современно звучат эти слова Энгельса сегодня, подтверждая несостоятельность большевистского и небольшевистского насилия над экономикой. *Как видим, оценка роли насилия в жизни общества тоже противопоставляет большевизм марксизму. И это уже четвертое серьезнейшее отличие, которое не может быть упущено при сравнении двух учений.*

Встав на путь полной ревизии марксизма как комплексного учения о динамике развития общества и не утруждая себя тем, чтобы теоретически опровергнуть основные выводы Маркса и Энгельса на этот счет, большевики не приняли и положение их о том, что социализм может утвердить себя только при условии его победы одновременно в нескольких наиболее экономически развитых странах. Большевики отвергли этот тезис как «капитулянтский» и заверили мир в том, что социализм прекрасно можно строить

¹ Там же. С. 171, 189.

и построить в отдельно взятой стране, причем наиболее отсталой в Европе. Они не только заявили о такой возможности, но вскоре после своего прихода к власти уже рапортовали о построении социализма в СССР.

На XVII съезде партии в 1934 году было заявлено, что «уже за годы первой пятилетки построен фундамент социалистической экономики», а еще через два года Сталин писал: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т.е. осуществило то, что у марксистов называется первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма»¹.

Пройдет немного времени, и партия в своей новой программе запишет обещание закончить в полуголодной стране строительство фундамента коммунизма к 1980 году. Спрашивается, какое отношение все это имеет к Марксу, Энгельсу, к их учению о социализме? Заметим, *это уже пятое отличие, резко отличающее большевиков от Маркса.*

Наконец, *шестое, может быть, самое важное отличие марксизма от большевизма.* Я имею в виду высокий уровень аморальности большевиков, возведенной ими в принцип, которым они гордились особо, считая это качество в человеке главным для участия в революционном преобразовании мира. Ленин на этот счет афористично сказал: в политике нет морали, а есть целесообразность. И еще раз высказался в том же духе на III съезде комсомола: нравственно лишь то, что служит интересам коммунизма. Это убеждение легло в основу морального разложения общества, которое большевики упорно осуществляли все прошедшие долгие десятилетия. И, как известно, в этом они, увы, весьма преуспели.

Здесь нет нужды напоминать о том, какого размаха и какой глубины морального падения достигли большевики, используя порочный ленинский тезис о

¹ С т а л и н И. В. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М., 1930. С. 553.

вседозволенности в практике управления государством. Не только ГУЛАГ, не только Катюнь, но и человеческие отношения даже в высших эшелонах власти были отмечены глубокой печатью аморальности, беззакония, поскольку властям всех уровней разрешалось трактовать законы, как им вздумается, а огромное пространство человеческой жизни, не охваченное правом, вообще превращалось в джунгли с их специфическим порядком, основанным на силе, т.е. на насилии. Только перед своей политической смертью большевики заговорили о правовом государстве. Раньше они отрицали саму эту идею.

Известно, какое огромное значение Маркс и Энгельс придавали морали и праву. Жалко, что здесь нельзя переписать начало работы Энгельса «Анти-Дюринг», специально для тех высоких критиков марксизма, которые его, видимо, не читали или эта работа им была не по возрасту сложна. Но каждый, кто прочитает хотя бы эти первые страницы, посвященные разъяснению Марксова понимания проблем морали и права, естественно, поймет, что в рамки марксизма никак не укладывается ни Павлик Морозов, ни «подвиги» жен и мужей, писавших доносы друг на друга и на близких; ни поведение обвинителей и обвиняемых на позорных процессах 1937–1938 годов; ни героизм М.И.Калинина, стойко работавшего президентом страны («всесоюзный староста»), даже когда его жена работала в ГУЛАГе на «легкой» работе — давила вшей в белье арестантов, ни стойкость В.М.Молотова, не покинувшего капитанского (премьер-министр) мостика и тогда, когда его жена — Жемчужина — была посажена в тюрьму.

А чего стоят слова трагически-героического теоретика большевизма Н.И.Бухарина, который без тени сомнения в правоте начавшегося правового беспредела писал своему партийному другу К.Е.Ворошилову в 1936 году: «Обнимаю... циник-убийца Каменев — омерзительнейший из людей, падаль человеческая... Что расстреляли собак, страшно рад». И другие слова, причем не вампира Сталина, а того

же мягкого и почти что интеллигентного Н.И.Бухарина, сказанные в том же 1936 году: «Мы проводили массовые уничтожения беззащитных людей вместе с их женами и детьми... Но поток движется вперед в том направлении, в котором должен (подчеркнуто мной. — Г.Л.) течь. В нем люди... растут и строят новое общество»¹. Какие люди растут и какое общество строят? Впрочем, нам ли этого не знать. Может быть, следует признать правоту К.Чуковского, заметившего однажды: «Сколько ни говори о будущем поколении, но это поколение будет оголтелым, обездушенным, темным» («Знамя», 1992, № 12).

О глубочайшей аморальности большевиков, не прикрываемой даже демагогией о будущем России и интересами классовой борьбы, свидетельствует и такой факт из истории КПСС. После смерти в 1919 году Свердлова, председателя ВЦИК, его личный неогороженный шкаф не вскрывали 16 лет. Вскрыл его нарком внутренних дел СССР и родственник Свердлова Г.Ягода 27 июля 1935 года. Он писал Сталину, что обнаружил в шкафу золотых монет царской чеканки 108 525 руб., 705 золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, чистые бланки паспортов, в том числе на имя Я.М.Свердлова. Кроме того, царских денег в сумме 750 тыс. рублей (см.: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918 — 1922 гг. Казань, 1995, с. 251).

Заботой не только о благе россиян, но и о своем личном благополучии отличались и большевики поздних времен. Нью-йоркское издательство «Сент-Мартин Пресс» выпустило книгу англичанина Уильяма Кларка «Потерянное счастье царей» — о русских драгоценностях и золоте. Точнее, о том, как все это бесследно и таинственным образом пропадает. У.Кларк пишет, что в 1914 году в России был самый крупный золотой запас в мире, а к 1921 году казна оказалась абсолютно пуста. Бесследно исчезло золото и драгоценности на десятки миллиардов долларов.

¹ Литературная газета М., 1989, 22 марта.

Примерно то же случилось в начале 90-х годов, когда общие резервы золота и валюты упали с 11 миллиардов долларов до нуля в течение 18 месяцев («Известия», 1995, 26 августа). Высокие, громкие слова, широко используемые большевиками на людях, зачастую прекрасно сочетались с тем, что они были не чисты на руку. Винават ли в этом злосчастный Маркс?

Чтобы осознать всю глубину той пропасти, которая отделяет Маркса и Энгельса от большевиков, от их философии, надо сопоставить также их позиции по национальному вопросу, по вопросу о принципах внешней политики пролетарского государства. Марксисты на этот счет высказывались весьма категорично: «Победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы»¹. Известны и такие афористичные слова Энгельса: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. В справедливости этих слов мы могли убедиться на собственном опыте.

Чем больше побед одерживали большевики в навязывании своих порядков (сначала на территории бывшей царской империи, потом, накануне Второй мировой войны, в Прибалтике, Финляндии, Польше, после войны — в странах Восточной Европы, на Дальнем Востоке; наконец, позорная агрессия в Афганистане, в Чечне), тем глубже погружалась Россия в нищету, бесправие, автаркизм. Зная все это, зная теперь те детали авантюристической внешней политики большевиков, которые тщательно скрывались от общественности, можно ли, не кощунствуя, говорить о марксистском происхождении большевистской философии в тонком деле строительства отношений с разными народами, странами? Конечно, нет. *И это (седьмое) расхождение по национальному вопросу тоже позволяет говорить о том, что марксизм — враг большевизма.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 298.

И наконец, необходимо обратить внимание еще на одно важное отличие марксизма от большевизма. Как известно, Маркс, Энгельс усиленно подчеркивали гуманистическую природу нового, идущего на смену капитализма общества, где свобода личности, всестороннее развитие индивидуума станет условием свободы и развития всех членов общества. В бесчисленных томах о «социализме», который строили и построили большевики, личность, индивидуум рассматривается как необходимая жертва, которая приносится на алтарь интересов государства, идентифицируемого со всем обществом.

О противоположном марксизму взгляде большевиков на место, роль человека в новом обществе можно говорить много, но лучше Сталина, тут я готов отдать ему должное, сказать невозможно. Он, как помним, отвел человеку роль «винтика», болтика в громадном общественном механизме. Или «щепки», которые летят при рубке леса. Не больше.

По основным проблемам преобразования общества на социалистических началах Маркс и большевики расходились в диаметрально противоположных направлениях. Таких расхождений мы насчитали восемь. Маркс, как видим, *был терпеливым эволюционистом, большевики — нетерпеливые революционеры, фанатики, авантюристы.*

Маркс и Энгельс не только предостерегали, но и предсказывали все главные последствия хозяйничанья большевиков-революционеров, если они когда-нибудь, где-нибудь придут к власти. Напомню только некоторые их предостережения, которые были нами полностью проигнорированы. Ну, прежде всего, это попытка «конституировать» в плановом порядке стоимость товаров на базе издержек производства, т.е. на затратах труда, и обеспечить тем самым справедливый обмен товаров. Маркс саркастически комментирует последствия введения такого порядка на бытовом примере.

«Предположим, — писал он, — что Петр проработал двенадцать часов, а Павел только шесть часов, в таком случае Петр может обмениваться с Павлом

только шестью часами на шесть часов; остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что сделает он с этими шестью рабочими часами?

Или ровно ничего не сделает, и, таким образом, шесть рабочих часов пропали для него даром, или он просидит без работы другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец, — и это для него последний исход — он отдаст эти ненужные ему шесть часов Павлу в придачу к остальным.

Итак, что же в конце концов выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только часы досуга, он будет вынужден бездельничать в продолжение шести часов. Чтобы это новое право на безделье не только признавалось, но и ценилось в новом обществе, это последнее должно находить в лености величайшее счастье и считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало. И если бы еще, возвращаясь к нашему примеру, эти часы досуга, которые Петр выиграл у Павла, были для Петра действительно выигрышем! Но нет. Павел, который вначале работал только шесть часов, достигает посредством регулярного и умеренного труда того же результата, что и Петр, начавший работу чрезмерным трудом. Каждый захочет быть Павлом, и возникнет конкуренция, конкуренция лености, с целью достичь положения Павла.

Итак, что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда»¹.

Как удивительно точно эту картину, нарисованную Марксом в те давние времена, воплотили большевики. Подставьте в Марксовом рассуждении к имени более искусного работника Петра слово «ударник», «стахановец» — и все станет на свои места, все наши недостатки осветятся ярким светом. Не будучи в силах читать в забое труды Маркса, рабочие животом

¹ Там же. Т. 4. С. 106 — 107.

понимали правоту Марксовой критики теории «конституированной стоимости и системы цен», зарплаты, основанной на ней, поэтому при первой возможности они били морду «стахановцам», к удивлению прудонистов и советской власти, но не к удивлению настоящих марксистов.

Маркс и Энгельс предупреждали и об опасности уничтожения денег в их классическом качестве товара всех товаров, а не в роли бумажек, подтверждающих те или иные трудовые затраты. Это грозит губительными диспропорциями в структуре производства, предостерегали нас Маркс и Энгельс. И опять же саркастически, просто издевательски, они изображали те порядки, которые установят большевики, дорвавшись до власти.

«Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под горами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Розбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу выдана правильная расписка, расчеты в котором все в точности «совпадают» и по которому все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно. А кто этому не верит, тот пусть обратится к счетоводу Икс главной кассы государственного казначейства в Померании, который проверял счет, нашел его правильным и как человек, еще ни разу в недочете по кассе не уличенный, заслуживает полного доверия»¹.

И это, как видим, сказано не в бровь, а в глаз про нашу сегодняшнюю жизнь. На полках магазинов до вчерашнего дня, пока инфляция не достигла ка-

¹ Там же. Т. 21. С. 190.

тастрофических размеров, годами лежала куча неходовых товаров, а за теми, что нужны покупателю, очереди, давка, черный рынок, спекуляция, всякие другие отвратительные явления, достойные того «социализма», который строится на примитивных представлениях о жизни общества, но несовместим с научным социализмом — альтернативой развития человечества. Как показал долгий опыт, нашей беде не поможет никакая смена вождей. Нужна смена принципов функционирования общества.

К.Маркс и Ф.Энгельс «предостерегали» большевиков и от попытки реализовать сумасбродную идею превращения денег в средство, обеспечивающее лишь более или менее равное потребление, но не выполняющее сквозной функции всеобщего эквивалента. Деньги, выступающие в качестве удостоверения часов, проведенных человеком на общественной работе, и дающие ему лишь право на такое количество продуктов, в которых овеществлено некое количество труда, такие деньги долго не просуществуют. Они постепенно, но уже в деформированном виде будут превращаться в настоящие деньги, восстанавливая в разных уголках «нового» общества прежние, по существу, производственные отношения. Энгельс, можно сказать, втолковывал большевикам простые истины, доказывая несостоятельность попыток добиться социальной справедливости, кастрируя институт денег. «Холостяк, — писал Энгельс, — великолепно и весело живет на свой ежедневный заработок в восемь или двенадцать марок, тогда как вдовец с семьей несовершеннолетними детьми может лишь скудно прожить на такой заработок... Налицо оказываются возможность и мотив, с одной стороны, для образования сокровищ, с другой — для возникновения задолженности... А так как собиратель сокровищ имеет возможность заставить нуждающихся платить проценты, то... восстанавливается также и ростовщичество»¹. Это что касается судьбы денег, так сказать, на внутреннем рынке. Но помимо со-

¹ Там же. Т. 20. С. 315 — 316.

циализма в отдельно взятой стране существует остальной грешный мир, где жизнь идет по старинке, т.е. где золото и серебро остаются мировыми деньгами, всеобщим покупательным и платежным средством, абсолютным воплощением богатства. У тех «социалистических» граждан, у которых накапливаются деньги, объясняет вторую простую истину Энгельс, будет обязательно рождаться желание превратить их в конвертируемую валюту. И тогда: «Ростовщики превращаются в торговцев средствами обращения, в банкиров, в господ, владеющих средствами обращения и мировыми деньгами, а следовательно, в господ, захвативших в свои руки производство и самые средства производства, *хотя бы эти последние еще много лет продолжали фигурировать номинально как собственность хозяйственной и торговой коммуны*» (выделено мной. — Г.Л.). Но тем самым эти превратившиеся в банкиров собиратели сокровищ и ростовщики становятся также господами самой хозяйственной и торговой коммуны. «Социалитет» г-на Дюринга в самом деле весьма существенно отличается от «туманных представлений» других социалистов. Он не преследует никакой другой цели, кроме возрождения крупных финансистов; под их контролем для их кошельков коммуна будет самоотверженно изнувать себя работой — если она вообще когда-нибудь возникнет и будет существовать. Единственным для них спасением могло бы явиться лишь то, что собиратели сокровищ предпочтут, быть может, при помощи своих мировых денег не медля ни минуты... сбежать из коммуны¹. Что, как известно, миллионы наших людей и делают.

В чем Маркс оказался не прав?

Нельзя отрицать, что большевики смогли построить новое общество. **Построили. Построили не бла-**

¹ Там же. С. 316.

годаря, а вопреки идеям Маркса. Поэтому, как и предупреждали марксисты, это получился «казарменный специфически прусский социализм»¹. В этом отношении, как видим, Маркс оказался полностью прав, выступая футурологом, предсказывая трагедию, которую переживает наша страна, наши народы, решившие строить свою жизнь без учета опыта мировой истории.

Так в чем же Маркс все-таки оказался не прав? На мой взгляд, в главном. В том, что, отказываясь говорить о конкретных путях и способах строительства социализма, он утверждал, будто следующие поколения будут не глупее его современников и они найдут правильные решения сложных проблем. В этом, как мы убедились, он сильно просчитался. Но жизнь продолжается, и надо иметь мужество признавать ошибки и пытаться исправлять их. Нужен ли нам в этом случае Маркс, его учение? Безусловно. Но не для того, чтобы, как и прежде, прикрывать цитатами из его работ свою дурь, а с тем, чтобы, учитывая философию Аристотеля, Канта, Гегеля, Фейербаха, Маркса, Энгельса... нащупать верные пути для выработки практических решений, соответствующих времени, месту, ситуации. Прислушаемся к тем, кто умеет так поступать. Когда Гельмута Шмидта, бывшего в то время лидером влиятельной парламентской фракции, спросили однажды, как он относится к Марксу, в какой мере на практике руководствуется его идеями, тот ответил: «Вы знаете, мы Марксом не руководствуемся, мы его уважаем как большого ученого. А руководствуемся мы волей народа и интересами наших избирателей»².

Конечно, если в работах Маркса, Энгельса искать ответ на вопрос, как выращивать картошку и кукурузу, какие машины и в каком количестве выпускать, где и как мелиорировать земли, в результате можно только дискредитировать великое учение и подорвать экономику страны. Гегель, Кант, Фихте, Фейербах,

¹ Там же. С. 309.

² Правда. М., 1993, 19 марта.

Смит, Рикардо, Маркс, Энгельс пишут не о том, пишут не для тех, кто занимается такими важными конкретными практическими делами. Но кто руководит народами должны проникнуть с помощью их работ в логику исторического развития. Пока нам это не дано.

Воздавая должное Марксу, его учению, надо быть в то же время снисходительным к нему и не требовать того, на что он не претендовал: быть учителем всех времен и народов. На эту должность история, мы с вами, читатель, выдвинули, как известно, другого человека. А про Маркса очень хорошо сказал Альбер Камю: «Наши сопоставления призваны лишь доказать, что учение Маркса, не будучи началом и концом человеческой мысли, как того хотелось бы современным марксистам, представляется, напротив, выражением его человеческой природы: Маркс был сначала чьим-то продолжателем, а потом чьим-то предшественником. Его учение, которое он считал реалистическим, и было таковым в эпоху обожествленной науки, дарвиновской теории эволюции, паровых двигателей и текстильной промышленности. Но ведь через сотню лет наука столкнулась с относительностью, неопределенностью и случайностью, а экономике пришлось считаться с электричеством, черной металлургией и атомной энергией. И неспособность «чистого» марксизма усвоить всю эту массу достижений оказалась также свидетельством краха современного ему буржуазного оптимизма. **Этот крах делает смехотворными попытки марксистов цепляться за устаревшие на сто лет, а потому переставшие быть научными истины»¹ (выделено мной. — Г.Л.).**

Ни Маркс, ни Энгельс никогда не претендовали на безошибочность своих научных взглядов и выводов, считая, что жизнь, практика — самые лучшие критики и корректоры любой философии, науки, как и все остальные, подвижной, развивающейся в меняющихся общественных условиях. Нынешние попытки вычеркнуть начисто работы этих ученых из обще-

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 271.

ственного сознания грозят отбросить наше миропонимание далеко назад. Совсем недавно мы с великой легкостью выбросили за борт своей марксистской учености таких философов, как В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, В.В.Розанов, К.Н.Леонтьев, и многих, очень многих других крупных и оригинальных мыслителей. Ничего, конечно, кроме вреда, это нам не принесло, поскольку мысль наша стала плоской, вневременной, лишенной всякой исторической динамики. Запрет на этих и многих других философов был мощным ударом не только по философии как науке, но и по марксистской философии в частности, поскольку был перерезан кислородный шланг, дававший жизнь общественной мысли.

Теперь нам предлагают отказаться за ненадобностью от работ Маркса, Энгельса. Хотя надо понимать, что без них мы не сможем правильно оценить ни Гегеля, ни Фейербаха, ни Канта, как и многих других философов, в том числе и наших, российских. Более того, вычеркивая из истории философии «идеологически несовременные» направления, мы теряем свое место в потоке мировой общественной мысли, лишаемся права участвовать в мучительных поисках путей к лучшей жизни и большей социальной справедливости.

Маркс не был для россиян Сусаниным. Это мы сами, по собственной вине, залезли в то болото, из которого по сей день не можем выбраться. Об этом говорил еще Н.Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Только в России могла произойти коммунистическая революция. Русский коммунизм должен представляться людям Запада коммунизмом азиатским. И вряд ли такого рода коммунистическая революция возможна в странах Западной Европы, там, конечно, все будет по-иному».

Зачем потребовалось тревожить тень двух великих ученых, Маркса и Энгельса, в наши дни? Автор этих строк не в том интеллектуальном ранге, чтобы хвалить или критиковать их, но разговор на эту тему сейчас очень важен, поскольку «бесы» опять хотят поделить наше общество на «белых» и «красных»,

чтобы столкнуть их лбами и, пока те будут опять убивать друг друга, ухватить власть, остающуюся вновь бесхозной в России. Этого нельзя допустить. Нельзя допустить, чтобы анализ причин нынешнего кризиса в России пошел по ложному пути, на который нас толкают. Россия больна не коммунизмом, а своей особой, российской болезнью, в которой и надо разобраться.

2. Чем больна Россия

Россияне не перестают удивляться странной закономерности в развитии своей страны. Как только власти энергично берутся улучшать их жизнь, так жди беды. И наоборот: стоит властям впасть в спячку и застой — люди тут же используют выпавшую на их долю передышку, чтобы постепенно начать поправлять свое положение, пошатнувшееся благодаря очередным заботам администрации об их благосостоянии. Горбачевская перестройка и ельцинские реформы лишь подтверждают общее правило деятельности всех советских руководителей. Они хотят вроде бы сделать как лучше, а выходит как всегда. Худо. И что это за рок преследует наших реформаторов и нас, россиян, их подопытных кроликов?

Дело, конечно же, не в злом роке и не в том, что россияне ленивы, не хотят работать, а администрация будто бы настолько глупа, что не способна управиться с возникающими проблемами. Просто эти самые проблемы для администрации звучат иначе, чем они формулируются открыто, чем преподносятся общественности в официальных документах и средствах массовой информации. Провозглашенные и подлинные цели деятельности российских властей не только не совпадают, но они находятся в антагонистическом противоречии. Поэтому те средства, которые используются для достижения одних, губительны для других. И вот почему.

Необъявленная война россиянам

Как известно, войны (внешние) бывают справедливые и несправедливые. А еще бывают войны гражданские. К ним, как к землетрясениям, наводнениям, вообще неприменима оценка по критериям справедливости. Это — разрушительная стихия, и не дай Бог любой стране, любому обществу пережить такое потрясение. Советская власть, познав все прелести упомянутых трех видов войн, изобрела еще один, неизвестный истории. **Войну со своим народом.** Ее не объявляют. Наоборот, всеми возможными, весьма искусными способами скрывают, маскируют, изображая разбой гуманитарным актом, формой заботы о народных интересах. И надо сказать, что такая циничная операция до сих пор сходит с рук и властям удается одерживать одну победу за другой в необъявленной войне с народом, против народа. Резонно задать вопрос — **кто, ради чего и как** ее ведет. Ведь понятие «власть» весьма расплывчато. Кто-то за ней стоит, кого-то она кормит, кого-то подкармливает. Иначе как бы она существовала?

Советская власть заявила себя властью рабочих и крестьян, властью трудящихся, то есть властью, которая пообещала делить национальный доход страны не в интересах узкой группы людей, обладающих той или иной собственностью, а пропорционально труду каждого, вложенному в создание этого национального дохода. Из этого, как знаем, ничего не получилось. Пролетариат и крестьянство потеряли в результате пролетарской революции не меньше, чем буржуазия и помещики. Русский работник стал стоить гораздо дешевле, чем при царе. Средняя зарплата рабочих и служащих в 1913 году, пишет в «Независимой газете» (16 января 1992 г.) А.Ткаченко, была в два-три раза выше, чем у их нынешних внуков. Ознакомившись с методикой расчетов, другой эксперт, В.Владимиров, возражает ей в той же газете (30 января 1992 г.): «Средняя зарплата рабочих и служащих в 1913 году (35 рублей в месяц), приводимая А.Ткаченко, эквивалентна 35 тысячам

«деревянных» рублей. Поэтому мы сейчас живем материально не в 2 раза хуже, чем жили наши бабушки и дедушки до революции, а по меньшей мере в 40–50 раз».

Можно, конечно, спорить о точности методики подобных расчетов, но вряд ли удастся доказать, что за годы советской власти наш человек стал жить хотя бы относительно лучше, чем при самодержавии. За годы ельцинских реформ и без того низкий жизненный уровень упал, как известно, еще ниже. Сопоставлять доход наших трудящихся с доходами их коллег в развитых странах вообще не приходится. Сегодня средняя зарплата в России не выше 5% уровня развитых стран («Известия», 1995, 21 февраля). Если учесть, что по утрам миллионы и миллионы россиян спешат на работу, возвращаясь домой поздно вечером, то у нормального человека возникает естественный вопрос — **куда же девается та продукция, которая создается таким титаническим трудом?**

Чтобы ответить на этот трудный вопрос, надо немного успокоиться, перестать привычно ругать советскую власть и большевиков и вспомнить, в какой стране мы живем. Правильно, в России. А какой она была все последние столетия? Правильно, военно-бюрократической. Динамику захвата власти в России чиновниками можно проследить по следующим цифрам. По подсчетам П.А.Зайнчковского, в 1796 году чиновничество составляло 15–16 тысяч человек (один чиновник на 2250 жителей), в 1851 году — 74 330 (один — на 929 жителей), в 1903 году — 385 тысяч (один — на 335 жителей). Число чиновников, отмечает ученый, на протяжении XIX века с учетом роста населения увеличилось в 7 раз («Вопросы истории», 1994, № 5). Как видим, число царских чиновников в России росло быстро. Размножение же советских чиновников вообще побило все рекорды. Они плодятся как тараканы: в 1995 году на 150 человек взрослых и детей их приходилось по одному! Но дело не только в количестве чиновных ртов («Труд», 1995, 25 октября).

Царский чиновник, по признанию самих царей, взяточник и казнокрад. Но власть его безгранична. Под ногами путались помещики и капиталисты, общавшиеся по независимым от чиновников каналам рынка.

Великая Октябрьская революция положила конец этому ограничению всевластия российских чиновников. Советское общество четко разделилось на две части, на два класса: тех, кто производит прибавочный продукт, и тех, кто его распределяет. Чиновники, консолидировавшиеся, по Джиласу, в «новый класс», захватили, узурпировали, таким образом, и прибавочный продукт, и неограниченное право распоряжаться им по своему усмотрению, исходя из своих интересов (см.: Д ж и л а с М. Лицо тоталитаризма. М., 1992).

Октябрьская революция на место фабриканта, купца, кулака, помещика поставила к управлению хозяйством чиновников, мобилизовав их из рядов люмпенизированного рабочего класса и крестьянства. По аппетитам и жадности своей они не уступали своим предшественникам, но работать они собирались только в начальственных кабинетах, а не на производстве или тем более на рынке, т.е. не там, где создаются и реализуются богатства. Чиновник по генной природе своей способен лишь проесть, а не создавать богатство. В этом его большой недостаток, получивший широкий простор для своего развития в советское время, что в конце концов поставило под угрозу существование не только «нового класса», но и государства, власть в котором он узурпировал.

Кто же в «новый класс» вошел? Ну, прежде всего те, кто в партийных, госплановских, министерских, профсоюзных, комсомольских кабинетах делит, распределяет то, что создано не их трудом. И не только они. Чиновник — это человек, живущий за счет госбюджета, а значит, если согласиться с таким критерием, не только классический бюрократ с гусиным пером за ухом (с авторучкой или компьютером), сидящий за конторским столом, заваленным бумагами «на подпись» начальству, но и директор

завода, совхоза, председатель колхоза, специалист, то есть и тот, кто командует непосредственно производством, поскольку все они находятся на содержании государства, живут за счет бюджета, на твердом окладе, послушно выполняя любые указания, идущие «сверху». Вспомним хрущевскую кукурузу, борьбу с травополкой или корчевание виноградников во время горбачевской антиалкогольной эпопеи и многое, многое другое. Кто из производственников откажется после этого от высокого звания советского чиновника?

Итак, российский чиновник благодаря Великой Октябрьской революции перехватил из рук буржуазии власть, чтобы управлять страной только в своих интересах. А в чем его интерес? Естественно, в укреплении силовых, репрессивных органов, гарантирующих командное положение «нового класса» в обществе, и в обеспечении привилегированного материального положения тех, кто занимается самым прибыльным делом — дележом продуктов чужого труда.

У нас нет никаких оснований говорить о том, что советская власть, власть чиновников, плохо справлялась с решением этих двух сопряженных задач. НКВД, КГБ, МВД... расцвели пышным цветом на благодатной почве. Одновременно сеть монументальных административных зданий покрыла всю страну, демонстрируя нерушимость власти коммунистов. Для них широко строились закрытые комфортабельные больницы, поликлиники, здравницы, дачи, охотничьи дома, финские бани. Открывались распределители дефицитных благ по бросовым ценам. И все это стало нормой жизни советского общества. В основу ее лег, повторяю, главный принцип **разделения общества на тех, кто создает продукт, и тех, кто узурпировал право распоряжаться им.** Производитель был отчужден, оттеснен на то место, которое он занимал и до революции, а советский чиновник оказался еще более жестким, грубым и менее образованным эксплуататором, чем прежние хозяева России. Советский работник должен был удовлетво-

ваться мизерной оплатой труда из того остатка, который оставлял ему чиновник после расходов на свое жалкое, хотя и привилегированное, содержание и, самое главное, на амбициозные стройки века, возведение этих современных египетских пирамид, призванных увековечить память о величии **Чиновника** в рамках его иерархической структуры.

Для достижения этих двух целей большевики сразу после своего прихода к власти повели необъявленную войну против народов, населяющих Россию. Ее кровавые следы отмечены Кронштадтом, подавлением выступлений крестьян во время «антоновщины», в период коллективизации, в ГУЛАГах и т.д. Не прекращается эта война российской администрации против своего народа и в наши дни «демократизации» России. Об этом свидетельствует и позорная война в Чечне. Но она идет и скрыто — инфляция, рост цен, свертывание социальных программ. Уже давно никто не верит, что российское руководство избирается для того, чтобы блюсти интересы россиян. Всероссийский опрос («Известия», 1995, 20 июня) показал, что 83% россиян считают, что людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека. Как управлять такой страной, граждане которой твердо уверены, что власти ведут последовательную и ожесточенную войну против них? Не знаю.

Война российских властей со своим народом не прекращается и в наши дни. Характерное замечание по этому поводу сделал невольно премьер Черномырдин, который, спасая заложников в Буденновске от чеченских боевиков, пошел на переговоры с ними и на компромисс. Впервые, заметил он после завершения операции, выступая по телевидению, российские власти поставили интересы и жизнь людей выше интересов государства.

Если бы это было не вынужденной уступкой обстоятельствам, а стало бы нормой взаимоотношений между государством и личностью! Но ведь для этого надо поставить наше государство с головы на ноги. Кому это по силам?

Полухозяин становится хозяином страны

Кому-то может показаться, что советская Россия — рай земной для чиновников. Ничего подобного! Эта страна так же неуютная для них, как и для тех, на чьем теле они паразитируют. Сами подумайте. Гоголевский Акакий Акакиевич, из «Шинели» которого все мы вышли, распоряжаясь гусиным пером и стопкой бумаг, был в рабской зависимости от своего столоначальника, который за малейшую провинность или просто из-за плохого настроения мог в одночасье стереть его в порошок. Максимум, о чем мог мечтать Акакий Акакиевич, будь он посмелее и попроворнее, — это обеспечить за взятку госзаказ на выгодные поставки в армию всего ей необходимого. Но для этого надо стоять в чиновничьей иерархии ох как высоко. Поэтому Акакий Акакиевич нищ.

Советский чиновник, ворочая, распределяя фондируемую продукцию и кредиты на тысячи, миллионы, миллиарды рублей и долларов, в общественном и материальном отношении устроился лучше, чем Акакий Акакиевич. Но так же непрочно. Сегодня он царь и Бог в своем районе, области, республике, в стране, завтра, не проявив должной лояльности к вышестоящему чиновнику, оступись в своей игре с аппаратом, обязательно окажется беззащитной жертвой, отпихнутой от ставшего уже привычным благополучного «корыта». В начале своей «карьеры», работая председателем колхоза, я был поражен тем, что у всесильного первого секретаря сельского, глубинного райкома партии на следующий день после его отставки отрезали телефон, потребовали освободить квартиру, хотя он не имел иного жилья. В конце своей карьеры я читаю о том, что бывшего председателя Госплана СССР в 24 часа грубо выселяют с госдачи. Более того, экс-президент М.С.Горбачев, вернувшись из командировки, узнает, что администрация российского Президента отобрала у него скромную служебную «Волгу». Вчерашний премьер великой страны Н.И.Рыжков в «Общей газете»

(1995, № 10) униженно и искренне жалуется: «...пенсия, которую я получаю в собесе как обычный гражданин, очень невелика». Верю, поскольку эту-то неудобную истину никак нельзя скрыть в стране, решившей стать мировым образцом социальной справедливости.

Спрашивается, может ли долго терпеть советский чиновник произвол своего «столоначальника», постоянно рискуя своим благополучием, и не только своим. Его власть, как и имущество, не наследуется. Советский чиновник, если отнять у него бесплатные подачки в виде временных должностных привилегий, человек, по сути, нищий, как и Акакий Акакиевич. Ворочая чужими миллионами и миллиардами, он может стабилизировать свое материальное положение, как и царский чиновник, только взятками, а не усердным и качественным трудом. Посмеиваясь над таким своим положением, чиновник сочинил сам про себя анекдот. Требуется сторож. Приходит один, другой, третий претендент на эту должность. Услышав цифру оклада, немедленно уходят. Приходит следующий и дает согласие работать, даже не спрашивая, сколько будут платить. Администрация удивлена. В свою очередь удивлен и претендент: а разве сторожу будут еще и зарплату платить?

Нам не откажешь в умении посмеяться над самими собой. Но в анекдоте большой смысл и реальность. В зарплату чиновника закладывается взятка и казнокрадство. И это очень удобно начальству. Подчиненный оказывается сразу на двух крючках. В любую минуту его можно лишить привилегий и, проведя простенькую ревизию, посадить в тюрьму. Даже такого высокого чиновника, как министр и зять генсека Чурбанов.

Спрашивается, может ли долго терпеть советский чиновник свое пребывание под дамокловым мечом?

Унизительно для советских чиновников и негласное деление их по сортам, разрядам. К первому, естественно, отнесены столичные, к низшему — областные, районные. Провинциальные, иными словами. У последних и зарплата ниже, и санатории похуже,

и распределители беднее, и заграникомандировки почти не светят...

Спрашивается, может ли долго провинциальное чиновничество, перелопачивая на местах золото, алмазы, всевозможное дорогостоящее сырье, терпеть свое униженное положение, довольствуясь случайными подачками и капризной милостью столичных собратьев?

Таким образом, советский чиновник, захватив власть в России, до вчерашнего дня оставался полухозяином страны. Читатель может резонно заметить: если советские чиновники, получая из года в год все более дорогостоящие привилегии, сносили ряд неудобств, почему же теперь такое положение их не устраивает? Ведь россияне, их подопытные кролики, привыкли терпеть и не такое. На это ответу так: на Руси уже давно не только поняли, но и согласились с тем, что гусь свинье не товарищ. Поэтому то, что способны сносить простые россияне, чиновники терпеть уже никак не могли. Почему? Прежде всего потому, что первое поколение советских чиновников, рекрутированное из необразованной бедноты с ее примитивными материальными потребностями, уступило место своим сыновьям и внукам, у которых с раннего детства закладывались аппетиты, во много раз превосходящие аппетиты их родителей. Кроме того, второе и третье поколения советских чиновников формировались после XX съезда и ранней хрущевской «оттепели», подорвавшей информационную изоляцию России. Впервые до россиян стали доходить странные слухи о том, что «за морем житье не худо», что причитания большевиков о реальном и относительном обнищании трудящихся в зарубежье не что иное, как ложь, необходимая властям для оправдания бедственного положения советских людей. И наконец, показательно, что даже в 1980 году всего лишь один миллион советских туристов побывал в странах «загнивающего капитализма», а в 1994 году их насчитывалось уже 10 миллионов. Десятки миллионов остальных советских людей смогли наконец познакомиться с жизнью

своих соседей по передачам советского телевидения, сыгравшего неопенимую роль в формировании потребностей «нового класса». Советский человек впервые не по описаниям в газетах и литературе, а своими глазами увидел, как можно жить по-людски. Особенно впечатлительным оказался, конечно, советский чиновник. В августе 1991 года он рванул на себе «тельняшку» и сказал большевистским троглодитам: «Так жить больше не хотим. Даешь капитализм, даешь приватизацию!» Борис Николаевич Ельцин, его команда торопливо подтвердили: «Даем, даем! Только поставьте нас у кормила власти в России».

Теперь уже ни для кого не секрет, что в августе 1991 года победила не демократия — откуда ей было взяться после 75 лет тоталитаризма? — а номенклатура, восставшая против своего двойственного положения полухозяина огромной российской собственности и окончательно закрепившая за собой и т. наз. «общенародную» собственность и право наследовать ее.

В ходе приватизации часть этой номенклатуры становится, и теперь уже открыто, на законном основании, полновластной, самодержавной экономической силой. Газета «Третье сословие» (1994, № 16) сообщает: «Собственность «Газпрома» оценивается уже в пятьсот миллиардов долларов, из которых 5 процентов составляет собственность руководителей концерна. Люди в возрасте 50–60 лет, бывшие управляющие министерств, министры, партийная номенклатура, — вот кто способен предъявить сегодня капиталы в 100, 200, 500 миллионов долларов». Задержись Н.И.Рыжков у власти после августовского переворота, включись вовремя в бурный процесс приватизации, не пришлось бы ему стоять сегодня на паперти (как «бывший» Гришин, московский хозяин, умерший в приемной собеса, то есть на паперти) с его нищенской пенсией. Его коллега, Лужков, кажется, устроился надежней. И естественно, не он один. Самая настоящая война идет сейчас за право владеть, например, курортной жемчужиной Кры-

ма — санаторием «Нижняя Ореанда» и другими фешенебельными санаториями, находившимися еще вчера в «ничейной», то бишь якобы общенародной, собственности и предназначавшимися для отдыха и лечения чиновников высшего ранга. Теперь этой «бесхозности» приходит конец, и тот, кто «покруче», прибирает к рукам жирные куски (см.: «Известия», 1995, 28 февраля). Алюминиевая, нефтяная, бумажная, автомобильная промышленность и т.д. постепенно, потихоньку, почти бесплатно прикармливаются чиновниками, бывшим партхозактивом (см.: «АиФ», 1995, № 22, «Родина продана»).

Только не надо особо убиваться, что многие предприятия из т. наз. «общественной» собственности перешли в частную. Мы же хорошо знаем, что большинство из них работало на износ и давало государству не прибыль, а убытки. Вот и хорошо, что пришел наконец не анонимный, а настоящий **ХОЗЯИН**, который наведет во всем порядок, сделает наши предприятия эффективными. И мы будем получать и большую зарплату и больше социальных услуг. Как там у них, на Западе.

Не тут-то было! Советский чиновник, сорвавшись с цепи, обрекавшей его на роль полухозяина, развернулся во всю свою ширь. Но, естественно, не в сфере производства, а в сфере потребления.

Сразу после августовского переворота число чиновников в России не только не сократилось, а резко возросло. По данным «АиФ» (1994, № 46), оно увеличилось на 14% в рамках уже одной России. А в 1994 году нами правило в 1,5 раза больше чиновников, чем при Союзе (свыше миллиона человек). Причем на каждого начальника сейчас приходится по 1,2 подчиненных. Это без подсобных — уборщиц, официанток, поваров, шоферов... Например, в Доме правительства штат управления по эксплуатации здания более 1000 человек, то есть превышает штат правительства. Одних уборщиц около 350. Управление делами администрации президента под руководством П.Бородина имеет в своем распоряжении 50 тыс. человек, 82 предприятия, 3 отеля, 8 дачных

комплексов, 5 подсобных хозяйств, ателье, мебельные фабрики, столовые и т.п. П.Бородин справедливо и не без гордости отмечает, что «наш «Белый дом» в сравнении с американским все равно что дворец падишаха по сравнению с сараем. Тот совсем маленькое зданье, двухэтажное, новодел, то есть а-ля старина».

Дело не только в величии главного здания чиновников, ставшего символом их всемогущества. Они добились еще и того, что стали более независимыми от общего состояния дел в стране. Расходы на администрацию и управление выросли еще в 1994 году в реальных ценах на 80%, поставив тем самым мировой рекорд. И это в условиях, когда валовой продукт страны сократили на 15%, а личное потребление снизилось на 7%. Такого дикого роста расходов на бюрократический аппарат не было ни в царской России, ни в советские времена. Доля госпотребления в первом квартале 1995 года увеличилась до 26,5% валового продукта. Даже в благополучных странах, где экономическая роль государства традиционно велика, государственное потребление не превышает 15 — 17% («Труд», 1995, 19 июля). Красиво жить не запретишь! За это и боролись т. наз. «демократы» в августе 1991 и октябре 1993 года. Конечно, не все, а те, кто себе на уме был уже тогда.

Слышу недоуменный вопрос: как это возможно? Отвечаю вопросом на вопрос: а как это могло быть невозможным? Разве в условиях, когда затеяли переход России на рыночную экономику, не имея ни рыночного механизма (банки, биржи, таможни и т.д.), ни людей, способных им управлять, можно было обойтись без привычного, родного чиновника? Новая власть, чтобы оставаться у власти, должна была пойти на поклон к тем, кого якобы свергала. Поэтому тех, кто еще не совсем состарился, кого не совсем сломали, пригласили вновь управлять государством российским, по заслугам оценив их богатый административно-командный опыт. Правда, пришлось старую команду разбавить шумными краснобаями, чтобы

хоть как-то прикрыть безоговорочную капитуляцию перед всеильным российским чиновничеством. Новички, с их сумасбродными представлениями о жизни, помогли перекрасить фасады традиционной власти, придумав мэрин, префектуры, губернаторов и прочие декорации, вернув старые названия ряду городов и улиц. Под эту привычную для России перестановку старой мебели чиновник и смог резко увеличить свою армию и укрепить свое материальное положение. И конечно, приток в их ряды большого количества шумных и настырных непрофессионалов потребовал на одно прежнее рабочее чиновниче место поставить двух-трех учеников, которые будут учиться, экспериментировать на живом теле своих сограждан. Вот почему я считаю, что нет ничего удивительного в том, что после августа 1991 года чиновник в России укрепил свою власть и стал из полухозяина полновластным хозяином нашей страны. А поскольку сам-то чиновник за это время внутренне никак не изменился, то не изменились и основные принципы нашей «совковой» жизни.

Какая власть хуже?

Имеется в виду власть «нового класса» в качестве хозяина или полухозяина. Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала признать, что они находятся в кровном (в прямом и переносном смысле) родстве, что продемонстрировано и расстрелом Белого дома, и кошмаром в Чечне. А если нет пока ГУЛАГов, то это не от доброты душевной наших начальников, а оттого, что российский народ слегка очухался от двух мировых войн, от Гражданской войны, от коллективизации и сталинских репрессий. Выросло новое поколение людей, которые, как показывают события в той же Чечне, шахтерские забастовки, многочисленные митинги и многие другие активные реакции на действия властей, не позволят безнаказанно топить их в крови, как щенят в реке. Эту истину, слава

Богу, власти частично понимают, поэтому несколько сдерживаются от широкомасштабного насилия.

Родство упомянутых двух видов властей просматривается и в отношении к демократии. Как известно, как нас учили, советская, сталинская власть была «самой демократичной в мире». Это уж потом мы узнали, что демократия была тоталитарной. Нынешняя власть тоже называет себя демократической. А какая она на самом деле, тоже, видимо, узнаем позднее. Но уже сейчас надо признать, что крайний цинизм не чужд и новой власти.

Есть и еще одно качество, роднящее новую власть со старой, — антинародная их природа. Главным подтверждением этой очевидной истины является, конечно же, исключительно низкий жизненный уровень населения. И речь идет не только о зарплате, но и об экологической драме, разворачивающейся в России, о развале здравоохранения, образования. В недавнем докладе ООН под названием «Индекс социального развития» 173 страны мира классифицируются по показателю преодоления бедности, безграмотности, болезней. На первом месте в этом списке оказалась Канада, за ней следует Швейцария и Япония. Соединенные Штаты — на восьмом месте. Ну, а Россия — на тридцать четвертом. Мы на одну строчку опередили все-таки Тринидад и Тобаго, но нам пока далеко до Барбадоса, который занял 20-е место. Конечно, можно утешаться тем, что в бывших республиках, входивших в состав Советского Союза, положение еще хуже. Узбекистан, Таджикистан, Киргизия вообще стоят в конце упомянутого списка, замыкаемого Гвинеей («Литературная газета», 1995, 1 марта). Но это слабое утешение.

Российский народ буквально вымирает и физически деградирует. Число умерших в 1992 году превысило число родившихся на 220 тысяч. Существенно снизилось число браков. В 1992 году их было на 27% меньше, чем в 1987 году, а число разводов возросло за это время на 10%. В России в 1992 году было сделано официально 3,6 млн. аборт, или 98,1 на 1000 женщин в возрасте 15 — 49 лет, что ос-

тавляет Россию на лидирующей позиции в мире по этому показателю (в Румынии — 90,9; в Болгарии — 60,2; в Венгрии — 38,2; в Англии — 14,2, в Голландии — 5,3) («АиФ», 1994, 6 февраля). В 1993 году родилось 1 млн. 362 тысячи детей, что почти в два раза меньше, чем в 1987 году. Уровень рождаемости в России стал одним из самых низких в мире — 9,2 на 10 тысяч населения. С 1990 года растет число умерших на тысячу родившихся (с 17 до 19 в 1993 году) («Известия», 1994, 2 февраля). О катастрофическом состоянии здоровья подростков — будущего нации — свидетельствуют такие данные: 53% выпускников школ имеют ослабленное здоровье, а треть обследованных из европейской части страны страдают разными болезнями. Показательно, что даже в московском военном округе в два-три раза увеличилось количество парней, освобожденных от призыва в армию в связи с различными заболеваниями («Известия», 1995, 26 февраля). «Россия стоит на краю пропасти. Впервые за всю многовековую историю возникла угроза физического вырождения нации, невозполнимый подрыв генофонда», — говорит заместитель министра здравоохранения России И. Ваганов («Известия», 1994, 26 января).

Таковы печальные успехи большевиков и неობольшевиков в борьбе со своим народом. Есть ли надежда на то, что нынешняя власть откажется от изнурительной необычной войны? Попробуем рассуждать хладнокровно в поисках ответа на этот вопрос. Основным источником доходов нашего необычного государства является не производство, как у всех других народов, а население. Это из его тощего кошелька изымаются последние копейки, чтобы осваивать космос, содержать дорогостоящий военно-промышленный комплекс, вести внутренние и внешние войны. Все эти забавы, как догадываются читатели, очень дорогие. Одни расходы на войну в Чечне обходятся России в 60 миллионов долларов в день («Известия», 1995, 2 марта). Военно-промышленный комплекс мог бы, вероятно, быть менее об-

ременительным для народа, если бы не дарил оружие, а торговал им. Но на этот рынок очень трудно втиснуться. Он прочно схвачен нашими конкурентами, бывшими классовыми врагами. Мирная промышленность и сельское хозяйство приносят не прибыль, а огромные убытки. Скромные доходы, где-то кем-то получаемые, идут опять на их покрытие, обильно создаваемые в другом месте. Уж если такие флагманы промышленности, как «ЗИЛ» и «Россельмаш», стоят с протянутой рукой за дотацией, что же говорить об остальных предприятиях, давно забытых и брошенных властями, увлеченными детской игрой в «соловья-разбойника».

Чтобы сделать производство источником доходов, а не убытков, нужны огромные инвестиции на его модернизацию. Тем не менее специалисты отмечают резкое падение инвестиционной деятельности. Капиталовложения в некоторых секторах уменьшились на 75 — 90% от уровня 1991 года («Известия», 1995, 21 февраля). Рассчитывать на западные инвестиции не приходится хотя бы уже потому, что по привлекательности для иностранных инвесторов мы прочно занимаем (март 1993 года) 149-е место в мире (в 1992-м — 129-е). В результате войны в Чечне Россия отодвинулась вниз еще дальше (В а ч н а д з е Г. Военные мафии Кремля. М., 1994, с. 4).

Таким образом, при традиционно-советском раскладе круг замыкается и почти единственным источником развития производства в стране остается тот же тощий кошелек трудящихся. В мировой торговле доля России менее 1% («Известия», 1995, 21 февраля). Новая власть, идя по стопам старой, без зазрения совести запускает туда свою мохнатую лапу. Так были ликвидированы сбережения населения в сбербанках на немалую сумму — 200 млрд. дореформенных рублей, которые, если пересчитать по покупательской способности, представляют свыше 500 триллионов рублей сегодняшних («Общая газета», 1995, 2 — 8 марта). Инфляция, рост цен на товары повседневного спроса, задержка с выплатой зарплат тоже широко используются новыми властями в их по-

зиционной войне с народом. И в этом смысле новая власть мало чем отличается от старой.

И все-таки новая власть отличается от старой. Хотя бы по уровню непрофессионализма. Конечно, надо обладать недюжинными способностями, чтобы в мирное время за короткий срок добиться сокращения производства на 50 с лишним процентов к уровню 1991 года и обеспечить, судя по темпам инвестиций, дальнейший развал хозяйства страны.

Есть еще одна особенность у нынешней власти. **Чем больше она говорит о социальной направленности своей деятельности, тем меньше в этой области делается.** Вот данные, подтверждающие этот факт («АиФ», 195, № 7). В советское время, по оценке специалистов, трудящийся получал на руки только 8 — 12 копеек с каждого заработанного им рубля. Остальное уходило в бюджет. Часть из этого государство возвращало в виде бесплатной медицины, образования, жилья и т.п. В среднем выходило, что трудящийся получал назад около 40% от того, что у него изымалось. Более того, часть из этого он получал в виде адресной помощи, деньгами — льготами и выплатами из общественных фондов потребления (дотации на путевки, на оплату детских садов). В 1986 году, например, средняя зарплата составляла 196 руб. и 82 руб. каждый получил через общественные фонды потребления.

Что изменилось сейчас? Специалисты утверждают, что бюджетники, которые составляют треть занятого населения, продолжают получать те же 8 — 12% от заработанного. Однако все социальные завоевания уходят в прошлое. И если средняя зарплата в бюджетной сфере составляет сейчас около 200 тыс. руб., то очевидно, что из бюджета им возмещают, дай Бог, 1% заработанного. Так что правительство успешно справляется с поставленной перед собой задачей добить своих граждан.

Обнищание населения сопровождается угрожающим ростом разрыва в доходах самых бедных и богатых. Если в 1991 году соотношение было 1:4,5, то в 1992-м — 1:8; в 1993 году 1:10, в 1994 году уже

1:15. Тогда как социально опасным считается 1:10. Новые власти менее осторожно, чем прежние, играют с огнем и могут доиграться.

Далее, новая власть не так всесильна, как предыдущая. «Новый класс», став из полухозяина богатств страны их полным хозяином, с удивлением и радостью почувствовал легкость необыкновенную, поскольку вседозволенность стала нормой поведения в новых условиях, нормой, одобренной самим президентом России, бросившим в массы лозунг брать каждому для себя столько суверенитета, сколько утащить сможет. И если раньше чиновник, хозяйственник, унаследовавший от Акакия Акакиевича животный страх перед начальством, трясся перед парткомом, обкомом, партконтролем, понимая, что утрата партбилета равнозначна выдаче «волчьего билета», то есть исключению из жизни общества, то теперь и материально, и морально, и юридически эти люди стали неуязвимы. Поэтому более половины указов президента остаются благими пожеланиями. Они не исполняются, если исполнитель не видит для себя в том корысти.

Новая власть не смогла создать механизм принуждения к общественной дисциплине. Поэтому экономику страны сотрясает небывалая вакханалия. Неплатежи стали обычным явлением в отношениях между партнерами; срыв поставок комплектующих изделий уже никого не удивляет; резкое падение качества отечественных товаров воспринимается потребителем без прежнего гнева, поскольку с этим гневом деваться некуда. И тем не менее жить-то надо. Если нет цивилизованного механизма принуждения к соблюдению правил общежития, приходится прибегать к примитивным средствам, испробованным еще в каменном веке. «Новый класс», видя всю беспомощность государства в обеспечении общественного порядка, апеллирует к криминальным и полукриминальным структурам. Они поставляют «новым русским» телохранителей, специализированную охрану и, когда надо, киллеров для приведения в чувство особо зарвавшихся бизнесменов. «Новый класс», став хозяином, вы-

нужден делить власть с криминальным миром. И никуда от этого не денешься, если нет жесткого, еще более жесткого, но более разумного, чем партком, механизма принуждения людей к соблюдению общественного порядка.

Ничего хорошего в этом, естественно, нет, но без стимулирования «разборок», без всеохватывающей системы взяток новая власть вообще не смогла бы обеспечить функционирование механизма общественных связей. Поэтому, на мой взгляд, абсолютно прав полковник милиции В.Разинкин, когда в статье «Авторитеты беззакония» («Литературная газета», 1995, 8 марта) ставит вопрос так: «Не подменят ли кланы «воров в законе» государственные органы? А может, уже?» Похоже, дело идет к этому, если не принять срочных мер.

И наконец, последнее соображение на тему «какая власть хуже?». Очень трудно управлять добром, которое не тобой нажито. И опыта нет, как приумножать его, да и просто сберечь то, что досталось даром, нет ни умения, ни желания. Большевики, осуществив национализацию, очень скоро убедились в этом, когда увидели, как сбросившие ярмо эксплуататоров люди «по кирпичику растащили весь этот завод». Но жизнь, нужда заставила их научиться выживанию, и растащенные было кирпичики пришлось вернуть на место, поставить новый завод, чтобы не помереть с голоду. А куда денешься? Бежать на заработки за рубеж? Но кто туда пустит? Служить хоть за полцены, хоть за четверть награбленное? Кому? Кругом нищие соотечественники, которым и корову-то купить, если даже наскрести деньги, нелегко, поскольку обладание любой собственностью вызывает подозрения у властей и окружающих. А про иностранных покупателей российского добра до вчерашнего дня и речи быть не могло. Вот поэтому оно, добро это, худо-бедно увеличивалось в границах империи, как рыба в прудовом хозяйстве. Но вот плотину прорвало, и рыба устремилась прочь из тухлого водоема. Иными словами, выход России из международной изоляции привел к тому, что наи-

более ценные профессионалы и капитал устремились на Запад, обескровливая нашу экономику. По некоторым подсчетам специалистов, речь идет о ста миллиардах долларов, которые наиболее предприимчивые россияне всеми правдами и неправдами уже вывезли за границу и пристроили там в надежных местах — в банках, в закупленной недвижимости, в акциях («Труд», 1995, 8 февраля). Ежемесячно, как свидетельствуют официальные лица, из России продолжают уплывать на Запад более 2 млрд. долларов. А ведь эти деньги могли бы быть обращены на модернизацию производства, на открытие новых рабочих мест, на переподготовку кадров.

Конечно, можно было бы обвинить российских предпринимателей, как прежде, в отсутствии сознательности, патриотизма. Но теперь такие слова могут вызвать лишь саркастическую улыбку. Рыба ищет где глубже, предприниматель — где его капитал может быть надежнее и выгоднее вложен, а то и просто спрятан. И если капитал бежит из России, то в этом виновата прежде всего новая власть, которая не приняла мер, чтобы российские деньги работали на россиян, а не против них. Так что и по этой линии антинародная сущность новой власти, духовной наследницы старой, ничуть не уменьшилась. Полухозяин-чиновник, став хозяином собственности, не стал, как видим, **ХОЗЯИНОМ** по внутренней сущности своей. Он остался таким же Хлестаковым, Чичиковым, Акакий Акакиевичем, каким и был до этого. Вот в чем трагедия.

Мы проследили исторический путь российского чиновничества к власти политической и экономической. Он шел по классическим законам диалектики. Зерно, упавшее на благодатную почву, погибает, прорастая и выбрасывая спелый колос, где вместо одного зернышка — десятки. Царские чиновники — влиятельнейшее сословие в России — также погибли после прихода большевиков к власти, но не для того, чтобы исчезнуть насовсем из российской жизни, а, наоборот, чтобы возродиться в новом количественном и качественном составе и обрести еще боль-

шую силу, сосредоточив в своих руках все права по распоряжению крупной и мелкой собственностью. Этот захват власти в стране «новым классом» прошел в долгой кровавой войне с российским народом, унесшей десятки миллионов человеческих жизней и отбросившей страну на историческую обочину. «Новый класс» тем не менее не удовлетворился своим положением полухозяина. Как в известной сказке «О рыбаке и рыбке», он требует все новых и новых привилегий, откровенно заявив наконец, как та зарвавшаяся старуха, что хочет не только распоряжаться несметными российскими богатствами, но и владеть ими в качестве частной собственности. Первые крупные шаги в этом направлении уже успешно сделаны. Но чиновники, как та пушкинская старуха, став из полухозяев хозяевами собственности, уже не хотят довольствоваться только имуществом. Они в открытую претендуют на всю политическую власть в стране, т.е. они готовы превратить в свою собственность и само государство.

Лариса Пияшева пишет по этому поводу: «Старый, дурной парламент принял вполне народный и демократический закон о приватизации, по которому каждому человеку полагалась часть собственности. А власти отняли эту часть у населения и отдали двум-пяти процентам — высшему номенклатурному классу. На всех же прочих осталось, по оценкам специалистов, от 0,3 до 1,5 процента приватизированной собственности. Так закончился первый этап приватизации. Так было освоено 50% госсобственности. Другая ее половина — недра, земля, леса, угодья, исторические памятники, заповедники, космическая, оборонная промышленность, крупнейшие заводы страны — должна приватизироваться сейчас. И уже не за бумажки, а за деньги. Кто-нибудь видел торги? Нет. Опять ничего не продается и не покупается. И продаваться-покупаться не будет. Чубайс, уходя в свое время из Госкомимущества на повышение, сказал, что эта половина — наш золотой запас, с ним торопиться не надо. И золотой запас остался в руках чиновников. Но это уже не старая, никому не при-

надлежащая госсобственность. Сегодня государство — это конкретные лица, которые получили право собственности владеть» («Литературная газета», 1995, 15 марта).

Отдавая себе отчет в том, что новая власть по природе своей родственна прежней, антинародной власти большевиков, россияне с горечью отмечают, что она все-таки хуже той по уровню своей квалификации. Показательны следующие данные социологического опроса («Общая газета», 1995, 27 апреля — 3 мая). Респондентам было предложено ответить на два вопроса:

Хотели бы вы, чтобы вернулась жизнь, какой она была при Л.Брежневеве?

Хотели бы вы, чтобы вернулась жизнь, какой она стала при М.Горбачевеве?

На каждый вопрос можно было дать по одному ответу. Они распределились следующим образом (в %):

	Да	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	Затрудняюсь ответить
При Л.Брежневеве	32	23	13	22	10
При М.Горбачевеве	2	8	20	63	7

Советская власть — тяжелое наказание для человека, но при, скажем, Брежневеве еще был какой-то случайный просвет в той или иной ситуации.

Тут уместно вспомнить окончательное закабаление крестьян. Русский человек, задумчиво и безысходно почесывая затылок, по сей день в трудную минуту говорит: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Откуда же эта безысходность в наши дни? Конечно, не оттого, что кому-то досталась львиная часть вчерашней общенародной собственности, а кому-то по усам текло, а в рот не попало. Собственность не только благо, но для тех, кто не умеет и не любит работать, — наказание Господне. Много ли найдется в нынешней российской деревне хозяев, готовых хотя бы корову завести? По утрам доить, где-то пасти, на зиму за-

готовлять корм. А выпивать когда? Задумываясь над этим вопросом, многие крестьяне и не спешат обзавестись скотом.

Трагизм положения россиян состоит не в том, что «новый класс» схватил собственность, а в том, что, став полным ее хозяином, он демонстрирует свою неспособность наладить эффективное производство и обеспечить за его счет человеческие условия жизни для работающих у него россиян. «Новый класс» может лишь сосать тощую государственную грудь, а заработать на свое пропитание и содержание семьи генетически неспособен. В этом его трагедия и исторический приговор.

Александр II даровал свободу крестьянам без земли; Ельцин поступил также; народу дал демократию, а партократам — собственность. Поэтому все намеренные оставаться в России люди мучительно ищут ответы на вопрос, что же нам делать, как спасти страну, себя, детей от катастрофы. Мне кажется, в ходе этих раздумий надо прежде всего определить, чем же больна Россия, чтобы знать, как ее лечить. К сожалению, пока мы шли иным путем. Начинали врачевать Россию, не зная от чего. А лечить Россию, как мне кажется, надо прежде всего от духовной, а не физической, то есть не материальной, не экономической болезни, хотя последняя сегодня представляется многим главной.

И вот одной из главных болезней России является как раз то, что она была, есть и остается сугубо чиновничьей державой. И в этом главный залог низкой эффективности нашего труда.

Но это не единственная хворь, разлагающая россиян.

За что убили Столыпина?

За его марксистские убеждения и попытку применить их на практике. Абсурд? Ничего подобного. Главная мысль Маркса сводилась, как известно, к тому, что наемный труд в условиях научно-техниче-

ской революции становится тормозом общественного прогресса. Труд работника, отчужденного от средств производства, от продукта, созданного с их помощью, малоэффективен, доказывал Маркс. Соглашаясь с ним, Ленин говорил о том, что в новом обществе, идущем на смену капиталистическому, каждый будет **работать «на себя»**, то есть не из-под палки, как у плантатора, и не за зарплату, которую ему установит хозяин, а за весь тот продукт, который он сам создает на производстве, уплатив, конечно, из него налоги на общие нужды.

Грубо говоря, как потопал, так полопал. Или, как сказал бы А.Райкин, если что в таких условиях человеку не нравится, пусть пишет на себя жалобу. Абсурдно ли приписывать такую логику Столыпину? Как сказать. Очень многие люди, никакого отношения к марксизму не имевшие, как Столыпин, наблюдая реальную жизнь, приходили и приходят к такому же выводу. Марксистскому. И этому, видимо, не надо удивляться. Ведь пытливый крестьянин, не окончивший не то что сельхозинститута, но даже техникума, занявшись однажды, скажем, селекцией, тоже не знал, что на деле он поганый вейсманист-морганист, сторонник генетической теории, злостный враг лысенковцев и всех других научных авантюристов.

Поскольку рассуждения о невыгодности наемного труда кажутся советскому человеку, очарованному иллюзией капитализма, сугубо тенденциозными, а стремление к свободному труду, к работе «на себя» воспринимается как пропагандистский трюк большевистского агитатора, давайте наберемся терпения и вспомним описание этой самой проблемы у Льва Толстого, писателя, которого, как и Столыпина, никак нельзя заподозрить в симпатиях к Марксу.

Помещик Левин мается в своем хозяйстве так же, как и его будущие советские наследники в облике председателя колхоза, директора совхоза. «Он ясно видел теперь, — описывает Толстой, — что то хозяйство, которое он вел, была только жесткая и упорная борьба между им и работниками, в которой

на одной стороне, на его стороне, было постоянное напряженное стремление переделать все на считае-мый лучшим образец, на другой же стороне — естественный порядок вещей. И в этой борьбе он видел, что при величайшем напряжении сил с его стороны и безо всякого усилия и даже намерения с другой достигалось только то, что хозяйство шло нивчю и совершенно напрасно портились прекрасные орудия, прекрасная скотина и земля. Главное же — не только совершенно даром пропадала направленная на это дело энергия, но он не мог не чувствовать теперь, когда смысл его хозяйства обнажился для него, что цель его энергии была самая недостойная. Он стоял за каждый свой грош... а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и приятно, то есть так, как они привыкли... В нынешнее лето на каждом шагу Левин видел это. Он посылал скосить клевер на сено, выбрав плохие десятины, проросшие травой и полынью, негодные на семена, — ему скашивали подряд лучшие семенные десятины, оправдываясь тем, что так приказал приказчик, и утешали его тем, что сено будет отличное, но он знал, что это происходило оттого, что эти десятины было косить легче. Он посылал сеноворошилку трясти сено, — ее ломали на первых рядах...» (Т о л с т о й Л., т. 8, с. 342).

И дальше идут описания тоже до боли знакомых нам уже по советской жизни хозяйственных безобразий. Если они, эти безобразия, так живучи и расцветают пышным цветом независимо от характера власти, то, может быть, это в существе нашего работника? Многие на этот вопрос отвечают утвердительно. Но если это так, не надо тогда мешать окончательной гибели российского человека. Надо ему помочь сделать это по возможности быстрее и безболезненнее. Тот, кто на поставленный выше вопрос отвечает утвердительно, делает сейчас все от него зависящее, чтобы облегчить страдания россиян и освободить от этих неудачников $\frac{1}{6}$ земной суши для более жизнеспособных народов. Но так пессимистично о судьбе россиян думают далеко не все. Тот же Л.Толстой в

том же романе «Анна Каренина» описывает тех же российских крестьян, занятых на тех же сельских работах, но в других социальных условиях.

Вот Левин разговаривает со стариком, ведущим свое, семейное, фермерское, как сказали бы мы сейчас, хозяйство. «Видно было, замечает Левин, что он справедливо горд своим благосостоянием, горд своими сыновьями, племянником, невестками, лошадьми, коровами и в особенности тем, что держится все это хозяйство. Из разговора со стариком Левин узнал, что он был и не прочь от нововведений. Он сеял много картофеля, и картофель его уже отцветал и завязывался, тогда как у Левина только зацветал. Маленькая подробность о том, что, пропавшая рожь, старик прополотую рожью кормил лошадей, особенно поразила Левина. Сколько раз Левин, видя этот пропадающий прекрасный корм, хотел собирать его; но всегда это оказывалось невозможным. У мужика же это делалось, и он не мог нахвалиться этим кормом.

— А вот у нас, помещиков, все плохо идет с работниками, — сказал Левин.

— Где же с работниками вести дело? — сказал старик.

— Да вот ты же хозяйничаешь с работниками? — возразил Левин.

— Наше дело мужицкое. Мы до всего сами. Плох — и вон, и своими управимся».

Вот пример марксистской критики несостоятельности наемного (капиталистического) труда из уст самого сельского капиталиста, каковым был Левин (он же Л.Толстой). Нельзя сказать, что в России было достаточно таких критически мыслящих помещиков. Но Петр Аркадьевич Столыпин, вслед за Сергеем Юльевичем Витте, был одним из тех немногих, кто понимал две главные вещи: будущее России зависит от судьбы сельского хозяйства (раз), а успехи этого сельского хозяйства зависят целиком от статуса крестьянина (два). И если крестьянин останется наемным работником, то Россия неизбежно погибнет, поскольку сама природа — земля, растения, живо-

тные — отторгает наемника, безразличного к ним, наказывая его снижением плодородия.

Спасти Россию, считали все трезвомыслящие россияне, можно лишь тогда, когда крестьянин станет настоящим хозяином на земле, а не наемным работником, весь интеллект которого расходуется на поиски возможностей отлынивать от работы, урывая воровски плохо лежащие куски чужого добра. Что же мешало России, избавившейся от крепостного права, осуществить тот порядок на земле, которым так восхищался Левин, то есть Л.Н.Толстой?

Колхоз (совхоз), то бишь община («мир»)! Община, как наш колхоз, владеет всей землей, не допуская частной собственности на нее. Отличие между ними лишь в том, что колхоз требует равного трудового участия всех трудоспособных членов семьи колхозника, а община тот же принцип равенства осуществляла через надел земли по едокам, что в принципе одно и то же: сколько земли, столько и работы. Отсюда и равенство в оплате труда. В колхозе, как бы я ни вкалывал, мой заработок усредняется результатами общего труда, где, естественно, все работают по-разному. В общине такое же усреднение происходит за счет регулярного передела земли, и весь мой главный труд, вложенный сегодня в ее улучшение, завтра достанется невесть кому. Работающий человек и в том и в другом случае приносится в жертву тем, кто умеет, кто научился прятаться за его спину.

Итак, инициативному, работающему человеку что в общине, что в колхозе нет интереса вкладывать свой труд, свое мастерство, свои деньги в увеличение плодородия земли, то есть в рост производства. Наоборот, для люмпена нет лучшего порядка, чем тот, который существовал в общине, а потом был перенесен в колхозно-совхозную систему.

Начальству, что царскому, что советскому, тоже община (колхоз) милее, чем самостоятельный крестьянин. Ясно, что налоги, подати легче собрать с общины, чем с отдельного работника, поскольку община раскинет недоимки на всех. В колхозной системе этот

принцип осуществляется уже на уровне района, области, республики. За слабый колхоз отдувается сильный, и часто бывает поэтому, что лучше, выгоднее быть отстающим, чем передовиком. Все это давным-давно всем известно, и подобные порядки, их вредность вскрыта еще А.И.Герценом.

Он писал: «Человек, привыкший во всем полагаться на общину, погибает, едва лишь отделится от нее; он слабеет, он не находит в себе ни силы, ни побуждений к деятельности; при малейшей опасности он спешит укрыться под защиту этой матери, которая держит, таким образом, своих детей в состоянии постоянного несовершеннолетия и требует от них пассивного послушания. В общине слишком мало движения; он не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию, — в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот. **Общинное устройство усыпляло русский народ...**» (Герцен А.И. О социализме, с. 233).

Герцен видел в общине не только порочный экономический, но и не менее порочный политический смысл. «Если бы в общине не было полного поглощения личности, то самодержавие... не могло бы образоваться». Добавим от себя, что и без колхозной системы невозможен сталинский социализм, так как и тут «поглощение личности» является главным условием сохранения тоталитарного режима. Надо привести здесь и смертный приговор, который выносит Герцен тем смельчакам, которые посмеют поднять руку на общинные порядки в России: **«Уничтожить сельскую общину в России невозможно, если только правительство не решится сослать или казнить несколько миллионов человек»** (выделено мной. — Г.Л.).

Теперь вернемся к Столыпину, который, игнорируя предостережения «предшественников научного социализма», полез на рожон. И напоролся на те мины, которые заложены на бескрайних российских просторах. Со сталинской решительностью он кинул-

ся (указ от 9 ноября 1906 г.) разрушать общину, доказывая необходимость силового подхода: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немислима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью» (С т о л ы п и н П.А. Нам нужна великая Россия, с. 10).

Вот как князь С.Е.Трубецкой описывает в своих мемуарах реакцию определенных кругов крестьян на столыпинскую реформу. У него состоялся разговор уже в 1912 году с несколькими очень хорошими, как он говорит, стариками — крестьянами соседнего с его имением села. На вопрос, выделился ли кто-нибудь из общины, старики отвечали: «Нет, никто. И ошибется, кто выделится». «Почему?» — спросил князь. «А потому, что палить его будем. Так уж решили — значит, не выделяйся!» И действительно, замечает Трубецкой, до самой революции в этом селе из общины никто не вышел (Минувшее, с. 89). Это не значит, что столыпинская реформа полностью провалилась, но она осуществлялась гораздо медленнее, чем предполагалось, при отчаянном сопротивлении тех, кому она была нужна. За время столыпинской реформы 1907–1915 годов, пишет Ю.Афанасьев в «Московских новостях» (1995, № 32), из общины вышли и закрепили собственность на землю 2,5 млн. хозяйств (27% всех дворов на 1916 год). И тем не менее столыпинскую реформу назвать успешной нельзя. Почему? Да потому, что подорвать сколько-нибудь существенно общину не удалось. Традиционализм, соборность, хоровое начало возобладало.

Не только консервативные крестьяне стали на защиту общинного бастиона. Многие помещики справедливо увидели в развале общин угрозу для своего традиционного существования, не желая, да и не умея приспособиться к новым условиям хозяйствования. Вспомним «Вишневый сад» Чехова. Тогдашние нуво-

риши лезут в дворянские милые, сентиментальные гнезда, хозяйева которых любят цветущим садом, вдыхают его аромат, не задумываясь о таких грубых меркантильных вещах, как сбыт и переработка вишни, эффективность использования земли и т.п.

И вот приходит совсем из другого мира несимпатичный человек, от которого, кстати, «пачулями пахнет», платит разорившимся хозяевам хорошие деньги и недрогнувшей рукой вырубает всю эту красоту, чтобы заложить на месте сада высокорентабельные производства. Не то что помещик, советский партийный работник, советский эстет-интеллигент за такой вандализм готовы задушить «грядущего хама». Случай с вишневым садом так же типичен, как и с крестьянами, готовыми пустить «красного петуха» тому, кто посмеет выделиться из общины. За годы столыпинской реформы из рук помещного дворянства ушло почти 20% их земельного фонда. Обреченные на вытеснение, многие помещики не могли стать союзниками Столыпина (С т о л ы п и н П.А. Нам нужна великая Россия, с. 7).

Ну а самодержавие? Оно тоже почувствовало, что из-под ног уходит почва, привычная социальная база.

Союз этих трех сил — консервативное крестьянство, помещики, неспособные к перестройке, и самодержавие — вот они-то и приговорили Столыпина к смерти. Чьими руками они это сделали, в данном случае не имеет значения.

Почему для нас особенно интересен этот сюжет, эта неудавшаяся попытка взорвать общину? Потому, что Сталин мудро поступил, оперев свой тоталитарный режим на новое, подправленное издание общины в виде колхозов-совхозов, доведя эту идею до полного абсурда. Сейчас, на новом историческом витке, приходится решать схожие проблемы псевдоколлективизма.

Насквозь убыточные колхозы, совхозы, поменяв формально вывеску, не хотят по вполне понятным причинам сменить свой статус госиздженцев на фермерский. Их руководители тоже цепляются за общинное устройство, хотя это не прежние помещики, а

несчастные (и по зарплате и по жалкому быту) надсмотрщики за крестьянами, которым, как правило, поздно уже переучиваться. Ну а государство? Ему тоже удобнее и приятнее иметь дело с безликим коллективом, которым легче командовать, чем свободными тружениками.

Итак, на новом витке, но не менее жестко российское общество вновь сталкивается с проблемой преодоления общинного сознания, основанного на подавлении личности, ее инициативы. Не высовывайся — дают понять или в открытую говорят с разных сторон и фермеру, и городскому предпринимателю, и банковскому работнику, и всем другим. Не только говорят, но и угрожают, и приводят угрозы в исполнение, пуская «красного петуха», пристреливая «высунувшегося» предпринимателя у всех на глазах средь бела дня или заталкивая без причины и надолго в кутузку. Все эти явления пытаются изобразить как неожиданный всплеск криминала. Если бы! Дело обстоит гораздо хуже. Наши мозги, наше **общинное сознание является одним из главных тормозов развития общества.**

Сейчас очень часто в столыпинских реформах пытаются найти решение тупиковых российских аграрных проблем наших дней. Обращает на себя, однако, внимание то, как выхолащивается их суть. Дело представляется так, будто достаточно заменить государственность на частную, и сразу все образуется. Не образуется. Потому что собственность — это понятие не только юридическое, но и экономическое. Если для юриста важно знать, чья эта вещь — «моя», «твоя», «наша», — то для экономиста, опять же по Марксу, собственность — это система производственных отношений, то есть те же вещи — «мой», «твой», «наши», — но вмонтированные в систему налогов, банков, цен, таможен...

«Марксист» Столыпин, замышляя развал общины и утверждение частной собственности на земле, как разумный, деловой человек, прекрасно понимал это. Его хуторяне-фермеры не выпихивались из общины на произвол судьбы, как это делают сейчас наши вла-

сти с фермерами, а встраивались в определенную, заготовленную заранее экономическую среду, где труд, ум, квалификация гарантировали человеку более достойную жизнь, чем на общинной галере. И более того, Столыпин понимал, что один в поле не воин. Его реформа предполагала кооперацию усилий отдельных, свободных хуторян-фермеров.

У разумного, ныне возвеличиваемого «марксиста» Столыпина нашелся в России пламенный последователь, теперь страстно охаиваемый своими вчерашними почитателями, — В.И. Ленин. Он, как и Столыпин, обрушился на общину еще при царе, он, как и Столыпин, видел свободного крестьянина на земле хозяином, а не наемником, хозяином, работающим в благоприятных экономических условиях и сотрудничающим по соображениям личной выгоды с партнерами в рамках разных форм кооперации. Но не тех изумверских, которые избобрел потом Сталин в форме колхозов, бескорыстно уступив право авторства Ленину, а тех, что весьма успешно развивались на Руси до революции и при нэпе.

Вите, Столыпин, Ленин пытались осуществить свои идеи в России. Поэтому ничего путного у них не получилось. Получится ли что-либо путное у нынешних реформаторов — покажет время. Но пока наши лидеры, как свидетельствуют факты, не могут освободиться от глупой веры большевиков в то, будто общество может найти выход с помощью детских игр в «твое», «мое», «наше», не ломая голову, как из этих кирпичей сложить здание, непохожее на барак и тюрьму, от веры, которая однажды уже завела нас в такой тупик.

О радетелях-благодетелях и их жертвах

Всевластие чиновника в России и кандальная зависимость отдельного россиянина от своей общины способствовали тому, что в нашем менталитете возник еще один губительный порок.

Так уж сложилось общественное сознание на Руси, что, например, крестьяне ждут от своего помещика заботы об их судьбе. И тот из них, кто стрижет шерсть, не сдирая при этом шкуры, уже заслуживает высокого звания: «благодетель ты наш». Заботиться о судьбе всего российского народа — обязанность царя. Не случайно, в отличие от западных коллег, его и величают — «царь-батюшка». А уж какой он, этот батюшка, злой или добрый, щедрый или скупой — это все зависит не от народа, а от Бога. Отсюда народная мечта о справеливом барине, который приедет к своим крестьянам и все рассудит, а уж добрый «царь-батюшка» — тот облагодетельствует вообще всех сразу и сверх всякой меры. Если целиком уповать на волю доброго барина и доброго царя, то какой, спрашивается, смысл, ломать голову над тем, как самому о себе позаботиться, как, не дожидаясь благодати «сверху», обеспечить себя и свою семью всем необходимым для жизни, достойной человека?

Георгий Гачев, доктор философских наук, провел, на мой взгляд, интереснейшую работу, попытавшись раскрыть, как у каждого европейского человека преломляется мир, возникает стимул к тем или иным действиям, сравнив семантику, тот смысл, который каждый из них вкладывает в такие простые слова, как «что», «почему», «зачем», «как», «кто»... (см.: «Вопросы философии», 1994, № 12, с. 69). И вот что получилось.

Что есть? Tito on? — вопрос греков — о бытии.

Почему? Warum? — вопрос немцев: их интерес направлен к происхождению, к причине вещей. И причины ищутся в глубинах прошлого, залегают где корни дерева бытия. *War um?* — это *Was um* = «что вокруг?». Мир предполагается состоящим из двух частей: «Я» и «Не-Я» (как это в философии Фихте), т.е. оппозиция: *Haus* — *Raum* = Дом — Пространство, субъект — объект.

Для французов тот же самый вопрос «почему» имеет вид *Pour-quoi?* = Для чего? **Зачем?** Тут Цель важнее Причины. Сущность всего полагается лежа-

щей где-то впереди, в будущем. Отсюда французские теории прогресса (Руссо, Кондорсе), эволюции (Ламарк, Бергсон, Тейяр де Шарден), социальные утопии (Сен-Симон, Фурье, Конт). Между прочим, и польское «почему?» звучит dlaczego = для чего? тоже.

А вот для англичан и особенно американцев основной вопрос — «Как?» How? Как вещь работает, как сделана? Принцип «Ню-хау» = «знать как»: не скептическое, «как знать?», но бодро-уверенное «знать как» распространился по миру отсюда. Бесконечное количество книг про How to... — Как сделать что-то? Как добиться успеха? Как приобрести друзей и влиять на людей? — стиль бестселлеров Дейла Карнеги.

Ну а что же будет основным вопросом для русских? О, это самое трудное — определить то, что близко, в чем сам обитаешь, как трудно определить себя самого. Может быть, «а на кой» — вроде бы тоже «зачем?», но без позитивного интереса ни к «за», ни к «что», с уверенностью априори, что это не стоит усилия и не выйдет, так лучше уж и не делать ничего...

Отсюда полусказочные сюжеты, а по сути, глубинно-интуитивная вера русского человека в возможность стать случайно и в одночасье богатым, не слезая с остывающей печи-лежанки. Вот она царевна-лягушка, приносящая богатое приданое; вот она золотая рыбка, исполняющая все прихоти нищего, ставшего неожиданно богачом; вот они рассказы о кладях и колдунах... И все эти мечты российского человека всегда строились и строятся на аксиоме: «Трудами праведными не построишь палат каменных».

Вера в способности доброго барина и доброго царя решить все бытовые проблемы отдельного человека была не только перенесена на советскую почву, но она во сто крат окрепла благодаря заверениям большевиков, что они, и только они, находясь у власти, смогут обеспечить всем права на труд и отдых, бесплатное образование, бесплатную медицинскую помощь и, по сути, бесплатное благоустроенное жилье.

Ну кто откажется от такой благодати, кому не захочется все свои тяжкие бытовые заботы переложить на чьи-то чужие плечи, охотно и добровольно подставляемые в данном случае партией и советским правительством? И вот расслабившиеся россияне уже выстраиваются в долголетние очереди, чтобы получить все эти обещанные им бесплатные блага в обмен на свой тяжелый и фактически бесплатный труд на благо государства, добровольно взявшего на себя заботу об условиях их жизни и труда. За такое государство, за такую власть не грех и горло перегрызть любому, кто посмеет не только руку на них поднять, но даже плохо о них отозваться или просто усомниться в реальности выполнить обещания.

И перегрызли. До тех пор, пока все большее количество людей не стало наконец постепенно осознавать, что их надувают самым наглым образом. Конечно, бессовестная партия и бессовестное советское правительство несут ответственность за обман и грабеж трудящихся. Но какой спрос может быть с грабителя, о какой совести может идти речь? У грабителя своя мораль, и бесполезно взывать к его совести.

Но не об этом сейчас разговор. Нужно наконец понять, что виноват не только грабитель, но и ограбленный, поскольку сам широко и с энтузиазмом подставил свой карман. И сделал это не случайно, не по разовой своей глупости, а по особенностям сложившегося нашего российского сознания, в котором вера в «доброе царя» (генсека, президента) и доброго барина (председателя колхоза, директора предприятия) вьелась в плоть и кровь миллионов и миллионов людей. За это приходится расплачиваться не только тем, кто первым с детской доверчивостью согласился отдать свое право заботиться о себе и своей семье советскому государству, обрекая себя на рабскую зависимость от него, но и их детям и внукам.

Научил ли нас предыдущий горький опыт чему-либо? Сомневаюсь. И вот почему. Спросите нынешних почитателей Сталина, за что они его так по-преж-

нему любят, даже узнав теперь о его преступлениях. Ответ будет кратким и категоричным: Сталин выиграл войну и после нее каждый год снижал цены на товары для населения. Про победу в войне особый разговор, но о том, что сталинская игра в снижение цен была грубым обманом, никто ни тогда, ни сейчас и вспоминать не хочет. Каждому хочется сохранить миф о добром царе и веру, что на «престоле» когда-нибудь опять появится такой же правитель, который облагодетельствует народ.

И эта вера оказывается не зряшной. Пробиваясь с большим трудом к креслу российского президента, Б.Н. Ельцин, пользуясь проверенным рецептом большевиков обещать в борьбе за власть самые фантастические блага, пригрозил, что он ляжет на рельсы, если будут расти цены на товары для населения. Обрадованные обещанием стабилизировать рынок, россияне охотно проголосовали за нового доброго «царя-батюшку», не поинтересовавшись даже, ляжет ли в случае роста цен президент на рельсы до того, как по ним пройдет транспорт; или после. А это, как догадывается читатель, очень важная деталь. А поскольку разгоряченные, размягченные обещаниями избиратели, привыкшие ждать подачек от каждого нового вождя, не обратили на эту деталь никакого внимания, то Б.Н. Ельцин остался жив, хотя цены прыгнули в космос.

Сейчас, накануне новых выборов, Б.Н. Ельцин опять обещает золотые горы и реки молочные с кисельными берегами, чтобы, видимо, не каждый до них по таким топям добрался. Здесь и погашение задолженности по зарплате (23,7 триллиона на 20 февраля 1996 г. «Труд», 1996, 28 февраля), и проведение индексации конфискованных вкладов, и еще всякие-всякие блага. Откуда возьмутся астрономические суммы, чтобы выполнить все обещания, ни президент, ни многие его будущие избиратели, естественно, не задумываются.

Правда, чувствуя, как удавка цен и инфляции затягивается все туже на шее каждого россиянина, можно все чаще слышать призыв: «Долой Ельцина, долой

власть демократов!» Но этот призыв к замене властей опять же звучит с позиций бесконечных поисков «добротного царя». Выступая сейчас за пере выборы российского президента, многие из нас думают не о том, что новый президент поведет реформы разумнее и энергичнее, даст настоящую свободу инициативе, укоротит произвол чиновников, а о том, что он стабилизирует цены, повысит зарплату, увеличит пенсии... Из чего, почему? Об этом, как в 1917-м, как всегда, мало кто задумывается. Этим и пользуются популисты, рвущиеся к власти, обещая всем сразу все, что каждый хочет только для себя. И опять, как в 1917-м, как всегда, создается ситуация, когда мы по простоте своей душевной, по идеалистическому складу своего сознания запросто поменяем шило на мыло. А о том, что незамутненность нашей веры в чудеса сохраняется до сих пор, после стольких разочарований, говорят многие факты.

Новым ярким доказательством «неземного», идеалистического (а может, просто еще феодального) нашего сознания являются финансовые аферы «новых русских», сотрясающие Россию. Под дождем и снегом, в жару и холод стоят наши люди в долгих очередях не за пайкой хлеба, как в войну, а за тем, чтобы добровольно отдать свои последние деньги тому, кто обещает их немедленно вернуть, удвоив и утроив. И ни у кого из очередников (а среди них большинство не кухарок и дворников, а тех, у кого и денег и образования гораздо больше, чем у них) не даже возникает вопрос — а как же такой фокус возможен в стране, где один завод за другим останавливается, большинство предприятий находится на грани банкротства, госбюджет трещит по всем швам. Всех нас — и очередников, и тех, кто завидует редким удачникам, сыгравшим роль приманки для жуликов, — объединяет вера в реальность сказочного сюжета — «по щучьему велению, по моему хотению!..».

Символом каждой эпохи бывает не тот, кто официально является ее лидером, а тот, кто наиболее полно отражает ее моральную сущность, духовное со-

стояние людей, в ней живущих. Так, не царь Николай II символизировал распад самодержавия, а Распутин со своим неограниченным и безнаказанным своеволием и распутством, не добрый диктатор Сталин, лучший друг детей и заботливый отец всех народов, а злобный палач Берия сумел наиболее полно выразить сущность советской власти. Уверен, что и не демократ Б.Н. Ельцин, первый всенародно избранный российский президент, останется в истории как ключевая фигура нынешнего времени. Хотим мы того или не хотим, но это место уже сейчас прочно захвачено другим человеком, который и есть знамя нашего вечно переходного этапа развития страны. Я имею в виду, конечно, такого афериста, как Сергей Пантелеевич Мавроди.

Создав свое знаменитое АО «МММ», Мавроди, как известно, выстроил пирамиду из тысяч и тысяч акционеров, которые оказались вовлеченными в азартную игру, где каждый следующий акционер оплачивал вклад предыдущего. Пирамида росла на дрожжах вкладчиков и оплачиваемой ими же дурацкой рекламе, точно адресованной тем, кто, уже не раз обманутый и обобранный советской властью, томился в ожидании нового благодетеля, способного осчастливить любого, кто согласится стать богатым, ничего не делая.

Мавроди сделал смелый, решительный шаг навстречу народу и не просчитался в правильности своей оценки и народа и нынешних правителей, изображающих себя его радетелями и защитниками. Прикарманив миллиарды доверчивых вкладчиков, Мавроди, естественно, стал жадноват и не поделился ворованным добром с родственным ему по духу государством, т.е. не заплатил, как считают власти, должных налогов. За что и угодил на короткое время в тюрьму, чтобы осознать там определенные несовершенства в своей бандитской практике. Выйдя вскоре из тюрьмы и самокритично оценив всю свою предыдущую деятельность, Мавроди принял мудрое решение защитить свою воровскую деятельность депутатским мандатом, который он немедленно и получил

от своих избирателей в одном из округов столичной (не захолустной) области.

Став депутатом Госдумы, Мавроди не стал щедрее в отношениях с властями, надежно охраняющими его доходный промысел на большой дороге. Как сообщают («АиФ», 1995, № 12), в его офис недавно опять нагрянули судебные исполнители в сопровождении автоматчиков, чтобы взыскать по решению Арбитражного суда 344 млн. 80 тыс. рублей. Не тут-то было. Офис депутата Госдумы неприкосновенен, и оплеванная государственная власть должна была, соблюдая на этот раз законность, убраться прочь, не солоно хлебавши. А неутомимый фантазер Мавроди уже сколачивает свою «Партию народного капитала», затрачивая до 100 тыс. долларов своих избирателей ежедневно на рекламу, чтобы завтра стать нашим президентом-кудесником, способным, не чета Б.Н. Ельцину, делать деньги из воздуха. А ведь таких «мавродят» размножилось в России больше, чем крыс на городских помойках. Вид этих крыс, естественно, отвратителен. Но еще более отвратительна эта неистребимая российская вера в чудо, в доброго «царя-батюшку», в силу проходимца, будто бы отягощенного только тем, как бы снять с нас все заботы и сделать всех счастливыми. Эта болезнь российского сознания не легче, чем СПИД. Справимся ли мы с ней?

Моя хата с краю...

Признаком хорошего тона считается сегодня хаять большевиков и их вождей. Честно говоря, они это заслужили. Но много ли пользы будет, если на суде обвиняемый начнет плакаться, что он, мол, ангел с крылышками, ни в чем не виноват, а вот сосед его — такой-сякой, рецидивист — подучил его совершить преступление. Что же теперь, отпускать «ангела» и ловить соседа, которого, может быть, просто оговорили? Это я к тому, что большевики не сделали в России ничего плохого, если не считать того, что они

умело использовали все плохое, что есть у каждого из нас, и зло это гипертрофировали так, что задушили и то хорошее, что также есть в каждом. Справедливо ругая власти, большевиков, давайте хоть как-то попробуем оценить и собственный вклад в общероссийские беды.

Крупный порок российского сознания, заикленого на вере в «добротого царя» (генсека, президента), усугубляется не менее крупным недостатком — убеждением, что можно выжить, если руководствоваться народной мудростью — «моя хата с краю, ничего не знаю». Если «хата с краю», то я и знать ничего не хочу о том, что творится у соседа, в моем городе, в стране. А поэтому с меня никакого спроса за происходящее вокруг. Значит, если я спокойно рыбаю, а на моих глазах тонет человек или, больше того, его топят, то по логике «хаты с краю» мне можно, не смущаясь, сматывать удочки.

Большевикам такая философия не могла не прийтись по вкусу. Она позволяла им вытворять в стране все, что угодно, поскольку народ при отрешенном взгляде на жизнь, скорее всего, будет безмолвствовать. Но постарайтесь, однако, понять позицию носителей философии «крайней хаты» и оценить, насколько она полезна или вредна для них самих. Прежде всего давайте разберемся в справедливости широко распространенного сейчас мнения о том, что все мы, дескать, ничего не знали ни о злодеяниях Сталина, ни о «психушках» Брежнева... и только теперь нам, слепым кутятам, открыли глаза на темную реальность. Это неправда.

Все мы (более или менее) знали все. Как бы иначе Александр Солженицын написал «Архипелаг ГУЛАГ»? Ведь он не Жюль Верн, а советский Пимен, который тщательно собрал массу информации, которая богато разбросана, если всматриваться и вдумываться, вокруг нас. Можно, конечно, схитрить и увильнуть от себя: Сибирь, мол, далеко, разве гулаговская информация дойдет до жителей Центра, когда и печать, и радио об этом не смели и заикнуться? Но это — трусливая хитрость. По беспро-

волочному телеграфу народной молвы вести из тех далеких мест просачивались в какие-то семьи, и родственники начинали у всех на виду свои напрасные хлопоты о судьбах несчастных. К тому же ГУЛАГи были не только в Сибири, но и под носом у всех москвичей и гостей столицы. Канал имени Москвы, например, копали примерно такие же гулаговцы, что рубили лес в Сибири. На его трассе полегли тысячи заключенных. И это не видел только тот, кто с позиций философии «крайней хаты» ничего не хотел вокруг видеть. Ну а уж в более поздние годы, когда и «голоса» и «самиздат» обрушивали страшную информацию на миллионы людей, говорить о своем незнании преступлений большевистского режима совсем не приходится. Знали наши люди и о страшном голоде в 30-х годах на Украине, в Казахстане, и о депортации народов, и о многом, многом другом.

Короче, жители советской «хаты с краю» знали все главное о преступлениях советской власти, но до сих пор играют сами с собой в прятки. Миф об информационной невинности советского народа легко опровергается. Но тут сразу возникает более трудный вопрос: если знали, то почему упорно, долго, невозможно молчали? От правильного ответа во многом зависит наше будущее — попадем ли мы вновь в большевистский или какой другой капкан или на этот раз сумеем уйти из него...

Выдвигается фальшивая версия: молчали, мол, потому, что Сталин, Берия, Брежнев запугали российский народ репрессиями и он вынужден был терпеливо сносить все издевательства. Народу российскому тем самым бросается в лицо позорное обвинение в трусости. Югославы в 1948 году, восточные немцы в 1953-м, чехи и словаки — в 1968 году нашли же в себе мужество заявить о своем человеческом достоинстве и поднять голос против большевистского насилия. Получается, один лишь многомиллионный российский народ до сих пор трясется от дикого страха, который нагнала на него банда узурпаторов. Это, конечно, несерьезно. В чем, в чем, но в трусости рос-

сиян упрекнуть невозможно. Это они, россияне, первыми раскусили сущность большевизма и восстали в Кронштадте. Это они выступили в Тамбове («антоновщина»). Это они поднимались в Сибири. О героизме во время войны и говорить не приходится. Да кто забыл, что российские диссиденты первыми начали систематическую борьбу против большевистского тоталитаризма?

Вообще известно, что запугать можно одного человека, группу людей, даже тот или иной слой народа, но чтобы вся нация оцепенела от страха — этого в истории никогда еще не было.

Глухое молчание, а иной раз и одобрительный рык толпы были основной реакцией россиян на каждое новое преступление большевиков. Но это происходило не из-за трусости. Причины такого явления глубже и сложнее. О них до сих пор по понятным причинам мы предпочитаем помалкивать. Однако придется со всей откровенностью сегодня сказать об этом, чтобы снять с россиян «дурной глаз», то проклятие, которое заставляет нас действовать вопреки своим интересам.

Народное молчание о большевистских преступлениях объясняется, как бы это парадоксально ни звучало, тем, что этих преступлений просто... не было. Дело в том, что философия «крайней хаты» гармонично вписалась в «моральный кодекс» советского человека. Он был сформулирован буквально в первые годы советской власти и продолжает действовать по сей день. Смысл его, как известно, сводится к тому, что в политике нет морали, а есть только целесообразность. Расшифровывая эту свою мысль, Ленин на III съезде комсомола объяснял молодому поколению будущих строителей коммунизма, что нравственно лишь то, что служит интересам коммунизма: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». Если согласиться с этим, то житель или постоялец «крайней хаты» может с облегчением вздохнуть, освободив себя от

таких глубоких ограничений, как призыв к собственной совести и ответственности — «не убий», «не укради»...

Общество, согласившееся жить по моральному кодексу большевиков, перестает быть обществом и превращается в стаю шакалов, грызущихся друг с другом из-за обглоданной кости. Если в обществе нет морали, а есть лишь целесообразность, то ГУЛАГ — никакое не преступление. И Катюнь, и раскулачивание, и депортация, и расстрел Белого дома, и война в Чечне — все это «нормальные» явления. Звенья одной цепи, называемой целесообразностью процесса строительства нового общества, на алтарь которого необходимо приносить все большие и большие жертвы.

«Лес рубят — щепки летят», — учил нас Сталин. Пока мы будем исповедовать эту философию, пока все преступления будут позорно списываться по статье естественной «усушки» и «утруски», о возрождении России не может быть и речи. Россия гибнет не от нехватки зерна, нефти, инвестиций. Она идет ко дну под тяжестью философии, дезинтегрирующей усилия людей. Погибнет ли она окончательно, не справившись с болезнью морального вырождения? На этот вопрос ответить нелегко — болезнь страшно запущена. Поглядывая «за бугор» и завидуя не только благосостоянию живущих там граждан, но и той защищенности прав личности, которая нам и сейчас не снится, мы тем не менее не хотим понять, что все эти блага там не с неба свалились, а завоеваны людьми, не признающими нашей теории «хаты с краю». Когда в конце прошлого века разразился скандал вокруг дела французского капитана, еврея Дрейфуса, ложно обвиненного в государственной измене, писатель Золя забросил свое стило и письменный стол и пошел по Парижу расклеивать плакаты с призывом к правосудию. Страна пробудилась. Французы в судьбе одного оклеветанного еврея разглядели опасность для каждого из них. И они победили черносотенцев, спасли нацию.

Давайте вспомним наше недавнее прошлое. Как откликнулась Москва на демонстрацию нескольких человек, вышедших на Красную площадь с осуждением чехословацкой авантюры 1968 года, как трудовые коллективы реагировали на «подписантов», тоже осуждавших тогдашние события в Чехословакии? А наша реакция на гонения А.Сахарова, многих других диссидентов?

Нам есть чего стыдиться, нам есть от чего краснеть. Но убеждение, что «моя хата с краю», все равно глубоко сидит в каждом из нас, губя всех нас поодиночке.

Радуется, обнадеживает то, что борьба А.Сахарова, А.Солженицына, в последнее время С.Ковалева, растущее число их сторонников в отстаивании права человека быть человеком, а не «сталинской щепкой» начинает приносить первые реальные плоды. Чеченская трагедия и — не безразличное, а активно сочувственное отношение самых разных слоев российского населения к чеченскому народу, боль и гнев по поводу тяжких жертв с обеих «сторон» (а может, это в конечном счете одна страдательная «сторона»?) — симптом того, что мудрость «крайней хаты» начинает постепенно уступать место философии консолидации и интеграции общественных сил России.

Судьба нашей Родины во многом схожа с судьбой послевоенной Германии. Немецкий народ в 1945 году стоял перед тем же искушением, что сейчас мы: свалить всю вину на своих вождей и ближайшее их окружение, изобразив себя невинной жертвой. Новое руководство Германии нашло в себе мужество, чтобы объяснить народу, что в преступлениях фашистов виноваты не только вожди, но и все, согласившиеся быть послушными марионетками в их руках. Когда эта мысль, когда чувство вины дошли до сознания народа, когда каждый вновь ощутил себя созидательной личностью, а не пассивным орудием, используемым в чьих-то интересах, — тогда в Германии пробудилась колоссальная энергия, породившая «германское экономическое чудо». «Российское чу-

до» станет возможным тогда, когда мы перестанем валить всю вину за свои беды на наших руководителей и возьмем в собственные руки заботу о своей судьбе. Это задача не из легких. Большевики (и небольшие большевики) не могут жить без человеческого стада, пасти которое выгодно. Но пока мы «в стаде», о духовно-нравственном возрождении россиян можно только болтать.

Имперское проклятие «Третьим Римом»

Ко всем предыдущим недостаткам нашего российского общественного сознания надо отнести и еще один — манию величия, мессианство, имперские амбиции.

Как и предыдущие пороки общественного сознания россиян, этот возник тоже не с приходом большевиков к власти, а заимствован ими, унаследован от русских царей, от самодержавного чиновничества. А, как известно, от застарелого порока избавиться труднее всего. Если это вообще возможно.

России, как и многим другим странам, нелегко и недешево досталось право быть самостоятельным и самобытным государством. Но, отстояв это право в жестокой и многовековой борьбе с татаро-монголами, степняками, тевтонами, Россия, опять же как некоторые другие государства, оказалась перед искусительным выбором — или расширять дальше, насколько это возможно, свои границы, захватывая земли соседей, или устоять перед этим искушением и заняться обустройством тех территорий, где живет основная масса славян. От того или иного решения этой проблемы зависела вся последующая судьба российского государства.

Русский философ Г.Федотов (1886 — 1951), анализируя феномен возникновения мировых империй в эссе «Судьба империй», написанном в 1947-м и опубликованном у нас только в 1992 году («Знамя», 1992, № 3 — 4), говорит: «Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геопо-

литической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: **рождается не новая провинция, но империя, с ее особым универсальным политическим сознанием»** (выделено мной. — Г.Л.). «Империя, — продолжал Г.Федотов, — это экспансия за пределы длительно-устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма».

Этот процесс можно наблюдать на примере превращения Рима в империю с выходом его из границ Италии. То же самое происходило с европейскими державами, когда они приобретали колониальные владения за океаном. И в том и в другом случае действительно не только расширялись государственные границы, но рождалось новое политическое сознание.

Не осталась в стороне от развития имперских процессов и Россия. В конце XVI века в России ни с того ни с сего стало складываться убеждение, что поскольку Рим и Византия пали, то будто именно Москва определена Богом стать «Третьим Римом» и четвертому, дескать, не бывать. Чем дальше, тем больше и глубже шизофреническая мания величия овладевала сверху донизу сознанием россиян. Собственно, в самом-то стремлении стать «Третьим Римом» нет ничего плохого, предосудительного, шизофренического. Тот из россиян, кто побывал в Риме и Византии (Стамбуле), может легко представить искушение предков увидеть свою столицу, свое государство в блеске величия предыдущих двух. Театры (колизей), архитектура, скульптура, знаменитые римские дороги, мосты — разве все это не достойно самой хорошей зависти и желания достичь таких же высот в развитии культуры, образования, ремесел, какие были в том же Риме? Особенно в те давние времена, когда курная изба соперничала с римскими дворцами. Конечно, достойно.

Достойна зависти и политическая культура того же Рима, где свободный римский гражданин был активным участником жизни страны, защищенным клас-

сическим римским правом, составляющим гордость всего цивилизованного мира по сей день.

Но ведь две римские империи — это не только торжество высокой культуры, образования, ремесел. Со школьной скамьи мы знаем, что даже «в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». То есть многие достижения, которыми гордились и гордятся Рим, Византия, стали возможными благодаря покорению соседних народов, благодаря бесчеловечной эксплуатации их рабского труда. Таким образом, замахиваясь на право быть «Третьим Римом», Россия должна была определиться в своих претензиях на все или на какую-то часть наследства двух предыдущих империй — заимствует ли она у тех двух империй лишь практику жестокой эксплуатации побежденных, без особой заботы о своей цивилизаторской роли в мире, или берет их опыт, так сказать, «в комплекте».

Авторы российской идеи «Третьего Рима», едва прыгнув в дремучем лесу с ветки, то есть находясь на очень низком уровне общего развития, заявили тем не менее о своем намерении завоевать весь мир, грозно предупреждая, что Россия не потерпит конкуренции в этом деле, что соседние страны должны готовиться к поглощению их «Третьим Римом» на вечные времена, поскольку «четвертому Риму не бывать». А почему, спрашивается, не бывать? Да потому, что в саму идею «Третьего Рима» закладывались не только российские территориальные притязания, притязания на мировое господство, но и убеждение в «богоизбранности» россиян на эту «скромную» роль, убеждение, что все остальные народы второсортны, третьесортны и просто «пересортица». Знакомый мотив из нашей новейшей истории, когда фашисты выдвигали по тем же соображениям свои идеи об избранности арийцев и о наступающем тысячелетии «третьего рейха». Но и в том и в другом случае имперские притязания не опирались на мощь экономического и культурного потенциала.

Абсурдность имперских амбиций самодержавия состояла еще и в том, что захват чужих территорий

или расширение российского политического влияния в тех или иных регионах возводились в самоцель без расчета на какие-либо экономические выгоды для метрополии, то есть для собственно России и ее народов. Римская империя, как известно, захватывала все новые и новые страны, превращая их в свои провинции, не просто так, а из желания качать оттуда богатства и получать рабов. Конечно, побежденным худо было от этого, но в метрополии каждый гражданин получал соответствующий его общественному положению кусок военной добычи и был доволен и благодарен воинам-победителям и их гениальным полководцам. Метрополия жирела за счет живительных соков, поступающих из побежденных стран.

Другой пример, подтверждающий ту же закономерность развития «нормальных» империй. На экономическую целесообразность завоевания Западной Европой Нового Света обращает внимание Ю.Е.Брезкин в своей работе «Инки. Исторический опыт империи» (Л., «Наука», 1991, с. 5): «Для Западной Европы начало плаваний за океан означало выход из опасного кризиса. Встретившись с угрозой османского нашествия, Европа нуждалась в золоте, утекавшем в те времена на Восток в обмен на пряности. Но без золота нельзя было ни собрать армию, ни построить мощный флот. Опоздай Кортес и Писарро на пятьдесят лет — и западная цивилизация, быть может, вовсе не достигла бы того расцвета, который ожидал ее в последующие века. Что же касается индейцев, то им встреча цивилизаций принесла, конечно, мало хорошего».

Колониальная политика Британской империи была тоже насквозь пронизана экономической целесообразностью с позиций метрополии. Без сырья, без разнообразных сельскохозяйственных продуктов, поступающих из многих ее колоний, без эксплуатации дешевой рабочей силы Англия никогда не стала бы моторной силой мирового научного и технического прогресса, а ее население было бы нищим и, как все нищие на свете, постоянно дралось бы друг с другом, вместо того чтобы работать себе во благо. То же самое надо

сказать и о французской, голландской имперской политике.

Итак, метрополия, осуществляя имперскую политику, эксплуатировала завоеванные страны в своих интересах, в интересах своего народа, что позволяло этому народу создавать новую мировую цивилизацию, принося, к сожалению, на жертвенный алтарь культурную и экономическую самобытность побежденных.

Ублюдочность российской имперской политики состояла в том, что ее проводники ни на секунду не задумывались над тем, как использовать ее хотя бы в интересах российских народов, российского государства и уж тем более для просветительства и социального прогресса там, где появлялся российский солдат. Давайте задумаемся хотя бы над несколькими фактами. Ну, скажите, зачем России нужна была война со Швецией? Чтобы в 1809 году присоединить к империи Финляндию? Что, у нас своих болот, камней, лесных дебрей не хватало? А участие в трех разделах Польши и героический поход Суворова против восставших в 1794 году поляков, завершившийся уничтожением Польши как самостоятельного государства? Экономическая выгода для России могла бы быть от этой победы только в том случае, если бы на завоеванных территориях было налажено производство торфа с последующей поставкой его для отопления Москвы и Петербурга. К счастью, российские самодержцы до этого не додумались.

Напрасно искать экономическую целесообразность и в кавказских войнах русских царей, длившихся не одно десятилетие. Туризм как отрасль экономики в те далекие времена не был известен не только на Руси, но и в Европе, а ради здешних виноградников любителям клюквы, брусники, голубики вряд ли стоило воевать.

Татарская, башкирская, сибирская нефть тоже не были лакомым куском, который вдохновлял бы в свое время имперскую политику царской России, чтобы расходовать свои силы на присоединение этих необозримых пространств.

Может быть, холопковые поля Средней Азии и наркотические ее богатства побуждали наших царей к завоеванию здешних народов? Вряд ли.

Что касается благородной роли царской России в освобождении славян от турецкого ига, то на балканскую политику самодержавия можно посмотреть и не затуманенными романтикой глазами. Как это сделал в свое время Ф.М.Достоевский (ПСС, изд. А.Ф.Маркса, 1895, т. 11, с. 374 — 380). Сочувствуя балканским славянам, Достоевский в то же время предостерегал от того, чтобы особенно обольщаться по поводу их благодарности России за оказываемую им помощь. «Не будет, — предупреждал он, — и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными... Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свобод, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают... И убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта». Эти слова были сказаны в 1877 году, когда вопрос о вхождении стран Восточной Европы в НАТО не стоял так остро, как сейчас.

Достоевский, естественно, был в то же время против национального эгоизма. Он предупреждал: «Если нации не будут жить высшими бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим интересам, то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут». Само собой разумеется, что призыв к высшим идеям, целям не мог быть услышан, понят ни в царские, ни в советские времена.

Имперская политика самодержавия, как видим из этих кратких исторических напоминаний, выглядит

исключительно бестолковой. Никаких экономических выгод от нее Россия, в отличие от других империй, не имела, а у побежденных и экономика и культура под влиянием русификации развивались уродливо. Стоит ли удивляться тому, что среди них тлел, а порой, как в Польше, взрывался протест вообще против всего российского. И хорошего и плохого. Иными словами, российская имперская политика велась так, что выгоды не было ни себе, ни (чужим) людям. Зато вред (и большой) был тем и другим.

Символом бестолковости сторонников политики «Третьего Рима», на мой взгляд, можно считать заграничный поход в Италию Суворова в 1799 году. Туда был брошен «ограниченный контингент» войск для освобождения итальянцев от французских захватчиков, поскольку сами они это сделать не могли или не хотели, а в мире, кроме сердобольного русского мужика, никого не было другого, чтобы помочь им. Освободив Италию, Суворов рвался немедленно восстановить справедливость и во Франции, но, слава Богу, нашлись добрые люди, которые отвлекли его от этой затеи и направили неуемную генеральскую энергию в Швейцарию. И мы, не без нашей российской гордости, по сей день останавливаемся перед знаменитым суриковским полотном «Переход Суворова через Альпы», не задумываясь, к сожалению, а на кой черт нас, рязанских, курских, вятских мужиков, занесло в эту пропасть. Золотые, алмазные рудники хотели захватить там раньше других? Нет. Просто так. От нечего делать в своей родной стране. Может, за права человека постоять? Такая мысль в те далекие времена не могла прийти даже в самую буйную головушку.

Российская имперская политика не только не ставила своей целью обогатить Россию, ее народ, сделать его более свободным. Пусть даже за чужой счет, как во всех империях. Наоборот. По мере роста военных расходов собственный народ становился все беднее и бесправнее. Таким образом, из мирового опыта ведения имперских дел Россия выбрала

для себя лишь ту часть, которая связана не с обогащением своей страны и народа, а с голым насилием, подавлением, причем не только побежденных, но и своего собственного народа, чего не было ни в первом, ни во втором Риме. В этом специфика российской имперской политики. А еще в том, что мировую цивилизаторскую роль российская империя охотно променяла на роль мирового жандарма. Это тот вклад, которым самодержавие обогатило мировой опыт существования империй. У нас все не как у людей: и радость не в радость, и прибыток в убыток.

И если бы имперское мышление было присуще только «низам», консерваторам и черносотенцам. Ничего подобного! Идея служения Отечеству как забота о его пространственном и военном величии была воспринята также и лучшими представителями россиян. Пушкин: «Отсель грозить мы будем шведу»; Тютчев: «Да купим сей ценой кровавой России целость и покой», Достоевский мечтает о завоевании Константинополя. К. Леонтьев идет еще дальше, требуя идти во Фракию, Малую Азию. Российское сознание, как видим, глубоко отравлено шовинизмом и имперскими амбициями.

Такое большое отступление в прошлое пришлось сделать, чтобы проследить истоки советской имперской политики, которая стала логическим продолжением самодержавного ее варианта, но доведенным уже до полного абсурда. Так, большевики, придя к власти, не только не отказались от идеи «Третьего Рима» в ее самодержавном толковании, но приступили к еще более настойчивому, жесткому и жестокому ее осуществлению. Эта идея была закодирована в самом советском гербе, в котором, как известно, пшеничный снопок перетянут лентами с названием уже вошедших в состав СССР республик и лентами, свободными для написания на них названий все новых и новых стран, которые будут присоединены к их числу, пока не образуется мировая советская держава во главе с Россией. По уровню наглости в претензиях на мировое господство советская Россия пре-

взошла Россию царскую, поскольку последняя все-таки оставляла место для существования самостоятельных Германии, Франции, Англии, Испании, Италии и даже США. Но это и понятно, поскольку наглость и общая интеллектуальная недоразвитость находятся в прямой пропорциональной зависимости.

Обрядив идею «Третьего Рима» в маскировочный халат мировой пролетарской революции, создав штаб для развертывания агрессии сначала в виде Коминтерна, потом — в форме Коминформа, Варшавского пакта, большевики стали без разбору хватать все, что плохо лежит: целые страны или их отдельные куски. Так что самодержавию не за что было бы упрекнуть большевиков в их деятельности по сохранению и расширению границ Российской империи. А за утрату Россией Финляндии и Польши должно нести всю ответственность буржуазное Временное правительство, «предавшее» российские имперские интересы своими играми в незнакомую для России демократию. Наоборот, большевики приложили немало усилий, чтобы исправить допущенные «ошибки». Безудержное, самоцельное стремление к расширению российских границ, составлявшее важнейший элемент царской имперской политики, было бережно перенесено и вмонтировано в основу советской внешней политики.

Переняли большевики у царей и экономическую бессмысленность имперской политики, доведя ее до абсурда. Достаточно сказать, сколько миллиардов долларов ухнули советские вожди в разжигание «мировой революции». По одним данным — 140, по другим — 127, а по самым скромным подсчетам — 90 млрд. долл. («Труд», 1996, 9 февраля). Показательны не только суммы выброшенных денег, но и сама точность их подсчета. А что их, т.е. долги, считать, когда давали их так, что заранее знали, что не видать этих денег как своих ушей.

На территории Российской империи обнаружались огромные богатства, о которых и не подозревали цари: нефть, золото, алмазы, редкоземельные

металлы. Все это стало доступным в XX веке для освоения, и все это стало большевиками бездумно выкачиваться из регионов не только без пользы для местного населения, но и во вред ему. Хищнические разработки природных богатств нарушили экологическое равновесие во многих регионах бывшего Советского Союза, создав серьезную угрозу для здоровья и жизни людей. Но изымаемый и перекачиваемый в Центр, в Москву, прибавочный продукт, созданный на местах, ничуть не улучшил положения самих россиян, поскольку, как и при царях, львиная часть всех доходов шла на финансирование военных расходов, на обслуживание идеи «Третьего Рима». Как известно, почти 90% всего промышленного потенциала страны работало на ВПК, то есть не на жизнь, а на смерть человека. Стоит ли тогда удивляться, что чем богаче, чем мощнее становилось советское государство, тем слабее, беднее становился человек, живущий здесь. Значит, и по этому показателю — бесполезность изымаемых колониальных богатств для метрополии — мы остались в рамках ублюдочной имперской политики самодержавия. Не в коня корм идет в России, когда она, вслед за великими империями, пытается сделать что-то путное, а получается жалкий фарс.

Советская Россия бережно сохранила и унаследованную от царских времен роль мирового жандарма. У всех на памяти события в ГДР в 1953 году, в Польше в 1956 году, венгерские кровавые события, подавление в 1968 году танками восходов Пражской весны, вооруженное вмешательство в Афганистане и многие другие полицейские выступления с целью удушения любого неудобного большевикам движения народов. Надо ли говорить, что в отношении к народам, проживающим на территории Советского Союза, советская власть вела себя еще более жестоко. Даже цари не могли додуматься до того, чтобы в одночасье выселять целые народы с исторических мест их существования, как это было с крымскими татарами, поволжскими немцами, чеченцами и другими народностями, пострадавшими от советского ге-

ноцида. После развала Советского Союза, после краха коммунистической партии могло показаться, что Россия откажется от имперских амбиций и откроет новую страницу в своих отношениях с народами бывшего СССР. Ничего не вышло. Позорная война в Чечне, где за полгода погибло в два раза больше людей, чем за 10 лет войны в Афганистане («Известия», 1995, 9 июня), показала всему миру, что Россия и в этом отношении остается такой же ущербной и агрессивной, как и прежде. И более всего осознавать, что очень и очень многие русские, как прежде, остаются равнодушными к бедам других наций и народностей, проживающих в России, не желая понять, что их беды несут огромные несчастья и самим русским.

Анализируя феномен российской империи при царях и большевиках, Г.Федотов в упоминавшейся работе «Судьба империй» писал: «В конце концов имперское сознание питалось не столько интересами государства — тем менее народа, — сколько похотью власти, пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России девятнадцатого века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами ее духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство — пугалом для свободы народов. Потеря империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик. Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам — к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии. Тридцатилетие коммунизма, и потом коммуно-русский человек огрубел, очерствел, — говоря словами народного стиха, покрылся «еловой корой». Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, т.е. для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее и русского христианства. К этой великой задаче должна уже сейчас готовиться русская интеллигенция вместо погони за призрачны-

ми орлами империи». К великому нашему несчастью, этот призыв российского философа не услышан по сей день.

Российское бунтарство

Россиянин — отчаянный бунтарь. Причем ожесточенный и безжалостный. В набросках к «Капитанской дочке» Пушкин остро замечает: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (Цит. по: «Вопросы философии», 1994 № 12, с. 57). Откуда, спрашивается, в нашем менталитете еще и это поганое качество? А все оттуда же: от всевластия чиновников; от веры в доброго «царя-батюшку»; от кандалной общинности; от постоянного участия в составе ограниченного континента войск то в Италии, то в Афганистане, то на Кавказе... Нормальный человек от всего этого не может не полезть на стенку или, взяв вилы и топор, в справедливом гневе порубить всю ту сволоту, которая веками опутывает россиянина. Монархист маркиз Астольф де Кюстин, сбежавший от республиканцев в монархическую Россию, прожив здесь несколько лет, вынужден был признать: «Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу Вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию... Каждый, познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немислимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы» (Николаевская Россия, с. 6).

Вряд ли автор изменил бы свои выводы и сто лет спустя, окажись он в сталинской России. Зная нашу Россию по русской классической литературе и наблюдая десятилетиями жизнь советского россиянина,

можно понять, что российское бунтарство не патология человеческого характера, а свидетельство сохранения ценнейшего качества личности — достоинства, за право на которое так часто и так озверело борется россиянин во все времена своей истории, не исключая, конечно, и советский период.

Но российское бунтарство, по мнению Пушкина, «бессмысленно». Мне тоже так кажется. И вот почему. Оно направлено прежде всего на передел имущества, на восстановление первобытной уравниловки. Все беды, от которых страдает человек, переносятся на вещи, а не на те отношения, которые устанавливаются между людьми. Это бессмысленно. И вот почему.

Разница между экономическим и юридическим существом собственности может быть огромной. Например, собственником рабочей силы при капитализме является работник. Но что из того? Продавая ее на рынке труда, работник не становится владельцем, собственником созданного им продукта. Нечто подобное можно видеть и на примере наших колхозов. Формально, юридически колхоз, колхозники владеют землей, закрепленной за ними. Но что из этого? Ведь не только весь продукт, выращенный на ней, но и тот, что получен с приусадебного участка, выгребался и выгребается тем или иным способом государством. Так же и с нынешним фермером. Формально, юридически он становится хозяином своего надела. Но через налоги, через паритет цен достигается тот эффект, который известен по русской присказке — по усам текло, а в рот не попало.

Нежелание или неспособность видеть отличие формы собственности от ее существа ведет к трагическим последствиям. Начинает казаться, что достаточно придумать разумный, «справедливый» способ дележа собственности, как все проблемы в обществе сразу найдут свое решение. Преувеличение роли юридической формы собственности смыкается с верой в «добраго царя» (генсека, президента), веры, увы, не такой уж невинной, как это кажется на первый взгляд. Если вера в Бога никому не мешает

жить и работать, не считая, конечно, тех жутких ограничений, которые она налагает, — не укради, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего, — то вера в «царя» не требует таких колоссальных жертв от человека. Она требует только верноподданности тому режиму, который установится на то или иное время, и полного отказа от хозяйственной самостоятельности. Тем самым вера в доброго «царя» требует веры в нетоварную концепцию развития общества, поскольку рыночное хозяйство основано на незыблемом принципе — «волка ноги кормят». В обществе, где подлинная религия трансформирована в религию «доброго царя», основная часть человеческой энергии направлена не на созидание, а на выбивание бюджетных ассигнований, материальных фондов, выгодных цен, квот, лицензий, тарифов оплаты труда и т.д.

Поэтому главной фигурой в таком обществе становится не производитель, а чиновник, власть которого во много раз превосходит власть этого самого доброго «царя», выполняющего роль надежного защитника интересов прежде всего чиновничества. И если «царь» делает малейший шаг в сторону, то, как на этапе арестантов, чиновники расценивают такое его своеволие как попытку к бегству и убирают вероотступника. Так было уже в наше время с Хрущевым, Горбачевым. Ленину же с его нэпом просто повезло. Вовремя умер. Иначе чиновники затоптали бы его безжалостнее, чем некоторых его наследников. Таким образом, вера в «доброго царя» — это прежде всего вера в согласие людей быть стадом баранов, которых российские чиновники и пасут-то неумело и на скудных пастбищах, чтобы гнать по мере надобности на мясокомбинат.

Но этим не ограничивается бунтарство россиян против собственности. Оно бессмысленно и по своей верноподданнической природе.

Вера в милость «доброго царя» чревата опасностью социального взрыва. Если верить в его способность решить все проблемы отдельного человека, той страны, в которой эта вера сохранилась, то логично

или ждать, пока «царь», не оправдавший ожиданий, сам помрет, или помочь ему сделать это досрочно. Рассчитывая на чудо, способное улучшить судьбу, россияне испробовали и тот и другой способ избавления от своих бед. Долготерпение оплачивалось дорогой ценой. А от смены царей изменения хотя и происходили, но вот ожидаемого чуда не получалось никак.

Постепенно российская общественная мысль поднималась на более высокий уровень обобщений. Был следан вывод о том, что не тот или иной «царь» виноват в российских несчастьях, а вся общественная система, система властей, в которую он, «царь», вмонтирован. Значит, надо не «царя» менять, а думать о том, как сменить систему власти, которая порождает пороки в человеке, обрекает его на страдания. В решении этой задачи на Руси наметилось два подхода. Одна часть россиян, их обычно обзывают «консерваторами», «реакционерами», соглашаясь с бесспорным фактом несовершенства властей, тем не менее призывала соотечественников к уравниловке, побуждая их заниматься постепенной, эволюционистской работой по улучшению управления российским государством, сотрудничая по возможности с властями на этой основе. **Не только социальная система, не только власти виноваты в наших российских бедах**, говорили они, **а прежде всего мы сами, россияне, поскольку внутренне, духовно не готовы к тому, чтобы хорошо жить.** Эту точку зрения блестяще высказал и обосновал Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен», — убеждает писатель россиян. А в «Дневнике писателя» за 1877 год та же, актуальная для наших дней мысль сформулирована так: «...сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина... Мыслители провоз-

глашают общие законы, т.е. такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если бы этот идеал и возможен был, то с н е д о д е л а н н ы м и людьми не осуществлялись бы никакие правила, даже самые очевидные». К внешнему миру, замечает Достоевский, предъявляются требования неизмеримо большие, нежели те, которые обращены к самому себе. Поэтому писатель призывает: «Смирись, гордый человек, потрудись, праздный человек!» Нет, смириться следует не перед государством, не перед бесправием, уточняет писатель, государство такое же «недоделанное», как и люди, живущие в нем, а перед необходимостью «выделать» из себя человека. Государство же должно быть переустроено так, чтобы правда для человека как личности стала правдой и для него. «Высшие цели» при этом, как видим, вовсе не отменяются, но им назначается дорогая цена. Внешнее переустройство ставится в жесткую зависимость от моральной ценности тех, кто поставил перед собой такую цель. Александр II, Сперанский, Витте, Столыпин, земские деятели... — вот тот путь, на котором «недоделанного» человека и «недоделанное» государство можно сделать нормальными.

Но так думала одна часть российского общества. Другая же, сгорая от нетерпения, доказывала, что все российские проблемы можно решить проще и быстрее. Надо только сбросить с престола царя, упразднить монархию, отменить частную собственность и заставить людей жить по разумной, идеальной схеме, придуманной тем или иным радетелем о народных интересах. «Передовая» российская интеллигенция брала на себя тяжелый труд по составлению планов устройства идеального общества, а устранением несправедливых порядков должен был, по ее убеждению, заняться народ. Поэтому она призывала его «к топору», к террору, к революции, отвергая любые возможности сотрудничества с властями, надеясь только насильем устранить все препятствия на пути к светлому будущему.

Иными словами, социум, внешний, а не внутренний мир человека, рассматривался как главное препятствие общественному прогрессу. Герцен, Нечаев, Ткачев, Бакунин, народovolыцы... усердно готовили общественное сознание к тому, чтобы на Руси появились большевики и, увлекая за собой народные массы, захватили наконец власть в России.

И это свершилось. Народным массам показалось привлекательным решать проблемы «топором», пока топор не стал гулять по их шеям. Теперь, после эксперимента, длившегося долгие десятилетия, можно уже с уверенностью сказать, что российские «консерваторы», «реакционеры», ориентировавшиеся на эволюционный путь развития России, оказались правы, а «передовая» интеллигенция и тот, кто пошел за ней, завели Россию в тупик, в котором мы сегодня пребываем. Царь, монархия, то есть социум, как мы убедились на опыте, не самый главный тормоз общественного развития. В Англии, Испании, Японии, Швеции, как известно, до сих пор сохраняются монархии. И ничего. Эти страны успешно развиваются как экономически, так и социально, чего не скажешь о России, уверовавшей, что достаточно сменить декорации — и люди изменятся к лучшему. Нет. Не меняются. В этом убеждает нас не только наше недавнее прошлое, но и события последних лет. В августе 1991 года полностью дискредитировавшая себя власть большевиков была, казалось бы, устранена и на их место пришли так называемые демократы. Опять, как в 1917-м, сменились политические декорации. Но стало ли лучше и лучше ли стали мы сами? Многие убеждены или убеждаются теперь в обратном.

Более того, все советские республики еще вчера жили в рамках одной социальной системы и разом сменили ее на другую — как заявлено, на демократическую. И что же выяснилось? Выяснилось, что в рамках новой социальной системы люди разных советских республик, ставших независимыми государствами, повели себя настолько по-разному, что можно только диву даваться. Достаточно сравнить процессы,

которые происходят в Грузии, Абхазии, Азербайджане, Туркмении, Таджикистане, в Чечне, Украине и Прибалтике, чтобы с легкостью опровергнуть и отбросить как ложный тезис о первичной зависимости всех наших бед от социума.

Жизнь вновь убедительно доказала, что успехи в развитии общества прямо пропорциональны духовному развитию отдельных его членов, а не числу принятых властями законов, указов президента и распоряжений властей всех рангов. Именно поэтому при одних и тех же гражданских порядках прибалты, например, имеют уже сейчас результаты, которые обнадеживают, а Таджикистан, Грузия, Украина, получив наконец долгожданную свободу, наломали столько дров, что люди невольно задумываются: а не лучше и не спокойнее ли жить при тоталитарном режиме?

Такие сомнения, как известно, растут, к сожалению, и в России, которая решительно, по-революционному сбросила негодный режим, вновь рассчитывая путем механической замены одних властей другими решить свои проблемы. И в очередной раз мы все убедились, что корень зла не в том. Что разрушать даже самую несовершенную социальную систему легче и проще, чем терпеливо работать в мирных условиях над ее совершенствованием. Но платить за эту легкость приходится очень дорого и очень долго.

Казалось бы, после того, что с нами происходило и происходит, можно и нужно прислушаться к голосу тех, кто призывает россиян заняться прежде всего «выделыванием» самих себя в человека, установить преемственность с традициями российских «консерваторов»-эволюционистов. Но это пока не получается. По исторической инерции мы каждый раз в сложной ситуации срываемся на наезженную и большевиками и их предшественниками разрушительную революционную тропу, поскольку российская вера в доброго «царя», в идеальную социальную систему и отсюда во всемогущество насилия роковым образом залегла в наш менталитет. Призыв

Достоевского: «Смирись, гордый человек!..», обращенный к россиянам, остается не услышанным, не понятым не только его современниками, но и многими из нас. Это с горечью и болью констатирует в наши дни А.Солженицын: «За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни — никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими *интересами*, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность» («Как нам обустроить Россию»).

Конечно, разговоры о «Божьей справедливости», об «умеренной нравственности» должны устраивать в наши дни, пожалуй, только «крутых» россиян, поскольку лишь они способны понять и высоко оценить всю (для себя) выгоду теории о непротivлении злу насилieм. Но это возможно тогда, когда нравственность толкуется лицемерно, как поучение сытым голодного. Настоящие сторонники нравственности, выступая в ее защиту, далеки от такого ханжества. Они требуют от государства резкого повышения капитальных вложений в человека — в его здоровье, в образование, в укрепление семьи, в защиту окружающей среды его жизнедеятельности. Короче, речь идет об увеличении расходов на развитие созидательной эволюционистской, а не разрушительной революционной деятельности. Если проследить за структурой бюджетных ассигнований в тоталитарной и посттоталитарной России, иными словами, учесть, в каких условиях жили и живут российские врачи, учителя, ученые, работники музеев, библиотек, вообще все, кто работает на продолжение и улучшение рода человеческого, а не на истребление его, то надо признать, что Россия уверенно, семимильными шагами продолжает двигаться к своей гибели.

Радует лишь то, что сами, так сказать, рядовые россияне в отличие от своих верховных руководителей наконец поняли это и не спешат ускорять движение к своему духовному и физическому краху. Показательно, что, по данным социологического об-

следования, проведенного в конце 1994 года, почти 70% россиян высказались против насильственного свержения существующей власти в стране и лишь 7% — за вооруженный переворот. Причем наибольшее число сторонников мирного, эволюционного развития нашего общества — в армии («Известия», 1994, 29 ноября). Порадуемся. В конце российского тоннеля, кажется, появляются признаки просветления. Лишь бы признаки не оказались призрачными. России давно пора успокоиться и пойти по надежному, испытанному другими странами эволюционистскому пути. **Но для этого надо преодолеть еще один крупнейший порок нашего национального сознания.**

Весной 1953 года скончался наконец Сталин. Надо было видеть тогда не скорбь, не печаль, а просто отчаяние миллионов и миллионов россиян независимо от уровня их грамотности и положения в общественной иерархии. Они хоронили не просто многолетнего руководителя великой, будто бы новой страны, а идеологического вождя, отца, учителя. Конечно, такую «всенародную любовь» к Сталину можно частично объяснить только что одержанной победой над еще большей заразой — германским фашизмом. Но именно частично. В 1956 году XX съезд партии впервые официально чуть-чуть приоткрыл завесу над преступной политикой сталинистов. После этого река новых фактов страшных злодеяний сталинского режима обрушилась на наши головы.

Но и теперь, спустя столько десятилетий после смерти Сталина, после всех разоблачений его культа, после разгона его партии, после официальной отмены советской власти, вернее сталинского ее варианта, мы с удивлением и горечью вынуждены признать, что и сегодня Сталин «живеет всех живых». Его тлетворный дух отравляет воздух не только на площадях, где митингуют вчерашние военные и идеологические охранники сталинского режима и их прислуга. Он пронизывает всю практическую деятельность и нынешних институтов власти. Советская власть в сталин-

ском варианте не умерла, она, ловко сменив вывески, окрепла благодаря тому, что в ходе приватизации госсобственности бюрократия от полувласти прорвалась к полновластию. Сталинский режим в России изменился, так сказать, количественно, но не качественно. Можно теперь почти безбоязненно тявкать в СМИ на «слона» власти, и слон этот великодушно не будет пока обращать внимания на это тявканье. Откуда эта жизнеспособность, непотопляемость сталинизма?

На мой взгляд, сила его в том, что он сумел апеллировать к самым низменным человеческим качествам отдельной личности, к маргинальным слоям общества, к самым незавидным наследиям прошлого России, заложенным в наш менталитет: вера в доброго «царя-батюшку», общинный характер российского сознания; нетерпеливая разрушительная революционность вместо творческой эволюционности; агрессивная имперская неуживчивость и вера в возможность отсидеться в «своей хате с краю», когда кругом всех косит несчастье.

Россия страдает не от нехватки сырья — его у нас навалом; не от технологической отсталости — наши мозги, слава Богу, работают ничуть не хуже тех, что создают славу передовым странам, а у нас они никому не нужны; не от нехватки капиталов — российский капитал бежит, как известно, из родной страны как черт от ладана. Наша беда в самом миропонимании, в больном общественном сознании. Ряд его пороков я и попытался описать. И пока мы духовно не излечимся, не осознаем, что в наших прошлых, нынешних и будущих бедах виноват не Сталин, Хрущев, Брежнев, Ельцин, а каждый из них, умело игравший и играющий на пороках нашего сознания, выхода из тупика не будет. Горбачев робко пытался было сыграть на других наших качествах, но его быстро скрутили в бараний рог. И те, кому надо, используя удобный момент очередной российской смуты, приступили к развалу российского государства при полном равнодушии, безразличии его граждан ко всему, якобы (как бы) не с ними

происходящему («моя хата с краю»). Не удивлюсь, если на очередных выборах в российский парламент, а потом и на президентских — победят те, кто от всей души презирает нас. Хорошо бы ошибиться. Да как? Ведь из двух зол россиянин всегда выбирает не меньшее, а третье — наихудшее¹.

¹ На парламентских выборах 1995 года победили коммунисты, оставив позади себя и НДР, и ЛДПР, и «Яблоко». (Прим. ред.)

3. Есть ли будущее у России?

Что Россия больна, и больна тяжело, очевидно всем. Тот, кто ведет летосчисление российской истории от даты своего рождения или в крайнем случае рождения своих родителей, болезнь эту приписывает только большевикам, которые, дескать, изнасиловали страну и заразили ее дурной болезнью. Тот же, кто чуть лучше знает близкое и далекое российское прошлое, понимает, что, к сожалению, сам-то большевизм мог вырасти и расцвести полным, естественно, красным цветом на почве тех пороков общественного российского сознания, которыми оно было поражено задолго до 1917-го: общинное сознание, имперские амбиции стать «Третьим Римом», неверие самого народа в собственные силы, а отсюда упование на доброго справедливого Царя, который, придя волей счастливого случая когда-нибудь к власти, все устроит по «щучьему велению», не тревожа своих сограждан сомнениями, что и как делать, — все эти упования кончились, и не могли не кончиться, позорным крахом. Не только Сталин, Хрущев, Брежнев, Черненко, но и ни один сверхгений, решившийся по глупости своей спасти Россию, не отказываясь от нашего векового общественного сознания, не имел бы здесь никакого другого итога, кроме того, который с отвращением и ужасом мы наблюдаем в наши дни.

Поэтому в свое время Л. Троцкий, на мой взгляд, абсолютно справедливо замечал: «...Вопрос о Сталине как самостоятельный вопрос не существует. Убийством нельзя изменить соотношение социальных сил и остановить объективный ход развития. Устранение

Сталина лично означало бы сегодня не что иное, как замену его одним из кагановичей, которого советская печать в кратчайший срок превратила бы в гениальнейшего из гениальных» («ЛГ», 1989, 4 января).

При виде необъятного взяточничества, криминализации общества, затухания науки, образования, культуры многие думающие люди всерьез задаются вопросом — а есть ли вообще будущее у России в создавшихся условиях? Давайте и мы, читатель, подумаем над этим вопросом вопросов.

Будущее есть у каждой страны, у каждого народа. Но весь вопрос в том, какое это будущее. Например, у инков, ацтеков, майя была цивилизация высокого класса, памятниками которой по сей день восхищается весь мир. Эти мощные империи, раскинувшиеся на огромных территориях Южной Америки, были защищены многотысячными армиями, поскольку войном там являлся каждый мужчина. Казалось бы, невозможно одолеть такую силу. Но вот сравнительно недавно, в 1532 году, испанцы под командованием Писарро всего с 62 всадниками и 102 пехотинцами врываются к инкам, одерживают победу, казнят их вождя и захватывают богатейшие трофеи без единой потери со своей стороны. Местное население начинает массово гибнуть. К 1572 году (за 40 лет!) оно сократилось на несколько миллионов человек. В полные трагизма первые годы колонизации погибал каждый второй индеец. Такая же участь постигла империи майя и ацтеков.

Здесь не место выяснять причину гибели этих и других империй, хотя они весьма поучительны.

Более уместно вспомнить хамский, но, увы, довольно типичный случай из наших дней. Здоровенный парень хлещет баварское пиво. На него с завистью смотрит старенький инвалид — ветеран Отечественной войны.

Ветеран спрашивает: «Хорошее?»

Парень отвечает: «Очень! Вот если бы ты, батя, не был победителем, сейчас тоже пил бы баварское пиво и жил по-человечески».

Вот одно представление о будущем России. Расчет на завоевателей, кстати, весьма распространен, хотя исторический опыт и Нового и Старого Света убедительно доказал, что победители никогда не бывают альтруистами, а побежденные, следовательно, никогда не бывают ими облагодетельствованы, они обречены на вымирание и деградацию. К сожалению, в нашем разговоре о будущем приходится напоминать об этих прописных истинах, а также о том, что побежденным можно стать не только в военном, но и в мирном экономическом сражении.

Те миллиарды долларов, которые Запад так расчетливо-ростовщически дает займы нашим нынешним правителям (расплачиваться за них, естественно, предстоит не им, не их детям или внукам, а тем, кто жил и живет в нищете, передавая ее по наследству), уготовливают России будущее в позорной долговой яме. Из нее нам уже сейчас предлагают выбраться, распродавая Россию оптом и в розницу. По свидетельству американской прессы, США уже сейчас примеряются купить аж всю Сибирь за 2 — 3 триллиона долларов («Правда», 1993, 15 апреля). Так что Ломоносов, заглядывая в будущее, немного, видимо, ошибся, считая, будто могущество России будет прирастать Сибирью. Наблюдая нынешние тенденции развития мировой экономики и практики ведения дел в России, можно предполагать, что Сибирью, может случиться, будет прирастать могущество не России, а США. И это может произойти так же неожиданно, как разрушение Берлинской стены, как вывод наших войск из Европы, Прибалтики, с Украины...

Наши правители, как это у них заведено, окажутся опять в стороне, ни за что, ни перед кем не неся ответственности, а народ российский, хлопая растерянно глазами, будет вновь недоуменно, неизвестно к кому обращаясь, бестолково спрашивать задним числом — как же все это могло в одночасье случиться?

Печаль, конечно, не о том, что военная Россия ушла из многих европейских районов, где ей было не место — нельзя не радоваться возвращению на-

ших солдат на Родину, — речь о том, как бездарно экономически и политически это было сделано.

Именно бездарность во внутренней и внешней политике последних лет и порождает у многих россиян пессимистический фатализм при раздумьях о будущем России. Но раздумья раздумьям рознь.

Когда человек на бытовом или даже криминальном уровне отказывает России в будущем, рассчитывая мелко, по-шакальи в одночасье поживиться, «полловить рыбку в мутной воде», это еще куда ни шло. Хотя тоже обидно — ведь совсем недавно, во время войны, буквально все, независимо от их воззрений на будущее России, познали на своей шкуре дорогую цену германского «окультуривания» России. Но вот мнение нашего известного кинорежиссера, а теперь и профессионального политического деятеля, депутата российской Думы С.Говорухина. Оно весьма категорично заявлено в брошюре «Великая криминальная революция» (М., 1995): «России уготовлено позорное будущее. Она превратится (уже превращается!) в колонию» (с. 69). Более страстно об этом же сказано несколькими страницами позже: «Я и два года назад считал, а теперь, когда воочию увидел, как изнасиловали мою Родину, тем более считаю, что оптимистом в наши дни может быть либо дурак, либо подлец (выделено мной. — Г.Л.)» (с. 119).

Во-первых, думаю, что С.Говорухин искусственно ограничил число оптимистов в России, установив лишь два критерия для тех, кто еще верит в будущее России. Но об этом позже. Во-вторых, непонятно, как фаталист смог согласиться работать в Думе, задача которой — спасти тонущий корабль, а не «подбадривать» команду душераздирающими воплями типа: «Остановитесь, ребята! Все равно потонем! Спасайся, кто как может!» Иными словами, С.Говорухин, депутат Думы, то есть видный российский государственный деятель, выступает за безоговорочную капитуляцию России и перед Западом, и перед отечественными шакалами и считает, что «только дураки и подлецы» могут противиться этому. Вот как комментирует по-

зицию С.Говорухина о будущем России Борис Туманов («ЛГ», 1995, 12 июля).

...В армии царят чудовищных масштабов воровство и коррупция. В офицерской и солдатской среде — повальное пьянство. Профессиональная непригодность генералов очевидна, но заменить их просто некем. Высшие чины жертвуют тысячами солдатских жизней, чтобы угодить сиюминутному преступному капризу верховного командования. Военные операции превращаются в кровавую неразбериху. Сводки с театра военных действий представляют собой столь же наглую, сколь и несусветную ложь. Где-то под Иркутском казаки и местные жители громят поселок кавказцев. Над всем этим витает непреложная убежденность, что во всем виноваты жидаи!..

Узнаете? О нет, восклицает автор, это я не о Чечне. И вообще не о сегодняшнем дне. Это всего лишь беглый пересказ вересаевских записок «На японской войне». С.Говорухину достаточно внимательно перечитать это свидетельство болевшего за Россию русского врача и писателя, чтобы понять (если, конечно, он в состоянии воспринимать реальность), что ту Россию, о потере которой так скорбит известный кинорежиссер, мы, к сожалению, на самом деле НИКОГДА не теряли.

Казенного патриотизма, рассуждает Б.Туманов, усердно поливавшего великодержавным дезодорантом пропотевший зипун общества, Россия нахлебалась вдоволь. Боюсь ошибиться, боюсь сглазить, но кажется мне, что при всех апокалиптических превращениях последних лет российское общество миновало то страшное распустье, которое на протяжении веков ставило его перед выбором между бессмысленно-кровавым катаклизмом и леденящей спячкой тоталитаризма (выделено мной. — Г.Л.). Пореформенные мерзости нашего бытия, уходящие корнями в прошлое, все больше катализируют в обществе осознание того, что патриотизм есть категория личной нравственности и личной ответственности, а не полудистерических заклинаний очередного агитпропа. К хрестоматийно известному изречению великого писа-

теля осмелюсь добавить: последним прибежищем для негодьяев служит ПУБЛИЧНЫЙ патриотизм. Быть патриотом, сознательно не воруя, сознательно не попирая закон, сознательно не позоря Россию своими купеческими выходками, сознательно не спекулируя на ее пороках и не вопя при этом на всех перекрестках о собственной святости, неизмеримо труднее, чем узурпировать это понятие, держась одной рукой за церковную свечку, а другой — за гранатомет.

Придется привести еще одно мнение о будущем России. Но слишком уж тема актуальна и остра, чтобы, сославшись на С.Говорухина, впасть в дидактический монолог. Наталья Иванова в «Литературной газете» (1995, 9 августа) по этому же поводу пишет: «Сейчас из общества выходят шлаки, и еще долго будут выходить; но общественный организм все-таки самоочищается, а человеческий материал проходит через отбор. Конечно, сегодня (и вчера) уезжают многие — лучшие; но на этот процесс я смотрю спокойно: из Португалии уехало несколько миллионов, а как только нормальная жизнь в стране начала налаживаться, многие вернулись из временной эмиграции, да еще с заработанными капиталом. Не думаю, что Россия уйдет в рассеяние — слишком она велика, слишком мощный человеческий и культурный пласт, слишком много энергии (сейчас, может быть, выражающей себя в проявлениях дурных и дурацких, но — энергии)».

Теперь порассуждаем по поводу смертного приговора С.Говорухина, вынесенного им России в его брошюре и еще более впечатляюще обоснованного в одноименном фильме. (Об этом мне уже приходилось писать в газете «Культура» 3 сентября 1994 года.) Ни Бориса Туманова, ни Наталью Иванову, людей, давно и хорошо известных читателю по их общественной позиции, уж никак нельзя назвать «дураками и подлецами», хотя их расхождение во мнении с Говорухиным по поводу будущего России автоматически вроде бы отбрасывает их в этот разнородный и многочисленный отряд. В чем же дело? Почему вполне интеллигентный человек, видный кинорежиссер, пуб-

лицист, политик позволяет себе заочно обливать руганью всякого, кто посмеет иметь свое, отличное от его, С.Говорухина, мнение?

Сам по себе С.Говорухин в этом, на мой взгляд, не очень-то и виноват. Дело в том, что русский интеллигент издавна считал признаком хорошего тона костерить своего оппонента последними словами, восполняя тем самым недостаток аргументов в споре и вообще уводя сам спор из зоны поиска истины в зону демонстрации мастерства ругательства. Не будем утомлять читателя примерами из этой области, из до- и послереволюционного периода. Их каждый может привести массу, включая ленинское аристократично-грассирующее «пгоститутка Тгоцкйй». Такова уж у нас «культура» дискуссии. И Говорухин не стал выходить за ее рамки, обсуждая такой большой вопрос: есть ли будущее у России?

Но Бог с ней, с этой культурой ведения дискуссий. Ее не так-то просто изменить, хотя форма ведения дискуссий — дело далеко не формальное. И в нашем, российском случае она обнаруживает громадный недостаток нашего общественного сознания: отсутствие терпимости, элементарного любопытства к логике и фактам, которыми оперирует оппонент. За это уже дорого заплачено и предстоит платить впредь, пока спорящие стороны не научатся слушать и слышать друг друга.

Зададимся теперь другим важным вопросом: почему так диаметрально противоположны выводы у весьма образованных людей, болеющих за Россию? Наталья Иванова, на мой взгляд, очень точно обосновала в упомянутой статье свой оптимизм по поводу будущего России. Чтобы государство функционировало нормально, пишет она, надо прежде всего иметь под руками соответствующий материал. «Материал, — рассуждает она, — это мы сами, то есть нас-то уже не будет, но будет выпестованный нами человеческий материал. А так как человек состоит из того, чем он питается, то наша задача — подумать сегодня на трезвую голову, чем мы кормим своих детей. Нас кормили пищей отравленной».

Наталья Иванова считает, что «пища» наших детей, внуков и правнуков уже гораздо здоровее, поэтому и судьба России будет меняться постепенно в лучшую сторону. Примерно о том же, как помним, пишет в упомянутой статье и Борис Туманов, связывая надежды на лучшее будущее России с тем, что сами россияне меняются в лучшую сторону.

Вот с этим-то и не согласен С.Говорухин. Он видит нынешнюю бестолковую, всклокоченную Россию только в одном, черном цвете: «Растет новое — глупое, необразованное, воровское племя. Растет нация рабов. Удел ее, в конечном счете, — служить иностранцам. Китайцам, японцам, американцам, немцам... рикшами, клерками, лакеями... рабами, добывающими руду, пилящими лес, качающими нефть для цивилизованных соседей» (с. 88). Отсюда и вывод Говорухина: с Россией все покончено! Да, покончено. Но с какой Россией? С Россией большевиков и не-обольшевиков, где они бесчинствовали долгие годы, унижая и уничтожая ее. С уходом красных комиссаров Россия не гибнет, а, наоборот, выбивается на столбовую дорогу, по которой идут все цивилизованные страны и народы. Отсюда оптимизм тех россиян, которые в уходе со сцены «совков» всех мастей и калибров видят рождение новой, свободной России.

Оснований для оптимизма предостаточно

Россию заживо хоронить не впервой. Татаро-монголы, казалось, в свое время окончательно раздавили ее. Нет! Хоть почти через 250 лет, но вновь из пепла возродилась она. В «смутные времена» смертная опасность нависла над Россией уже с Запада. Лжедмитрий короновался в Московском Кремле, но дорого заплатил за это удовольствие. Побывал в Кремле и Наполеон, потеряв для себя не только Россию, но и Францию. Во время Первой мировой войны все великие державы норовили оторвать от России кусок пожирнее и побольше, считая, что с нею покончено. Тоже просчитались. Наконец, Гитлер, положивший,

казалось, Россию на обе лопатки, дойдя до окраин Москвы и выйдя к Волге, закончил жизнь гораздо хуже Наполеона.

Было бы очень глупо, уповая на такую живучесть России, беспечно заниматься своими делами, веря, что историческая кривая вывезет, что непотопляемость России — фактор фатальный. Давайте задумаемся хотя бы над тем, что спасло Россию во Второй мировой войне.

Как помним, легендарный Буденный, назначенный командующим одним из фронтов, вывел свою конармию с намерением искромсать саблями немецкие танки. Не вышло. Немецкая броня оказалась крепка, а танки их быстры. Другой герой Гражданской войны, Ворошилов, советский боевой нарком, командуя другим фронтом, щедро выдавал солдатам, через одного, винтовки архивного образца с рационированием патронов, как пайку по хлебным карточкам. Тимошенко, едва ли не самый образованный из командующих фронтами, пытался вести войну с фашистами по-научному, рекомендуя советским командирам использовать карты России, захваченные у противника, поскольку политическая карта Мира и глобусы, выпущавшиеся большим тиражом перед войной, оказались непригодными для ведения боев в местном, а не мировом масштабе. Ну, а Верховному Главнокомандующему, будущему Генералиссимусу, вообще можно было посочувствовать, поскольку он вынужден был доверить ведение войны именно таким командармам — за неимением лучших по причине их поголовного истребления по его же собственным приказам.

Почему же тогда Россия выстояла и победила? На место легендарных командиров, проявивших героизм, находчивость, волю к победе над частью своего же народа в гражданской войне, пришли новые люди — Жуков, Рокоссовский, Ватутин, Рыбалко... Но приход новых людей — это еще не магическое средство для изменения сложной ситуации. В таком важном ведомстве, как НКВД, тоже часто менялось руководство: вместо Менжинского назначили Ягоду,

вместо Ягоды — Ежова, вместо Ежова — Берия... Но что и в какую сторону менялось от этого?

Командовать Советской Армией пришли не просто новые люди, а люди с принципиально новой концепцией ведения войны¹, в основе которой был не беззащитный солдат с его допотопной трехлинейкой или саблей, а грозный воин, располагающий в изобилии танками, самолетами, ракетами (знаменитая «Катюша»), замечательными автоматами Шпакова. Но концепция, как бы она умна и красива ни была, всего лишь забава для специалистов, если нет всех материальных компонентов, необходимых для ее осуществления. Как известно, фашисты уже стояли под Москвой, когда, как по мановению волшебной палочки, только не так безболезненно, нужное оружие появилось, и в большом количестве.

Когда у армии появились новые командиры с новой стратегией и тактикой ведения войны, когда появилось новое вооружение, одновременно со всем этим сложился и новый солдат, осознавший не в ходе политбесед, а на своей судьбе, судьбе своей семьи и близких ему людей, что речь идет о том, быть или не быть, жить или умереть, только тогда солдаты, все население поднялись на защиту Родины. Не Сталин и его маршалы победили в Отечественной войне, а россияне, народ, выдвинувший своих новых командиров.

Зачем потребовалась эта примитивная схема событий недавнего военного прошлого? Дело в том, что Россия в определенном смысле находится сейчас в том же положении, что и осенью 1941 года, когда фашисты в одно мгновение оказались у стен Москвы. Очевидно, что нам тоже отступать дальше некуда. Но выйти из тупика, как и в прошлой драматической ситуации, можно, лишь приведя к руководству новых

¹ Новая концепция ведения войны появилась в России еще в 30-е годы, однако воспользовались ею тогдашние «друзья» Сталина — немцы, тогда как творцы ее — в большинстве своем бывшие царские офицеры, верно служившие новой России, оказались в лагерях. (*Прим. ред.*)

людей. И не просто новых людей, толпа которых суетится и сейчас у трона в надежде дорваться до власти и «порулить». Людей, владеющих новой концепцией развития экономики, а не практикой штопанья дыр, как это происходит сейчас. Такая концепция должна быть подкреплена новыми материально-техническими средствами. Но чтобы все это заработало, людям надо дать почувствовать, что развитие экономики России нужно не для того, чтобы обогнать Европу и Америку по производству чугуна и стали на душу населения страны, не для ускорения темпов развития страны, не для стабилизации рубля и изгнания доллара с территории России, не для силового наведения угодных властям порядков в капризных регионах России или за ее рубежами, а для роста благосостояния человека, для улучшения среды его обитания, что, естественно, невозможно и без ускорения темпов роста производства, и без стабилизации рубля и т.п. Однако все эти компоненты развития экономики не должны вырываться из своего ряда и превращаться в самодовлеющую цель, как это было до сих пор. Их надо подчинить главной цели — созданию условий для нормальной жизни человека. Как это сделать? Об этом чуть позже.

Почему в нынешнее трудное время можно говорить с оптимизмом о возможностях крутого поворота к такой необычной для России цели? У нашего замечательного историка Н.Эйдельмана (в книге о Лунине) есть такое замечание: только второе, не битое татарами поколение россиян могло выйти на поле Куликово и одержать победу. То есть лишь внуки тех, кто был свидетелем нашествия татаро-монголов и резни, его сопровождавшей, очухались от страха и ужаса поражения дедов и начали ощущать российское достоинство, толкнувшее их на открытый бой с татаро-монголами.

Нечто подобное произошло, происходит и с нашим народом. За прошедшие после коллективизации и войны десятилетия он несколько очухался от сталинского террора. Внукам «кулаков» и «подкулачников» и всех тех, кто томился в ГУЛАГах и трудовых ар-

миях, слава Богу, неизвестен страх от простого стука в дверь квартиры, от вопроса «А кто ваши родители?», от угрозы встать перед коллективом с «персональным делом», потерять партийный и получить «волчий» билет. Все это, опять же слава Богу, кажется теперь такой чепухой, что если найдется debil, который пугает всем этим нынешнего зрелого, а тем более молодого человека, то на него посмотрят как на ненормального.

Победа россиян в том, что унижительный страх перед вчерашним вершителем судеб человека, целых народов исчез. И теперь шахтеры, авиадиспетчеры и даже учителя, когда власти их сильно обидят, могут запросто объявить забастовку, не опасаясь, что их, как это было в Новочеркасске, расстреляют. Скорее наоборот, власти начинают побаиваться забастовщиков и всячески заигрывать с ними.

Порадуемся этому, потому что запуганный человек не только жалок, он готов на многие подлости, а не ограниченная ничем власть способна на любые преступления.

Не битое Сталиным поколение обладает еще одним важным преимуществом. Оно освобождается от навязанного властью унижительного аскетизма и хочет жить полнокровно, то есть по-людски. Миллионы россиян, хлынувшие при первой возможности за границу, наши «челноки», туристы, «гастарбайтеры», попав в Европу, поняли, как их дурили большевики, призывая к такой скромности в быту, которая возможна только при скотских условиях жизни. Причем того скота, который содержится в колхозах, совхозах. У российского человека, потребности которого были заморожены ниже прожиточного минимума безработного на Западе, проснулся аппетит. И это, как сказали бы медики, первый признак выздоровления. А вот мнение социологов: низкий уровень потребностей — это и низкая общественная активность, то есть согласие жить на ту низкую зарплату, которую определит работнику чиновник. Низкая зарплата, сверхскромные потребности — это главные условия

воспроизводства дешевого, неквалифицированного работника и тем самым примитивного общества.

Демагогия властей вокруг так называемого «длинного рубля» и стремления человека обеспечить сносные условия существования для семьи перестала действовать. Не бедность, а достаток стал престижным в нашем нынешнем обществе. Порадуемся тому, что у наших людей лопнуло наконец терпение и они не хотят мириться с властями, которые не способны создать условия, необходимые для эффективного и высокооплачиваемого труда.

Новое поколение отличается от забитого «совка» не только растущим сознанием своего гражданского достоинства, не только иным уровнем, качеством потребностей и пониманием, что цена труда не должна быть величиной, стремящейся к нулю, но и самим отношением к приоритетности разных видов труда. Еще вчера приоритетен был труд в разного рода КБ, КГБ и всех иных учреждениях, работающих на истребление и подавление человека, личности. Быть официантом, парикмахером, продавцом, равно как и врачом, учителем, адвокатом, бухгалтером, считалось непристижным. Да и государство через систему оплаты закрепляло такое отношение в обществе ко всем видам труда, которые были направлены не против человека, а в угоду ему.

Рыночная экономика, слава Богу, опрокидывает такой людоедский взгляд на роль труда в обществе. И теперь становится авторитетной и популярной «стюардесса по имени Жанна». Ей и ее коллегам посвящаются песни, стихи.

Порадуемся, что в нашем сознании происходит такой глубокий переворот, что мы начинаем уже уважать труд не тех людей, которые нас подавляют, а тех, кто нас обслуживает, не тех, кто живет за наш счет, причиняя лишь боль, принося несчастья, а тех, кто умело заботится о нас. И чье благосостояние зависит не от произвола оценок труда высокомерным чиновным государством, а от нас с вами, читатель, от нашего признания уровня квалификации того, кто нас обслужил.

Российский «совок», при всей его забитости, есть человек, компенсирующий свою неполноценность презрением к «совкам» других национальностей — всем этим «тюбетейкам», «людям кавказской национальности», чукчам, которые «не читатели, а писатели». Все это презрение к своим соседям по рухнувшему Союзу благообразно прикрывалось теорией «старшего брата». Но под этим прикрытием накапливалась такая взрывная энергия, которая сейчас только частично прорвалась. Мы являемся сейчас свидетелями возрождения наций, национальностей, их оригинальных культур. Правда, процесс этот происходит болезненно по вине обеих сторон, то есть и России, и тех, кто заявляет о своем «совершеннолетии».

Порадуемся тому, что новое поколение россиян обращает все большее внимание не на форму головного убора, не на цвет волос, не на соблюдение чиновной иерархии — «старший» или «младший» брат, — а на способность тех или иных людей поддерживать цивилизованные экономические и культурные отношения независимо от «пятого пункта».

Очень ярко проявилось новое отношение к разным нациям, народностям бывшего Советского Союза во время чеченской войны. Былого высокомерия у россиян заметно поубавилось. Особенно у молодых. Показательны, в частности, работы абитуриентов МГУ на тему «Чечня. Попытка понять». Об этом пишет «Общая газета» (1995, 8 — 14 июня). Только один из дюжины пришел к выводу: так им и надо, чеченцам. А в одном из сочинений недавнего школьника есть такие слова: «...Давайте воспитаем новое поколение, которому не захочется повторять ошибки предшественников». Еще более яркой демонстрацией нового отношения россиян к национальной проблеме явился моментальный сбор подписей у населения Н.Новгорода против войны в Чечне. За несколько дней более миллиона человек потребовало восстановить мир в этом регионе. Инициатива новгородцев была с пониманием и одобрением встречена и в других районах страны. Такой консолидации, такого мас-

сового выхода из «крайней хаты» еще вчера нельзя было ожидать.

Порадуемся, что россияне наконец собираются уважительно относиться к соседям, не навязывая своей воли, обычаев, взглядов. Жизнь показала, что это более короткий путь к цели, чем насилие. Западная Германия при поддержке союзников могла в свое время силой добиваться объединения Германии, как это делается сейчас в Чечне. Но она добилась этого мирным путем, не растрачивая напрасно сил и жизней граждан. Берлинская стена рухнула без единого выстрела, погребя под своими обломками советский режим насилия. Почему бы будущей России не воспользоваться этим опытом в отношениях с новыми субъектами Российской Федерации.

С.Говорухин считает, что сейчас растет новое, «глупое и необразованное племя». Однако если посмотреть, что читал и мог читать, смотреть в кино или театре тот же С.Говорухин и его (то есть и мое. — Г.Л.) «племя», будучи школьниками и студентами, а потом аспирантами и учеными, преподавателями, то оторопь берет и начинаешь удивляться, как запас той эрудиции не отбил способности с годами прийти в себя (не всем это удалось) и разобратся в элементарных вещах. Изучение западной литературы ограничивалось Шекспиром, Гёте, Флобером и еще несколькими классиками. Современные западные писатели были нам известны в той мере, в какой они прочитывались просоветски. Про западных экономистов, философов, историков мы знали только в размере курса «Критика буржуазных взглядов». О знакомстве с западной эмигрантской литературой не могло быть и речи. Сейчас все эти запреты практически сняты, если не считать того языкового барьера, который будет отделять какое-то время россиян от их западных коллег. Но этот недостаток особенно быстро преодолевает молодежь. Поэтому порадуемся, что новое поколение растет во много раз более образованным, чем прежние отличники, вызубрившие наизусть «Историю ВКП(б)» (и то до ее знаменитой 7-й, «философской» главы) и глотавшие газетную

отраву в лошадиных дозах. Информационное поле у новых россиян во много раз шире и богаче, чем прежде.

Наконец, о начавшемся процессе выздоровления и возрождения россиян свидетельствует растущий интерес к историческому прошлому России. Не к тому, которое фальсифицировано большевиками, чтобы лишить народ исторической памяти, традиций и национального достоинства, а к тому реальному прошлому, которое поучительно своим хорошим и плохим опытом. Об этом новом качестве россиян свидетельствует активное восстановление церквей, монастырей, являющихся теперь не столько культовыми, сколько историческими памятниками.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II приводит такие ободряющие данные («Литературная газета», 1995, 15 июня): за последние 5 лет было открыто 32 епархии, более 8 тысяч православных храмов. Сейчас их количество достигло 16 тысяч. Было открыто 289 монастырей, 2 академии, 4 семинарии, 23 духовных училища. В Москве сейчас 267 храмов, в которых совершаются богослужения. В монастырях, особенно в тех, что находятся в сельской местности, наблюдается возвращение к прежней традиции: здесь создаются аграрные хозяйства.

Порадуемся тому, что россияне воспряли духом настолько, что захотели узнать, кто же они есть, откуда взялись, кто их дальние и ближние родичи, как им стать самими собой, а не теми «совками», в которых их пыталась превратить советская власть.

Вот, на мой взгляд, коренные отличия в сознании поколения людей, которое о сталинском режиме и его ужасах знает в лучшем случае из книжек. Они-то и выходят сейчас на «поле Куликово». На них вся надежда, на них Россия и должна сделать ставку, если рассчитывает иметь достойное будущее. К сожалению, большинство наших политиков ничего не делает для того, чтобы консолидировать и повести за собой это новое, «непуганое» поколение россиян, вполне уже подготовленное для жизни и работы по-новому. Повести не под своими лозунгами, знамени-

ми, программами и прочими необольшевистскими «хоругвями». «Новых русских» уже не купить, как недавно, «на честном слове, на кусочке колбасы». Для них нужно реальное, перспективное, крупное дело. А его пока нет. И это очень опасно. Поэтому умерим свой оптимизм по поводу светлого будущего новой России. Если здоровых, энергичных людей, народившихся и сложившихся в послесталинский период не сумеют занять стоящим делом, они могут наломать таких дров от своей социальной бесперспективности, что прошлый тоталитарный порядок покажется просто раем. О нем уже и сейчас кое-кто вспоминает с тоской. Россиян чаще всего объединяла война. Хорошо бы, чтобы наконец их объединил мирный созидательный труд.

У оптимизма есть и «но»...

Рядом с новым поколением россиян живет, не может не жить, старое, несчастное, загубленное большевиками. Как сойдет оно с политической сцены?

У Зоценко есть маленький рассказ «Приключение обезьяны». Обезьяны, сбежавшей из зоопарка. Людям, лишенным политического чутья, он кажется невинным и малоинтересным. Руководство сталинской партии чутье имело. Поэтому такой партийный иерарх, как Жданов, разнес в пух и прах рассказ, а заодно и все творчество замечательного писателя. И за дело, если делом считать надежную охрану «зоопарка», бдительность его сторожей, упустивших обезьяну из клетки, что не нашло осуждения в рассказе. Речь, конечно, не просто о зоопарке как таковом. И Зоценко и Жданов под зоопарком имели в виду одно и то же, то есть советское государство. Но представим себе на минуту реальный, а не аллегорический зоопарк, где какой-то любитель зверей с ватагой своих последователей освобождает несчастных животных из клеток, выпускает на волю, в которой они рождены, для которой созданы. И что же? Каждый знает, что даже уссурийский тигр, вернув-

пись в свою родную тайгу, о которой он тосковал в клетке зоопарка, будет отторгнут ею. И он или умрет от голода, или его в клочья разорвут те же зайцы, которыми он в свою дозоопарковую бытность любил закусывать. Такая же судьба ожидала бы освобожденных из неволи львов, волков, рысей, не говоря уже о более мелких и менее кровожадных зверях.

Итак, наш гуманный любитель-освободитель зверей, руководствуясь самыми добрыми намерениями, на деле спровоцировал бы их истребление. Ну а как эта благотворительная акция отразилась бы на судьбах тех людей, которые добросовестно, по-ударному, по-стахановски трудились в зоопарке? Ясно, что они остались бы без работы. И если тот же главный зоотехник, прекрасный специалист своего дела, не сумеет в свои 40—50 лет переквалифицироваться в высококлассного, скажем, программиста, его ждет та же судьба, что и бывших его подопечных.

В нашем обществе, очевидно, сложилась аналогичная драматическая ситуация. Миллионы и миллионы людей, освободившись от гнета тоталитарного режима, оказались в положении тех самых зверей, которых выпустили из клеток зоопарка. Многие из нас беспомощно тычутся в разные стороны в поисках выхода из тупика, наталкиваясь на острые углы и попадая в тупики новые. Отметим только, что это не из-за нашей российской неприспособленности к жизни. Энгельс как-то напоминал, что, когда в Пруссии отменили крепостное право, крестьяне обратились к королю с просьбой восстановить его. Им, так же как сейчас нам, захотелось опять в клетку, где, конечно, неуютно, но привычно, не очень голодно и, главное, безопасно.

Если сейчас власти, если «новые русские» не возьмут на себя заботу о нуждах нынешних жертв «недоразвитого» и «развитого» социализма, и прежде всего о тех, кто работает в ВПК, служит в армии, полон еще здоровья и знаний, то они разнесут все к чертовой матери. Как в 1917 году.

Нельзя забывать и о «реликтовых» пенсионерах, тех, кто с энтузиазмом проводил коллективизацию,

рушил храмы, выгонял целые народы из родных мест жительства, кто гордо нес службу в ГУЛАГах, прикрываясь спасительной ссылкой: «Я ни при чем. Так начальство велело». При чем! За все эти «ни при чем» Бог (судьба) спросил сейчас с этих слишком уж энергичных в прошлом стариков и, к сожалению, с их детей. Пусть их урок пойдет впрок нынешнему поколению, чтобы оно не слишком доверяло «начальству», чтобы оно призывало в советники собственный мозг и совесть, как это сделали во время войны в Чечне такие высокие офицеры, как Громов, Воробьев и другие. «Реликтовых» стариков надо оберегать, сохранить как наглядное пособие. Будущее России зависит и от этих людей — в том смысле, что их пример может научить многому.

Таким образом, россияне, оптимистически оценивающие будущее России, чтобы не казаться, по крайней мере в глазах С.Говорухина, уж совсем полными «дураками и подлецами», делают, как видим, определенные оговорки по поводу возможностей положительного хода развития событий. И эти оговорки, эти сомнения возникают прежде всего потому, что нынешняя российская жизнь демонстрирует большой разрыв между готовностью «рядовых» россиян решительно идти путем реформ и неготовностью, неспособностью российских высших властей возглавить этот решительный поход народа вспять от пропасти, на краю которой оказалась страна. В общем, ситуация та же, что на первом этапе Отечественной войны, когда Верховный Главнокомандующий, его маршалы и генералы проигрывали войну, а рядовые солдаты и офицеры спасали Россию, выдвигая в руководство новых командиров, способных вести современную войну.

Главный недостаток нынешних властей, пытающихся реформировать Россию, состоит в том, что они в свое время не учились, да это от них и не требовалось, делать деньги. Они — узкие специалисты по расходованию не ими заработанного. Ведь любой промышленный гигант, обязательно работавший на войну, жил на всем готовеньком, черпая из бюджета

средства по коммунистическому принципу — по потребностям. И вот командирам такой затратной экономики поручают учить россиян делать деньги каждому на своем рабочем месте. Из этого ничего не получается и не получится. **Не может мясник стать Айболитом, не может Айболит стать мясником.**

Действительно, как можно ждать чего-либо хорошего от властей, которые не способны собрать даже небогатый финансовый урожай, выращенный в нашей стране вопреки экономическому климату, складывающемуся все последние годы. У населения худо-бедно есть определенные средства, привлечение которых было бы крайне полезно для экономики. Но власти не способны это сделать. А какой-то Мавроди и его духовные последователи во главе «Чары», «Тибета», «Властилины» и десятки других аферистов на глазах у всего мира беспрепятственно обворовывают население, огребают триллионы рублей и обращают их в личную собственность, нахально посмеиваясь над дегенератизмом властей.

А чего стоит причитание тех же властей по поводу бегства отечественных капиталов за рубеж. Придумать же способы, как заинтересовать их владельцев, и не только их, вкладывать деньги в развитие российского производства, они не способны.

О неспособности нынешних властей управлять государством свидетельствует и дискредитация, обесценивание рубля. В разрушенной мировыми и гражданской войнами России авторитет рубля был восстановлен за два года в ходе реформы 1922–1924 годов. Наши нынешние руководители с сановной многозначительностью топчутся вокруг проблемы стабилизации рубля целое десятилетие, не зная, как подступить к ее решению.

Ну как в этих условиях говорить об осуществлении конверсии, о земельной реформе, о реформировании армии, когда не решаются даже более частные, но очень важные проблемы? Вернее, говорить-то можно, но перехода от разговоров к делу пока не видно.

Порок наших нынешних властей в том, что они позаимствовали у своих предшественников **распределительную, а не созидательную идеологию**. Они не овладели мастерством стричь овцу так, чтобы шерсть отрастала быстрее и гуще. Второпях наша власть вместе с шерстью сдирает и шкуру. Поэтому россияне и вопят от боли, и страдают от наготы.

Неудивительно, что даже люди, оптимистически оценивающие возможности будущей России, с грустью, как это сделал Б.Туманов в упомянутой статье, вынуждены признать: «Если Россия и в XXI веке останется страной, чье общество упорно идеализирует прошлое и страшится будущего, то неизбежное истощение в ближайшие несколько десятилетий ее природных богатств либо вынудит ее смириться со своим полным историческим банкротством, либо толкнет на тотальную войну с остальным человечеством. Именно таким страшным тупиком рискует закончиться судьба великой страны и великого народа, если консолидирующаяся сегодня корпоративная ипостась российской власти вновь, как и в прошлые периоды общественных смут в России, поддастся соблазну патриархально-самодержавной инерции, вот уже которое столетие удерживающей русское общественное сознание на протоплазмическом уровне».

Но это совсем не значит, что надо, как нам советуют, задрать лапки кверху. Наоборот. Надо видеть, что мешает России иметь достойное будущее, чтобы убрать все помехи с ее исторического пути.

И уж если мы заговорили о помехах, то позволю себе одно воспоминание о факте, который потряс в свое время не только меня, тогда молодого специалиста, только-только вышедшего на работу в МИД, но и маститых чиновников этого высокого ведомства. Между Швецией и Данией тогда, как и сейчас, работал паром. Чтобы попасть на него, надо отстоять очередь, и часто весьма длинную. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции, с государственным флагом на капоте автомобиля, подъезжает к такой очереди и рефлексивно огибает ее, чтобы въехать на паром по рангу, а не как обычный смерт-

ный. Какой-то там паромщик вежливо придерживает машину советского посла и объясняет, что вон там, в хвосте очереди, стоит машина тоже с флажком, машина шведского короля. У советского посла после этого тонкого намека хватило такта и разума, чтобы развернуться и стать в хвост паромной очереди. Помню, меня и моих старших коллег удивило и потрясло такое чудачество во вполне цивилизованной стране.

И вот мне кажется, что до тех пор, пока российская власть любого уровня будет переть на россиян, нарушая все писанные и неписанные правила общежития, пока ее представители не встанут в общую «очередь» и эта «очередь» не будет в состоянии сама понять и дать понять другим неправомерность претензий нахала, будущее России будет так же туманно, как сейчас. Власть не выбирают. Ее заслуживают. А чего заслуживаем мы, россияне, покажут предстоящие выборы президента, которые только формально подтвердят, чего мы на самом деле стóим.

Но давайте прежде подумаем, а кто вообще способен управлять нами, россиянами. Чиновники, буржуазия или, может быть, та самая пресловутая «кухарка»?

4. Способна ли кухарка управлять государством

Кому, спрашивается, вообще могла прийти в голову эта дикая мысль? Хорошо, если кухарка справится со своим делом на кухне. А уж в государственных делах дай Бог, если сумеют разобраться умудренные опытом и образованием элитные мужи. «Богу Богово, Кесарю Кесарево», — категорично заявляли древние мудрецы. В русском переводе эта сентенция звучит, естественно, не так утонченно, грубее, но, может быть, именно поэтому и доходчивее: «Всяк сверчок знай свой шесток», или еще определеннее: «Не суй свиное рыло в калашный ряд».

Поскольку народная российская мудрость, выраженная в этих словах, доходила не до всех россиян и некоторые из них пытались пролезть в «калашный ряд», царские чиновники решили подкрепить административными мерами элитный характер российской власти. В 1887 году появился знаменитый циркуляр, подготовленный министром народного (!) просвещения И.Д. Дягилевым, получивший название циркуляра «О кухаркиных детях». В нем предписывалось учебному начальству допускать в гимназии только тех детей, которые находятся на попечении состоятельных лиц, чтобы, как пояснялось в циркуляре, «...освободиться от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п. людей, коих... не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» (С.В. Рождественский. Исторический очерк деятельности министерства народного просвещения, СПб., 1909, с. 641). Царь Александр III остался доволен затеей своих чиновников и одобрил

документ, призванный обеспечить сословную чистоту российской власти.

В то время как в европейских странах буржуазия уже давно отказалась от кастовости в системе управления государством и выхватывала из любого слоя общества людей, доказавших свои способности обогащать страну, чтобы, не обращая внимания ни на «кухаркино» происхождение, ни на 5-й пункт в анкете, ставить их на самые ответственные посты, не исключая и деловых женщин (И. Ганди, М. Тэтчер и т.д., а в норвежском парламенте сейчас 49% депутатов женщины («ОГ», 9–15 ноября 1995); царские и советские власти всячески защищали избранность своей касты чиновников, оценивая их пользу по родословной, а также по степени личной преданности начальству.

Кто же посмел усомниться в необходимости оберегать российскую власть от проникновения в ее структуры людей простых, не породистых? Всяк знает ответ на этот вопрос — Ленин. Это он, скажет любой россиянин, обещал, что при социализме кухарки будут управлять государством. Вот они и доуправлялись! Это расхожее представление о всевластии «кухарок» широко распространено сейчас во всех слоях нашего сбитого с толку общества. А давайте всерьез задумаемся над ее, «кухаркиной», способностью, ее возможностями справиться с таким трудным делом, как управление нашим государством.

Например, смогла бы «кухарка» додуматься вернуть в стране широкую так называемую антиалкогольную кампанию, которая на свежей памяти у всех нас? Да любая из них, оказавшись у власти, велела бы плетью наказать того ученого боярина, который осмелится «подбросить» ей такую идею. И не потому, что сама склонна к выпивке, а потому, что прекрасно понимает элементарную жизненную истину — бутылка в советской стране валюта потверже доллара, да и для госбюджета она была всегда сверхвыгодна.

Все это, повторяю, понимает кухарка, но не угодливые чиновники — радетели об интересах таких, как она. Это они очертя голову стремились под ан-

тиалкогольную кампанию истреблять виноградники, рушить винные и пивные заводы. Сколько же миллиардов «старых» рублей можно было бы сберечь на обустройство нашей нескладной жизни, если не высоких госдеятелей и обслуживающих их ученых послушались в свое время, а вот эту самую кухарку! У кого, спрашиваю я в этой связи, мозги работают лучше? Пусть читатель задумается и ответит на этот вопрос сам.

Незаурядность «кухаркиного» подхода к решению государственных дел можно было бы проиллюстрировать еще на одном таком же архибытовом примере. Как помнит читатель, еще совсем недавно владельцам садово-огородных «скворечников» было запрещено иметь печурку, столь необходимую при нашем климате, чтобы хозяин мог согреться и обсушиться в непогоду. Это было запрещено высокой государственной властью. Почему? На тот вопрос пусть ищет ответ каждый читатель тоже самостоятельно. Нашелся, однако, на Руси один незаурядно умный человек, который смело и мягко объяснил премьеру Косыгину, что лучше уступить хозяевам садово-огородных участков и разрешить им иметь печную трубу.

— Это почему же надо делать такую поблажку частнику? — строго, как рассказывают очевидцы, спросил не улыбчивый премьер, выдающийся советский экономист и хозяйственник.

— Да ведь тогда воровать они электричество для обогрева будут. Дороже государству обойдется, — робко объяснили советники. На этот раз доводы «кухарки» дошли до сознания вождей партии. Они милостиво разрешили трудящимся сложить печь в своем «куряльнике».

Если только вспоминать и дальше расхождения во взглядах партии и правительства (т.е. их руководителей) с народом по таким «мелочам», от которых зависит вся жизнь человека, лишь за послевоенное время (кукуруза, травополка, борьба с приусадебными хозяйствами, поворот северных рек и т.д.), то просто оторопь берет.

Новые власти, пришедшие после августовского (1991) путча, продолжают длинный ряд поступков, которые по простоте своей душевной не способна совершить ни одна нормальная «кухарка». Не будем уж говорить о таких, например, мелочах, как установление диких таможенных тарифов на импорт автомобилей. Кухарка, но не нынешние руководители страны, понимает, что тем самым любой автомобиль, что отечественный, что иностранный, становится в этих условиях недоступным обычному россиянину. А ведь автомобиль, как учил О. Бендер еще в те далекие времена, не роскошь. Кухарка понимает, что на нем можно вывезти картошку, мясо, молоко на рынок с выгодой для себя и тех, кто ждет эту продукцию в городе. Но это — логика кухарки, которая слишком примитивна для чиновника, мыслящего совсем иными категориями.

«Кухарка» и чиновник по-разному смотрят не только на импорт автомашин, но и на продукты. Ей, кухарке, хочется, чтобы все купить подешевле, чтобы семья жила нормально, а у чиновника патриотизм отбивает мозги и все его заботы лишь о том, чтобы отечественный монополист жировал, делясь с ним сверхприбылью.

Мозг «кухарки», кстати, работает эффективнее и при решении глобальных проблем. Могла ли «кухарка» додуматься начать войну в Чечне? Ни в жисть! Даже тогда, когда Богом данные нам политики развязали ее, кухарки (они же матери солдат, брошенных против соотечественников) делают все от них зависящее, чтобы хоть чуть-чуть исправить глупость тех, кто управляет ими.

Задумываясь над тем, как решаются многие проблемы нашей российской жизни, убеждаешься: прошлые и нынешние руководители страшно далеки от своего народа, они, как свидетельствуют факты, во много раз дурее его, что позволяет им не замечать этого своего недостатка.

Наоборот, втайне и даже открыто власть и те, кто роится около нее, уверены, что народ темен и глуп

и не способен осознать даже свою пользу без поводырей исключительно из числа «просвещенных».

Хотелось бы поспорить с теми, кто думает, что в нашей стране все эти долгие советские годы правили рабочие и крестьяне, т.е. «кухарки», их мужья и дети. И доуправлялись до нынешнего краха. Но все дело в том, что как раз они-то и не были допущены к власти. «Кухаркины» мужья и дети были расстреляны сначала в Кронштадте, на Тамбовщине во время подавления «антоновщины», во время сибирских мятежей против большевиков. Потом они же массово истреблялись в коллективизацию, в печально знаменитые 30-е годы, полегли в Отечественной войне... Это на их костях и крови поднялся «новый класс», трансформируясь теперь в крутых «новых русских». Поэтому, когда сейчас говорят о всех ужасах диктатуры пролетариата, надо отдавать себе отчет в том, что они, эти ужасы, должны быть отнесены не на счет пролетариата и его якобы диктатуры, а целиком и полностью на счет диктатуры над пролетариатом. Это «новый класс», класс советских чиновников, захвативший власть в России, опираясь на люмпен-пролетариев и подкармливаемую прослойку так называемой технической и творческой интеллигенции, подмял под себя настоящих рабочих и крестьян, подчинив развитие страны своим патологическим интересам.

Это они подхватили выпавшее было из рук царских чиновников знамя борьбы за чистоту чиновничьей власти и недопущение к ней «чумазных» представителей, работающих непосредственно в производстве. Для этого им и потребовались ссылки на Ленина, чтобы свалить свою неспособность руководить государством на беззащитных и невинных в российских бедах «кухарок». Как помнит каждый из нас, партия и советское правительство и раньше и сейчас не принимали и не принимают ни одного ошибочного решения. Все их решения мудрые и «исторические», а если они и не работают или наносят вред, то в этом виноваты не их авторы, а их исполнители, т.е. народ, недостойный своих мудрых вождей.

Конечно, можно сказать, что все наши рассуждения о прелестях «кухаркиной» власти весьма умозрительны и насквозь популистские. Чиновник должен, просто обязан, сказать так во имя самосохранения. Но давайте задумаемся над тем, где бы мы сейчас были, если бы «кухарки», их мужья и дети не упустили в свое время возможность использовать в своих интересах завоеванную ими в 1917 году власть. Гадать, конечно, трудно, но не бесполезно для будущего. Обратимся сначала к мировому опыту. Освоение Америки, ее стремительный рывок по пути экономического и политического прогресса был, как известно, обеспечен не высокородными аристократами, не рафинированными интеллигентами и, уж конечно, не академическими умниками, а людьми чуть ли не с самого «дна» европейского общества. По российским меркам это как раз те самые «кухарки», те самые «дворники», которых с высокомерием и презрением нынешняя российская, как и прежняя советская, элита исключает из хозяйственной и политической жизни. А ведь это они, «кухарки» и «дворники», сделали Америку Америкой.

В послужном историческом списке тех, кого российские узурпаторы двусмысленно величают сейчас «гегемоном», находится и Австралия. В 1788 году здесь возникла первая колония каторжников, где преступники отбывали свой срок наказания. Всего высадилось 1473 человек, из них 778 заключенных. В 1868 году, когда последний корабль с заключенными прибыл в Западную Австралию, с транспортировкой каторжников было покончено, но на занесенных из Европы дрожжах поднялась за короткое время такая мощная, красивая, здоровая цивилизация, которая начисто опровергает бюрократическую выдумку, будто только «благородные» и просвещенные книжники могут двигать общественный прогресс. Мировой опыт, который отнюдь не исчерпывается этими двумя классическими примерами, демонстрирует громадный творческий потенциал «кухарок» и их близких и дальних родственников, знакомых. Так что ни «пятый» пункт, ни все другие, типа: был ли в плену,

есть ли родственники за границей, был ли судим, состоял ли в каких-нибудь партиях и т.п. — не являются окончательными показателями творческой значимости личности. Только практика, только дело может обнаружить, чего стоит тот или иной человек.

В России «кухаркам» и их детям повезло гораздо меньше, чем их духовным родственникам в той же Америке и Австралии. Чиновники, помещики, вся словесная знать, крепко взявшись за руки, блокировали эту породу людей, перекрыв ей кислород, необходимый для развития. Но даже и у нас в стране «кухарки», их мужья и дети, становясь беглыми холопами или арестантами, в кандалах этапированными в «медвежий угол», смогли громко заявить о своих незаурядных способностях строить нормальную жизнь в самых трудных условиях. Достаточно познакомиться с деятельностью поморов, осваивавших Крайний Север; с жизнью казачества, охранявшего российское пограничье, сибирских первопроходцев, положивших начало втягиванию огромной территории в мировой хозяйственный оборот, чтобы и на российском материале убедиться в опасности, в громадной порочности убеждения, будто «простой» человек не может быть создателем, что он обречен быть лишь «винтиком», лишь послушным исполнителем высокой воли чиновника.

Мировой опыт показал, что общественный прогресс находится в тесной зависимости от круга людей, допущенных к решению государственных дел. Феодализм, например, включает в него только тысячи людей, капитализм — уже миллионы, поскольку у них открываются свои «дела», которым он капитальный хозяин. Но уже и этот хозяин-капиталист понимает, что без привлечения интереса к развитию своего производства занятого на нем работника дело дальше не пойдет. Поэтому «эксплуататор» ломает голову над тем, как вовлечь «эксплуатируемого» в управление своим «делом», т.е. сделать его в большей степени общим для обеих сторон. Эту тенденцию развития мирового производства раньше многих ухватил Ленин. Поэтому он и возразил самодержавию и его

чиновникам, перекрывшим процесс демократизации управления циркуляром «о кухаркиных детях», сказав, что «кухарки» тоже способны управлять государством.

Конечно же, Ленин был не такой идиот, каким его изображают современные идиоты. Он не предлагал брать любую кухарку и назначать, как Е. Фурцеву, министром культуры или, как В. Терешкову, ответственным за все культурные связи с зарубежными странами и т.д. Наоборот. Он писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (Л е н и н В. И., ПСС, т. 34, с. 315). Вот что имел в виду Ленин, когда говорил: «Каждая кухарка должна участвовать в управлении государством» («Правда», 1930, 24 сентября).

Может ли царский или советский чиновник согласиться с такой постановкой вопроса, с попыткой изменить состав участников управления государством? Конечно, нет! За монополию чиновничьей власти, как мы видим на примере событий последних лет, он готов бороться с оружием в руках. Причем, естественно, не в своих, а традиционно в чужих.

Царские, а еще больше советские чиновники не бескорыстно, умело внушали и внушают «кухаркам», что их место на кухне, в дворницкой, в шахте, на скотном дворе что только «господа» способны быть экономическими и политическими жрецами. И хотя весь мировой опыт и опыт России как раз говорят об обратном, о том, что именно «господа» своими самоуверенными и неквалифицированными действиями ввергали и ввергают страну во все новые беды и

катастрофы. Комплекс неполноценности у людей, занятых непосредственно в производстве, удалось развить до гигантских размеров. Усугубляя его циничными, с виду невинными провокациями, когда из привычной среды выдергивают «передовика», сажают в почетный президиум и даже в руководящее кресло, чтобы, дискредитировав неожиданностью такой перестановки, чиновник мог, потирая руки, сказать: вот видите, без меня у вас все рухнет.

«Кухарка» и люмпен — эти два понятия взаимоисключающие, ибо люмпены — понятие сквозное. Они богато представлены в равной степени и в среде интеллигенции, и в среде предпринимателей, и в среде рабочих, крестьян, служащих... Поэтому, задаваясь вопросом о том, кто не может управлять россиянами — господа жрецы или простолюдины, — надо бы осознать, что дело не в социальной характеристике, что не «белый» или «красный» цвет определяет талант лидера, а природные качества, которые так же редки, как редок талант музыканта, поэта, художника. Надо искать его, этот талант. Где? Везде. И не в последнюю очередь среди «кухарок», т.к. их преимущество в том, что они меньше, чем люди всех других сословий, заражены книжным догматизмом и разрушительным партийным фанатизмом, а руководствуются прежде всего здравым смыслом повседневной практики, которого лишены по специфике своего положения чиновники и сановные господа, мозг которых отек салом.

Именно «кухарка», сознавая ограниченность своих знаний, способна быстрее, чем самодовольные чиновники, распознать, кто из специалистов и ученых ей нужнее, чтобы сделать жизнь богаче, уютнее и краше. Недаром в странах, где управляют «кухаркины» дети, специалистам и ученым работается и живется лучше, чем их коллегам, вынужденным пресмыкаться перед всезнающим чиновником. «Кухарка» и специалист найдут друг друга, т.к. они союзники. Чиновник и специалист друг другу враги, т.к. специалист ограничивает власть чиновника и даже подрывает ее.

Итак, на вопрос, может ли «кухарка» управлять государством, нужно, как мне кажется, ответить прежде всего так: участие «кухарки» в управлении — это не молчаливое ее сидение во дворцах на церемонных схоластических чиновных заседаниях, а участие в прибылях, созданных на производстве членами ее семьи. Мировая практика показала: чем выше степень этого участия, чем больше преодолено отчуждение работника от продукта, созданного его трудом, тем лучше для него самого, для общества и государства. Повторяю, это подтверждает мировая практика. И наша тоже. Но с обратной стороны. Отчуждение нашего работника от его доли в прибылях дало те плачевные результаты, которые мы видим, не в силах понять, за что же нам так. Есть за что. За то, что не хотим прислушаться к «кухаркам», учесть их интересы, их опыт. Ведь «кухарка» и ее дети не хозяйева не только в своем государстве, но и на своем садово-огородном участке. То Сталин прихлопнет их своим «зверским» налогом на каждую грушу и яблоню, то Ельцин заманется сделать то же самое, введя налог на ту жалкую недвижимость, которая все-таки за мирные десятилетия накопилась у людей. А что уж говорить про фермера, который никак не может понять свой статус на пока ничейной земле: крепостной ли он у необольшевиков или марионетка для телепрограммы «Куклы».

Уверен, что мой призыв прислушаться к тем, кто работает в производстве, и резко увеличить долю работника в продукте, созданном его трудом, призыв, который настойчиво раздается со всех сторон, получает поддержку тех, кто понял, что без этого, без нового статуса работника, нет решения проблем, в которые мы уперлись. Но легко сказать, призвать иначе делить прибыль, чем до сих пор, но как это сделать, если этих прибылей у большинства производителей нет и они не предвидятся. И тут мы попадаем в заколдованный круг. Кто же не хочет учесть интересы россиян? Начальство, чиновники? Но они вроде бы себя не шадят, недосыпают, недоедают, а толку от их труда мало. Почему? Все уве-

рены потому, что денег нет в стране. Потому судорожно ищут по всему белу свету, где бы их достать, чтобы оздоровить экономику и получить из производства то, что можно получить только оттуда.

Решение проблем стабилизации экономики ищут исключительно в сфере самой экономики. Точнее, в переустройстве ее организационной и материально-технической базы. И это, бесспорно, правильно, если бы речь шла об оздоровлении физически ослабшего организма. Но Россия больна прежде всего духовно. Духовно болен работник — моторная сила всей экономики. Но его-то и не лечат. Поэтому все «микстуры», «порошки», «пилюли», прописываемые разными целителями-экономистами, способные в иных условиях дать ожидаемые хорошие результаты, оказываются бесполезными или даже усугубляют российскую болезнь, загоняя ее вглубь. Не вылечив ее, мы будем бесполезно тратить время и средства, продолжая катиться в бездонную пропасть. Один из симптомов этой болезни — симптом «кухарки», т.е. комплекс неполноценности, робость «простых» людей перед феноменом власти, внушившей им веру в незаменимость чиновника, не испачкавшего себя «строительной» грязью, на посту лидера любого ранга. Эта болезнь, как видим, полностью сохраняется и в наши дни. «Простой» человек, человек с черновой работы отстранен от решения своих проблем даже больше и дальше, чем это было при правоверных большевиках. И самое страшное, что он воспринимает это как должное.

Наблюдая за такой нашей российской отрешенностью от забот о собственном благополучии, западные наблюдатели с недоумением констатируют: «Ваш взгляд на самих себя убийствен. С ним вы не преодолеете трудностей. Это взгляд обреченных. Когда народу тяжело, он должен сохранять достоинство и уверенность. Надо культивировать это, а не мнение, будто вы ни на что не способны» (канадский россиевед Фред Эйдлин, «АиФ», 1995, 12 марта).

Конечно, не только «кухаркины» дети способны поправить дела в нашей стране. Дело, повторяю, не

в родословной. Кто «мэры», кто «пэры», кто «дворники», дело третьестепенное. Лишь бы «человек хороший» был. Трагедия России в том, что, как заметил Высоцкий, «настоящих буйных мало, вот и нету вожаков». Добавим, мало не только «буйных» (Солженицын, Сахаров, С. Ковалев, и очелся...), мало людей с талантом рыночного руководителя.

А что касается достоинства и уверенности в себе, то народ может обрести их только тогда, когда «кухаркины» дети, и не только они, перестанут быть изгоями в своей стране и слугами господ чиновников. К сожалению, на предстоящих выборах президента абсолютное большинство избирателей мечется в недоумении, голосовать ли им за Ельцина, Зюганова, Явлинского или Жириновского... Сами же претенденты на высший пост в стране не очень внятно говорят о первой необходимости свержения власти российских чиновников. Оно и понятно. Потрясенный сомнением в своем властном положении чиновник уже не раз убирал даже с самого царского и советского трона людей, которые хотя бы робко замахивались на его, чиновника, «руководящую и определяющую» роль в стране. И тем не менее, как мне кажется, почва под чиновником заколебалась, что и позволяет говорить о благополучном будущем России. О симптомах этого процесса пойдет речь в следующих рассуждениях.

Грандиозность «малых дел»

Россиянин готов поэтому терпеливо сносить любые, самые невероятные обиды, срываться порой в безудержном гневе на своего обидчика, но не для того, чтобы уничтожить сам институт обидчиков и взять свою судьбу в свои руки, а для того, чтобы поставить на место изгнанного — нового, еще более тупого и неумелого.

Как, чем лечить больную Россию? Конечно, не словами, а делом, работой. Думаю, читателям захочется завернуть в этот рецепт булыжник потяжелее

и со всей силой запустить в автора. Но не будем горячиться. Разве можно назвать делом то «дело», которое обеспечивает такой же развал экономики, как во время Отечественной войны? Или еще. По оценкам специалистов (см.: «Известия», 1995, 26 августа), Россия в 1914 году имела самый крупный в мире золотой запас. В 1921 году казна была абсолютно пуста. Как уже упоминалось выше, примерно то же случилось в 90-х годах, когда общие резервы золота и валюты упали с 11 млрд. долларов до нуля в течение 18 месяцев. И это тоже «дело»? Надо же уметь так работать и, главное, так руководить этими работами, чтобы труд миллионов и миллионов россиян не обогащал, а разорял этих самых несчастных тружеников, занятых самым тяжелым из всех известных миру видов и форм труда, напрасным трудом.

Труд по развалу экономики, дезинтеграционный труд, разъединяет и ссорит людей. Как же вернуть труду россиян созидательный, а не разрушительный характер, как сделать, чтобы труд мирил людей, а обмен продуктами труда радовал и обогащал партнеров?

Недостатка в программах трудовой консолидации не ощущается. В свое время под руководством академика Шаталина была разработана широко известная программа, предусматривавшая преобразование России за 500 дней. Академики, они склонны все в жизни усложнять. Поэтому практик, убежденный прагматик, известный народный депутат СССР М. Бочаров громогласно предложил россиянам более быстрый вариант перехода от тоталитарной к рыночной экономике — всего за 400 дней. Учитывая предыдущие графики скоростного движения российского общества от полуфеодализма к социализму и от социализма к построению фундамента уже непосредственно коммунизма, завершить которое намечалось к 80-му году, в сроках новых преобразований советской экономики нет ничего необычного. Они выдержаны в лучших традициях большевистских, маниловских мечтаний.

Теперь передо мной «Программа оппозиции по выводу России из кризиса», составленная в 1994 году. Ее преимущество хотя бы в том, что она исходит из того, что Россия не цирковой наездник, который на глазах у почтенной публики быстро и легко перепрыгивает из одного седла в другое. Иными словами, программа признает, что процесс перехода России из одного качественного состояния в другое — дело длительное и болезненное. Отказ в экономике от традиций буденновской атаки или маоистского «великого скачка» — дело благое, полезное. Но все-таки хоть медленно, но нужно двигаться от пропасти, на краю которой оказалась Россия. Мне кажется, что общий недостаток всех нынешних программ вывода России из кризиса состоит в том, что, во-первых, эти программы адресованы не «рядовым» россиянам, — они для них китайская грамота, — а их ученым составителям. Отсюда непригодность этих проектов для практики. И во-вторых, выход из кризиса намечается не поэшелонно, не регионально, а всем скопом, всей Россией, всеми отраслями одновременно. Это нереально, это неподъемно не только с экономической точки зрения, но и психологически. В разных регионах разная степень готовности людей для перехода на новые условия хозяйствования. И надо дать им время для понимания и освоения новых условий жизни.

Что же касается реальной программы выхода России из кризиса, то она могла бы быть сформулирована предельно просто и так, чтобы стать понятной самому непонятливому человеку. Уже давно известно, что не менее 30% выращенного урожая страна теряет на дороге от поля к прилавку, к элеватору. Кстати, в странах ЕЭС потери составляют 1,5% от всего потребленного зерна. Представляете, сколько мы напрасно пашем, сеем, сколько земли напрасно занимаем будто бы под производство продуктов. Промышленность не отстает от аграриев. Согласно расчетам академика Глушкова, ежегодные потери в народном хозяйстве Советского Союза даже в 70-е годы значительно превышали материальный урон за годы Оте-

чественной войны, («Правда», 1990, 30 февраля). Эту тенденцию развития экономики советская власть смогла сохранить и дальше. Жива она и поныне. По новейшим расчетам специалистов, ежегодные потери в народном хозяйстве России превышают сейчас размер ВВП («Свободная мысль», 1994, № 1). Иными словами, ведро молока мы выпиваем, но каждое второе — выливаем на землю; машину заправляем бензином и ровно столько же проливаем под ноги; одну тонну металла запускаем в дело, а вторую — выбрасываем на помойку... Все это происходит у нас на глазах, и никому не надо доказывать, что наши беды прежде всего в том, что мы не можем разумно, рационально использовать даже то, что уже произвели.

Удвоить ВВП, не увеличивая практически производство первичного продукта, — это спасение для России. Прежде чем лечить человека с порезанными венами, врачи накладывают жгут, шины, чтобы остановить кровотечение. Так давайте же окажем больной России эту первую элементарную помощь. А дальше видно будет, что делать со страной, как ее лечить.

Итак, вся-то программа выхода России из кризиса может, как бы это ни казалось странным, уместиться буквально в одной строке: поднимите и пустите в дело то, что валяется под ногами. Превратите городской мусор в электроэнергию; не вырубайте сверх меры леса, а переработайте макулатуру; соберите металлолом и пустите его в дело; топляк, опилки и тому подобное добро такое же богатство, как драгоценные металлы в отходах породы, как неоткачанная нефть в загубливаемых скважинах. Не чурайтесь «малых» дел, они грандиозней и эффективней тех, что изобретет больная фантазия.

Конечно, рассчитывать резко сократить потери в народном хозяйстве лишь за счет сбора пионерами колосков на полях и металлолома смешно. Надо отработать и внедрить в производство безотходную технологию. Но еще до этого можно многое спасти из того, что буквально валяется под ногами только из-за того, что произведенный продукт, особенно сельский,

трудно, дорого вывезти из мест его производства и доставить потребителю. Давайте в связи с этим задумаемся над следующим.

О бедах российских и Азовских походах Петра

Бед у России, как давно всем известно, мало — всего лишь две: дороги и дураки. Но они между собой так тесно связаны, что дуракам удается мешать строить дороги, а бездорожье мешает умным людям благотворно влиять на российскую жизнь. Как разорвать эту роковую зависимость? Оказывается, можно, если использовать мировой опыт. Или, по крайней мере, нашего ближайшего соседа — Швеции.

В самом центре Стокгольма, на самом почетном месте, установлен памятник Карлу XII. Да, тому самому, который проиграл Полтавский бой, погубил в России большую армию, разорил до основания экономику Швеции и едва спасся бегством от плена с кучкой обтрепанных солдат, запросив убежище в Турции. Тем не менее такой почет, такое признание его исторических заслуг перед страной, народом!

Ну ладно, королей, царей, генсекретарей, как мы знаем из своего большого большого опыта, оценивают по особой шкале, где полководческий талант может быть одинаково высоко оценен что за Полтаву, что за Малую землю, что за Сталинград, что за Чечню... Но ведь шведы еще при царях испросили разрешения поставить на месте Полтавской битвы памятник своим солдатам, офицерам и политработникам (священникам), начисто проигравшим кампанию в России. Причем не поленились, не поскупились из Швеции же привезти огромный валун, который под лучами солнца как-то по-особому играет, создавая световой эффект радуги, соединяющей поле шведского сражения-поражения с далекой северной Родиной. Мол, спите спокойно, скорбим, никто из вас не забыт. Нормального советского человека просто оторопь берет от такого странного, инопланетного поведения.

Представим себе на минуту, что Карл XII выиграл, а наш Петр I, соответственно, проиграл Полтавскую битву. Что бы тогда было? После праздника Победы, после застолий и фейерверков наступили бы серые будни. Шведам пришлось бы держать военные гарнизоны в завоеванных регионах (платя зарплату за непроизводительный труд). Гарнизонам нужны казармы, инфраструктура, что стоит еще дороже. Военная техника устаревает быстро, и за создание новой, за перевооружение опять надо платить. Ну, а о том, что нужна еще масса прожорливых чиновников для управления завоеванными территориями, и говорить не приходится. После всех подобных расходов на оплату полтавской победы у Карла XII и его преемников не осталось бы ни гроша для того, чтобы развивать собственно Швецию и ее народ. Такая логика непонятна нам. Но шведы давно осознали довольно сложную истину, которая состоит в том, что в определенных условиях победитель может оказаться со временем побежденным, а побежденный — победителем.

Об этом в свое время так писал Ф. Ницше: «Чем больше победа, тем больше и опасность. Человеческая натура переносит ее труднее, нежели поражение, кажется, даже легче одержать победу, чем вынести ее так, чтобы от этого не произошло еще более сильного поражения». Понимание этой опасности помогло шведам превратить поражение под Полтавой в начало возрождения Швеции. Отказавшись напрочь на все времена от искушений военными авантюрами, шведы зажили так, как нам и не снилось. Карл XII помог шведам понять зависимость между состоянием дорог (благополучием) и дураками. За это ему и поставили памятник.

Ни в коем случае не хочу поставить под сомнение значение наших побед под Полтавой, Сталинградом... За свою землю надо стоять до конца. Но именно за свою. А отстояв, не надо лезть на рожон, на чужую территорию, чтобы не увязнуть в непроходимом болоте оккупационного режима.

Итак, о взаимозависимости между дураками и состоянием дорог. Если тратить бешеные деньги на содержание российских войск в Европе, на содержание «ограниченного контингента войск» то там, то сям, на ведение кавказских войн, то ни о каких дорогах в России не может быть и речи. Каждый россиянин должен зарубить это себе на носу и не материться в пути, увязая в грязи, а глупо радоваться при этом победам российского оружия, которые хуже поражений. Или дороги, по которым бегут живительные соки, или военные победы, стоящие во много раз дороже и разрушающие жизненные артерии страны. Россия до сих пор выбирала второе.

Теперь отдельно о самих российских дорогах. При советской власти их безобразие, воспетое российскими писателями и по достоинству оцененное иностранными завоевателями, возросло в несколько десятков раз. Это может показаться абсурдом пассажирам правительственного кортежа, следующего из Шереметьева в Кремль, или водителю «Мерседеса» на трассе Москва — Минск — Брест. Но не тем миллионам россиян, живущим в провинции, особенно в райцентрах и деревнях, которые оказались в наше время в положении Робинзона. Дело в том, что до советской власти большинство наших населенных пунктов было тесно связано между собой широкой капиллярной системой грунтовых дорог, по которым бежали во все времена года выносливые российские лошадки, везущие или «хворосту воз», или товар на ярмарку.

Лошадей, как известно, истребили, а тех, которые сейчас появляются на селе, можно использовать только как декорацию, поскольку нет тех людей (их истребили вместе с лошадьми), которые умели бы сделать (нет, не выездную) элементарные хомут, сбрую, телегу, сани. Да и сами грунтовые дороги уничтожены: достаточно трактору, тем более «Кировцу» или «КамАЗу», «БелАЗу» пробежать, пересечь их раз два — и дорога становится непроходимой не только для мудрой лошадки, но и для трезвого россиянина.

Впрочем, при советской власти россиянам даже те примитивные дороги, которые были в России, оказа-

лись не очень-то и нужны. Ну, подумайте сами, на кой ляд они сдались, если крестьянин стал жить на неоплачиваемый трудодень и везти ему на базар стало нечего и некуда: ярмарки и обычные рынки большевики закрыли или задушили своими указами и инструкциями, как опасные ростки капитализма, а полицейско-паспортная система сделала вообще почти невозможным обычное передвижение граждан по России, поскольку большинство их, «беспаспортных», и гражданами-то назвать было нельзя.

Что же касается танков, самолетов, ракет, подводных лодок и космических кораблей, на производстве которых советская власть сосредоточила все свое внимание, то для них дороги, как известно, не нужны. А если для них не нужны, то, по логике советской власти, они не нужны и населению, проживающему рядом с их производством.

Сейчас, как известно, все это, слава Богу, постепенно меняется. Россия решила наконец жить по-людски, то есть освоить рыночные, а не казарменные формы общения между людьми. А для этого необходимы не монетарные теории, не советы зарубежных умников, не поток президентских указов, отмеряющих каждый шаг россиянина по неизведанной рыночной тропе, а... элементарные дороги, по которым могли бы беспрепятственно двигаться хотя бы те товары, которые уже есть в России. Хорошая хозяйка, прежде чем купить корову, покупает подошник; нормальный строитель, начиная стройку, сначала прокладывает к ней дорогу, а не наоборот, как заведено у нас. Петр I, зарясь на европейские рынки, спешит «рубить окно в Европу», а не забивать его наглухо, как это делают советские рыночники. Все это делается на уровне элементарного, бытового разума, которого нам как раз и не хватает.

Когда наш россиянин, побывав в Европах, говорит сегодня о дорогах, перед его взором возникают автобаны Америки, Германии, Японии.

Но пытаться «догнать и перегнать» Германию, Японию по совершенству и протяженности (в соответствующем расчете) автобанов могут только люди,

которые способны, например, внедрять кукурузу на нашем Севере. Российский автобан — реки. Нельзя придумать более совершенные артерии для связи необозримых российских просторов, чем те, что созданы самой природой. У нас не те реки, не те просторы, что в Швеции, Англии, Японии.

Речную специфику российских дорог прекрасно понимали россияне с незаконченным нашим высоким образованием. Поэтому без спидометра, без гаишников, на высоких скоростях мчали столетиями кто в Стамбул, «из варяг в греки», кто в Иран, а кто просто так, к соседу «на блины и тройную уху» в Казань, Астрахань, Касимов. Если встречались на речном пути препятствия, то их преодолевали волоком (Волоколамск) или копали каналы (Мариинская система).

Этим я хочу только сказать, что речной «автобан» — специфика России. Без учета ее нельзя решить нынешних проблем жизни страны. Тем более что наши железные дороги вот-вот могут утонуть в потоке грузов, а строительство новых автотрасс — дело дорогое и долгое. Но это не значит, что дорожное строительство в этих областях должно остановиться. Речь идет об оптимальных пропорциях между всеми видами коммуникаций. А речной компонент в этой структуре крайне неразвит.

Российский «автобан» в наше время позабыт, заброшен. Общий тоннаж речного флота России составляет 14,8 млн. тонн, в том числе судов «река — море» — 1,5 млн. тонн (около 10%). Средний возраст флота 16,2 года, судов смешанного плавания — 19,5 года, что делает их непригодными для использования на международных линиях. Показательно, что, например, в Европе реки работают в 1,5 — 2 раза больше, чем наши в самые лучшие годы. Хотя наши реки и обладают несопоставимо лучшими возможностями.

Этим летом стоял я на берегу Волги, подсчитывая, как часто появляются на ней хоть какие-то суденышки. Напрасно: стоять надо часами. Речники объяснили, что только за два последних года движение на

Волге сократилось более чем в 3 раза. Великая Волга, трудовая Волга умирает. Вместе с Россией, для которой она — становой хребет.

Этот развал речного хозяйства, на мой взгляд, происходит по трем причинам. Во-первых, реки, как все остальные в России, работали прежде всего на ВПК, таская громадные баржи с их громоздкими грузами. Теперь ВПК хорошо если зарплату даст своим работникам. Ему сейчас не до новостроек. Из дела выбыл важный партнер речников. Во-вторых, при ведомственном подходе шанс на выживание имеет не тот, кто экономически эффективнее работает, а тот, кто бюрократически мощнее. Наша власть скорее даст деньги на прокладку дорог в непроходимой тайге к неизвестной цели, чем на возрождение водных артерий, питающих жизнь исторических российских регионов. Важно не на что, а кто выбивает деньги. И в-третьих, народ обнищал. Не только нет денег у людей, чтобы провести, как раньше, отпуск на теплоходе, но и в воскресный день за город человек не может поехать на речном трамвае.

Как же возродить самый протяженный и самый дешевый автобан России — речной? Мне кажется, что для этого надо прежде всего изменить стратегию хозяйствования речников.

Прежний речной транспорт был ориентирован на обслуживание госпредприятий-гигантов, которые, как мамонты, сейчас вымирают. На их место идут коммерческие предприятия мелких и средних размеров. Для речников это шанс на выживание, если только они услышат своих новых береговых партнеров, требующих дешевого мелкосерийного обслуживания, и создадут новое поколение речного транспорта. Кроме того, как все остальные производители разных видов транспорта, речники должны предложить суда с лучшими показателями по экономичности и скорости движения.

Додуматься до таких истин способен каждый дурак, но не каждый умник способен такой разворот дела осуществить. Нашлась, однако, не государственная, а коммерческая компания, которая активно взя-

лась за модернизацию речного хозяйства. В программе, предложенной компанией «Лико-Проммаркет», которую возглавляет В. Литвиненко, четко сформулирована задача — «строительство судов смешанного («река — море») плавания грузоподъемностью от 1000 до 5000 тонн, ориентированных на потребности среднего и малого бизнеса... Эксплуатация таких судов может стать наиболее подходящей «нишей» для частной судоходной компании». Расчеты показывают, что инвестиции в этот тип судов окупятся за 7,5 — 9 лет.

Компания не только пишет программы, но и делом занимается. «Лико-Проммаркет» в Нижнем Новгороде открыл свое КБ, где работает инженерная элита под руководством именитого конструктора речных судов Ю. Чабана... Они создали те самые плавсредства, быстроходные (вдвое быстрее обычных) и экономичные (расходы топлива на 20% ниже обычного). Все дело теперь в том, чтобы поставить суда, аналогов которым пока нет в мире, на серийное производство. Но если мы можем держать мировое первенство в определенных областях изобретений, то не уступаем никому в мире и первенства по захоронению этих изобретений в архивах. Очень хотелось, чтобы изобретение речников пошло не традиционным путем.

И вот возникает вопрос — а куда плыть-то тем судам, которые здесь построят? Ясно, и даже «челноки» это доказали, что замкнутый, пусть даже огромный, рынок не выход из положения: нужна проточная, а не прудовая вода, иначе лягушки и водоросли одолеют. В сложившейся ситуации, после развала Советского Союза, плыть-то оказывается некуда. Традиционные выходы к морям потеряны, а те, что остались, или перегружены (Новороссийск, Туапсе), или находятся в холодных северных краях.

«Лико-Проммаркет» с руководителями Краснодарского края вспомнили, что когда-то Петр I во время двух своих Азовских походов уже пробил южное «окно в Европу». Он строил в Воронеже свои корабли и по речным «автобанам» стремительно гнал их под Азов. Естественно, не для того, чтобы просто пово-

евать там, продемонстрировать свои полководческие способности и оттяпать у соседа кусок земли неизвестно зачем. В отличие от нынешних военных командиров, войны он вел исключительно из корыстных, материальных, хозяйственных, экономических соображений. Через Азов открывается выход в Черное море и дальше в большой свет.

Правда, ни Петру, ни его преемникам не удалось осуществить азовскую концепцию вхождения, как бы мы сейчас сказали, в мировое сообщество. Этому мешали многие объективные причины. Тем более что со временем на Черном море Россия заняла более выгодные позиции. Но петровское наследие в наше время приобретает совершенно уникальное значение. Особенно в связи с тем, что построен канал Волга — Дон, о котором, естественно, мечтал Петр, поглядывая на Азов и убеждаясь, что до Волги — рукой подать. Теперь речные магистрали уже связывают напрямую Урал — Азовское море.

Более того, совсем недавно, в 1992 году, введен в строй канал Майн — Рейн — Дунай. В результате образовалось «Большое кольцо» (около 3800 миль), связывающее 18 государств Западной Европы, Балкан и Восточной Европы (от Роттердама по системе Рейн — Майн — Дунай до Усть-Дунайска, по Черному и Азовскому морям до Ростова, по Волго-Донскому каналу, бассейну Большой Волги и Волго-Балтийскому каналу до С.-Петербурга и далее по Балтийскому и Северному морям до Роттердама). Большой грех не воспользоваться сейчас петровским наследием на Азовском море.

Исходя не только из религиозных соображений о грехе, но учитывая свои интересы, которые, как видим, совпадают с интересами России, «Лико-Промаркет» выдвигает смелое, но отнюдь не авантюристское предложение приступить немедленно к освоению петровского наследия. А начать этот проект предлагается со строительства торгового порта грузооборотом около 7 млн. тонн в год в городе Темрюк Краснодарского края.

Сделаны первые серьезные практические шаги. Завершено проектирование. Общая стоимость портовых сооружений и коммуникаций составит около 550 млн. долларов.

Для строительства порта создано акционерное общество «Компания порт Темрюк» с участием заинтересованных местных органов управления и предприятий. Это уже новый почерк хозяйствования, поскольку вся наша предыдущая практика исходила из беспрекословного подчинения местного интереса Центру. Монументальным памятником таким разрушительным отношениям стал, в частности, Арал. «Лико-Проммаркет» входит на краснодарские земли не как захватчик и враг, а как союзник и желанный партнер. Поэтому без проволочек и скандалов под новый объект выделено местными властями 215 гектаров драгоценной земли. Строители уже приступили к делу. На трудоемкие земляные работы потрачены первые 5 млн. долларов. Компания рвется вперед, принимает все меры для ускорения строительства, и не для того, чтобы рапортовать о досрочном верно-подданническом выполнении долга перед партией и правительством, а по самым меркантильным соображениям: от скорости оборота денег зависит успех компании. Денег своих, а не государственных, которые никто не считает, за эффективность которых никто не отвечает. И в этом тоже проявляется новая логика хозяйствования, формирующаяся в стране.

Итак, посмотрите, какая идеальная картинка складывается — не за государственные деньги, которых у государства нет, а за свои кровные акционерная фирма берется модернизировать речной транспорт, чтобы освоить «Большое кольцо», то есть дать возможность российской провинции выскочить со своими товарами в Европу. Тот, кто отстоял жуткие очереди в наших пропускных пунктах в Бресте и других подобных местах, не может не радоваться такой перспективе. Местные власти не дурные, чтобы не понимать всю выгоду для себя и для страны от освоения ныне мертвых транспортных магистралей. Короче, полная гармония, которая так противоестественна для

нашей российской жизни. На таком розовом материале только вторую серию «Кубанских казаков» снимать. Если бы...

Вот это проклятое вечное русское «если бы». Пока речь шла о строительстве современного порта в Темрюке, все шло сравнительно гладко. Но вот наступил момент окончательно определиться: а что это будет за порт — морской или речной? По всей предыдущей логике, как понимает читатель, все акционеры полны решимости строить морской, и только морской, порт. Иначе нечего и огород городить. Так думают те, кто здесь работает, кто собирается вкладывать свои деньги в расчете на ожидаемую от этого прибыль.

Иначе рассуждают те, кто ни работать здесь не будет, ни денег своих в объект не вкладывает, — Министерство транспорта. Там говорят так: что вы, акционеры, там строите — дело ваше, но, когда все отстроите, командовать вами по-прежнему будем мы, министерство. А конкретно — речники, исходя из своей, речной, логики. Администрация порта Темрюк должна войти в Департамент речного транспорта, который тут же изобрел еще одну чиновную структуру — Главное бассейновое управление водных путей и судоходства. И это для края, где судоходных рек-то всего 150 км. Это так же разумно, как, скажем, подчинить действия авиации командованию бронетанковых войск.

Право называться морским портом — дело не формальное. Чтобы соответствовать этому рангу, надо войти, так сказать, в клуб остальных морских портов, приняв на себя положенные обязанности и получив соответствующие права. Навязывая речной статус строящемуся порту, министерство заранее обрекает его на неравноправное положение в системе хозяйственных отношений. Все попытки доказать эту очевидность в Минтрансе безуспешны. Там бал по-прежнему правит ведомственный интерес. Тогда глава администрации Краснодарского края Е.М. Харитонов обращается к первому заместителю Председателя СМ О.Н. Сосковцу, убеждая его в том, что «передача строящегося порта Темрюк Департаменту речного

транспорта дело не формальное. Такая подчиненность будущей администрации порта не может удовлетворить учредителей компании, а соответственно, и администрацию Краснодарского края, так как в этом случае ставится под сомнение выполнение основной цели порта — эксплуатации его как международного. Возникнут затруднения и неудобства при работе порта по обеспечению получения и обработки внешне-торговых и каботажных грузов, исключается возможность приписки в порту судов предприятий компании, захода иностранных судов и другие ограничения на работу с зарубежными портами, иностранными и российскими судовладельцами. При наличии таких ограничений для подавляющего большинства предприятий — членов компании исключается основной смысл капиталовложений в строительство портовых и иных сооружений, а тем более — привлечения инвестиций».

Поскольку дел у О.Н. Сосковца по горло и больше, то ответа на свое обращение Е.М. Харитонов не получил. Поэтому его мрачный прогноз на будущее порта Темрюк может сбыться. Как, впрочем, и заявление президента АО «Лико-Проммаркет» В. Литвиненко: «Нынешняя позиция Минтранса в нашем Азовском проекте делает бессмысленными произведенные и планируемые расходы по строительству порта. Если его статус не будет приведен в соответствие с задачами выхода наших товаропроизводителей на мировой рынок, мы оттуда уйдем».

Петру I хорошо было. Он видел противника и знал, как с ним бороться. Нашим деловым людям приходится гораздо хуже. Чиновника ни пушкой, ни саблей, ни штыком не возьмешь. А он тебя перышком, перышком...

И теперь, может быть, о самом главном. Выступая как-то по телевидению, спикер прошлой Думы Иван Рыбкин отрешенно, без излишнего драматизма сообщил стране, что ежемесячно из России уплывает за «бугор» свыше 2 млрд. долларов, чтобы работать на пользу тем благодетелям, возле которых, отпихивая друг друга, толкутся нынешние лидеры республик

бывшего Советского Союза. Описанная мной ситуация на частном примере «Лико-Проммаркета» может объяснить читателю, как происходит выпахивание отечественного капитала за рубеж. Как видим, крупный вклад в эту работу вносят министерства. В данном случае Минтранс. Советский чиновник не учитывает, что ему придется теперь работать не с послушным госинждивенцем, а с хозяином собственных средств, который в любую минуту может хлопнуть дверью перед носом министра. Правда, пока чиновнику от этого ни жарко ни холодно, но... «за державу обидно».

И еще об одном. Краснодарский край очень солидный, уважаемый партнер Центра. Но посмотрите, как небрежно и провокационно ведет себя Центр в отношении к законопослушному региону, который пытается поднять дело, очень важное для всей страны. Уроки Чечни, как ни странно, не пошли впрок нашим властям.

Мы размышляем о судьбах российских дорог, которые не просто дают возможность движения на том или ином виде транспорта, но являются системой состыковки жизненных интересов самых разных регионов и разных ведомств. Но этой состыковки, как мы убедились, как раз и не хватает. Хозяева топливных ресурсов стремятся подороже продать их транспортникам, транспортники повышают тарифы своих услуг, торговля же повышает цены на товары широкого потребления, на продовольствие в магазинах. И пошло-поехало.

В свое время Россия погибла оттого, что княжеские распри помешали объединить усилия россиян, чтобы противостоять татарам. Сейчас может произойти то же самое, если министерства и регионы будут вести себя так же раскольнически, как и удельные князья, не умея разумно, взаимовыгодно увязать частный интерес с общим, российским. А было бы, на мой взгляд, крайне интересно и полезно попытаться на той же Волге от истоков до устья согласовать экономические интересы всех тех, кто кормится от

нее, чтобы голос волжан зазвучал не комариным писком, как сейчас, а призывным, трубным голосом, зовущим к неформальному единению россиян. Волжский речной бассейн с упомянутым «Большим кольцом» мог бы стать главной несущей конструкцией общего рынка для стран бывшего СЭВ. Ведь здесь живут и работают экономики примерно равных «весовых категорий». Им легче понять друг друга и приспособиться к нуждам каждого.

К сожалению, мы научились послушно погибать, а бороться за право жить и работать пока не умеем. Надо учиться. Но лишь бы эта учеба не затянулась до срока, после которого обретенные знания будут никому не нужны.

Аграрная прорва

Сельское хозяйство, особенно для такой страны, как Россия, является ключевой отраслью. От его состояния, по расчетам экономистов, зависит минимум на 70% успех развития всего народного хозяйства. А если учесть, что потребительский рынок в России формируется тоже на 70% за счет сельскохозяйственной продукции, то станет понятным, как село влияет на стабильность рубля. Поэтому когда сейчас мы говорим об экономическом кризисе в России, то должны иметь в виду, что первопричина кроется в развале даже того сельского производства, о неудовлетворительном состоянии которого говорят все годы советской власти не только специалисты, но каждый, кто способен видеть ситуацию в стране дальше прилавка столичного магазина, красиво и богато оформленного теперь заграничными деликатесами. Бедственное положение сельского производства характеризуется сейчас снижением и без того низкой урожайности полей, продуктивности скота, выводом из производственного оборота огромных площадей сельхозугодий, моральным и физическим износом производственных фондов. Это значит, что если сегодняшней день на селе безрадостен, то завтрашний обещает

быть и того хуже, если срочно не изменить нынешнюю аграрную политику. Лишь стабилизация, а затем подъем сельского производства способны обеспечить начало выхода России из кризиса. В этом убеждает и мировой, и наш собственный опыт. Как известно, нэп начали с восстановления крестьянского хозяйства, что привело к оживлению банковской системы и здоровому укреплению курса рубля, вытеснившего из экономики пресловутый совзнак. Отсюда началось и возрождение российской промышленности.

С налаживания дел в сельском хозяйстве начинали свое героическое восхождение на пьедестал мирового успеха в развитии экономики Южная Корея и Япония. Сейчас много пишут о достижениях Мексики и Венесуэлы, Бразилии и Аргентины. Но и эти страны могли рвануться вперед только благодаря одному из важных условий — решению в той или иной форме аграрной проблемы.

Как же решить ее в условиях России? На мой взгляд, есть два способа: один предельно прост, легок и может быть быстро реализован; другой — предельно сложен, тяжок и требует определенного времени, чтобы им воспользоваться. Конечно, хочется сразу схватиться за этот первый, самый легкий и кратчайший путь выхода сначала из аграрного, а потом и из общего кризиса в России. Давайте подсчитаем, сколько металла, сколько нефтепродуктов, сколько минеральных удобрений и всяких там гербицидов, пестицидов вкладывает нынешний госработник в каждый гектар сельхозугодий. Не удивляйтесь, если в относительных ценах получится величина, близкая к той, которая вложена в гектар на Курской дуге, чтобы одержать там победу над фашистами. Но в нашем мирном случае к мертвому, овеществленному труду надо добавить еще и стоимость живого, то есть те зарплаты, которые выплачены машиностроителям, химикам, железнодорожникам, шоферам и всем-всем, кто работал на того госработника, обрабатывавшего непосредственно землю, сеявшего и собиравшего урожай. Если сложить эти две величины — живой и овеществленный труд, — то получится астрономиче-

ская цифра, которая, будучи соотнесена с результатами хозяйствования на советской земле — с этими обычными для нас 7 — 10 центнерами зерновых с гектара, 100 центнерами картофеля, 2000 литрами молока в год на корову и т.д., — может впечатлительного хозяина толкнуть на необдуманный, роковой поступок — напиться и повеситься, а человека с крепкими нервами — подвести к единственно разумному в этом случае решению — перестать пахать и сеять, продать все эти железки, нефтепродукты и удобрения за рубеж, а на вырученные деньги купить в два-три раза больше сельхозпродуктов, чем мы получаем сейчас в России, выбрасывая на ветер колоссальные средства.

В этом случае можно, оказывается, не только больше получить продуктов на не вложенные в землю средства, но и сберечь окружающую среду, которая отблагодарит человека за то, что он уменьшил свою вредительскую деятельность. Газета «Труд» (1995, 20 июля.) сообщает: «Волжане этим летом вдруг ощутили... результаты реформ. Рыба так и прет к рыбаку на удочку и в сети. Нет, виноват не внеплановый нерестовый бум в Волге-матушке. Просто экологическая обстановка в поволжских областях улучшилась. На поля нынче не вносятся удобрения, в дефиците горючее — меньше его попадает в реки. В Ровенском районе под Саратовом, где ширина Волги полтора десятка километров, берут нынче мужики лицензии на рыбодобычу и снаряжают лодки. Река кормит окрестный люд свежайшей стерлядкой, лещиками, щучками». Так что практика вроде бы подтверждает ценность моей идеи о целесообразности свертывания советского способа ведения сельского хозяйства.

С этим дурацким предложением я выступаю последние лет пятнадцать, предполагая, что мой черный юмор поможет властям осознать всю абсурдность нынешней ситуации в сельском хозяйстве. Но, естественно, до наших властей не доходят ни дурацкие, ни умные предложения, идущие «снизу». Они додумываются до всего самостоятельно, причем, что не мо-

жет не настораживать, их придумки чаще всего удивительно совпадают с идиотскими предложениями типа моего, изложенного выше. Об этом можно догадываться, наблюдая, как в самую горячую пору сельскохозяйственных работ останавливается на полях техника из-за нехватки горючего, спешно отправляемого за рубеж, или, например, читая в прессе о недовольстве британских химиков, встревоженных демпинговыми ценами на российские минеральные удобрения, выброшенные на мировой рынок при безобразно низком количестве их внесения на российские поля... Так что можно говорить о том, что первый из наших двух способов решения аграрной проблемы в России уже задействован, потому что он прост и не требует ума для своего применения. И чем быстрее и шире он будет использован, тем быстрее будет окончательно уничтожена российская экономика. По той самой причине, о которой сказано выше, — 70% успеха народного хозяйства зависит от состояния дел в АГК! Надо все время помнить, что село дает рабочие места не только крестьянам и рынок сбыта не только для сельхозпродуктов, но и для огромного количества других отраслей производства. И когда мы говорим сейчас о том, что в Европе, США 3 — 10% всех работников якобы кормят всех остальных и подкармливают еще неумех типа наших, то это всего лишь эффектная фраза, пропагандистская ложь. Экономисты подсчитали, что в развитых странах на производстве продуктов питания занято примерно столько же, что и в средние века, когда эти страны были насквозь крестьянскими. Просто сельский производитель, чтобы поднять производительность своего труда, переместился из села в город, не переставая обслуживать землю и скот. Российские власти, закупая продукты на Западе и отдавая туда сырье, которое нужно нашему селу, делают тем самым благое дело для западной экономики. Не они нам, а мы им всячески помогаем налаживать дальше и без того благополучную жизнь. Но альтруизм в характере русского чиновника, особенно когда он оплачивается другими, принося ему самому большую выгоду.

Интересная в этом смысле история приключилась недавно в Приморье. Там одна коммерческая фирма снизила цены на хлеб, продаваемый населению. И не по политическим, а по экономическим соображениям. Она стала работать не с американским, а с казахстанским, более дешевым зерном. Конкуренты поспешили задуть отступников от использования заокеанского источника сельскохозяйственного сырья: дорогое производство более выгодно не только тем, кто занят, скажем, выпечкой хлеба, в нем заинтересованы тысячи людей, которые сейчас выстроились на цепочке переброса продуктов из-за рубежа. В том числе флот, железная дорога, элеваторы с производственным циклом, ориентированным на импорт, а не на экспорт. Кто же решится остановить этот поток?

То, что выгодно чиновнику, убийственно для страны. Нам давно уже следовало бы понять то, что поняли другие: развал сельского хозяйства — это развал всей производственной пирамиды, основанной на нем. Но оживить эту отрасль традиционным советским способом невозможно. Тут нужна терпеливая, науко- и капиталоемкая работа по осуществлению самой мирной и созидательной революции, революции в самом характере сельскохозяйственного производства, в осуществлении так называемой зеленой революции. Это и есть второй способ решения аграрной проблемы в России, альтернативный тому, который сориентирован на свертывание собственного сельскохозяйственного производства. В чем его сущность?

Нынешнее советское сельское хозяйство — это «черная дыра», или, проще, аграрная прорва. Сколько труда, денег ни вкладывай, результат будет тем меньше и хуже, чем больше производится затрат. Не хочется ни себя расстраивать, ни читателя утруждать астрономическими цифрами ассигнований на нужды сельского производства, произведенных в разное время. Специалисты прекрасно знают, сколько миллиардов (по нынешним временам — триллионов и триллионов) потрачено на целину, на внедрение кукуру-

зы, на знаменитую мелиорацию, на программу по возрождению Нечерноземья, на реализацию брежневской Продовольственной программы... Огромные средства выделяются и нынешним руководством страны на нужды села. Но и они выбрасываются на ветер. Каждый россиянин, который ходит в магазин, знает, что продуктов отечественного производства становится все меньше и они стремительно дорожают. Откуда же эта аграрная безнадега?

Издавна известна пословица: «От плохого семени не жди доброго племени». Во всех странах, принимавшихся за развитие сельского хозяйства, люди активно брались за селекцию. А еще раньше — за биологическую науку. Как обошелся с биологической наукой Сталин, хорошо известно из знаменитого постановления ЦК. Хрущев принял его эстафету и вместе с лысенковцами понес дальше развернутое знамя невежества, знамя борьбы с пресловутыми вейсманистами-морганистами. После него наши аграрии чуть-чуть очухались и восстановили научную преемственность с гордостью отечественной аграрной науки — Тимирязевым, Прянишниковым, Вавиловым... После долгих, жестоких заморозков на российском небосклоне заблестали замечательные имена таких наших селекционеров, как Лукьяненко, Ремесло, Пустовойт, Бараев... С приходом Горбачева и Ельцина науке, в том числе и в первую очередь аграрной, был нанесен очередной нокдаун. У знаменитых селекционеров не появилось учеников, способных достойно продолжать их дело. Вождям сейчас не до науки.

Тот, кто всерьез решит возродить сельское хозяйство, неизбежно должен начать с возрождения аграрной науки, селекции и всей сети по внедрению ее достижений в практику.

Советская власть угробила российское сельское хозяйство, превратив его в аграрную прорву, не только тем, что отбросила аграрную науку на многие десятилетия назад от российского и тем более от современного мирового уровня. Она разрушила технологию сельского производства, то есть всю взаимосвязь его факторов. Крестьянская технология, пусть

примитивная, тесно увязывала семена с органическими удобрениями, с тягловой силой, с нехитрыми «прицепными» орудиями к ним, с системой защиты от вредителей и т.п. Стоило убрать из села лошадь — и привычная технология крестьянского сельского производства развалилась, а современная не могла сложиться из-за ведомственного подхода к формированию ее составных частей.

Известно, что тракторизация развивалась отдельно от обеспечения хозяйств прицепными орудиями; комбайнов производили сверх всякой меры, без учета краткого сезона их использования и без ориентации на разную урожайность; семена и удобрения не соотносились между собой, поэтому тяжелый колос полегал, а легкий не усваивал их и т.д. и т.п. Каждое министерство, работавшее на село, гнало свой план, свою «валовку», не прислушиваясь к индивидуальным требованиям тех, кто там работает. Само понятие «технология сельского производства» стало необычным, непривычным для советских людей... Отсюда масса лишних, вредных для села затрат.

Тот, кто всерьез решит возродить сельское хозяйство, неизбежно должен восстановить технологию сельского производства как логическую, естественную, оптимальную взаимосвязь всех ее факторов, подчинив деятельность городских партнеров заказам села, а не ведомственным интересам, как это было, как это есть сейчас.

Любая технология любого производства существует не сама по себе. Она обязательно «упакована» в такую «коробку», как предприятие, т.е. во взаимосвязь отдельных цехов, служб. Значит, нужны не только трактора, комбайны, но и мастерские для их ремонта, гаражи для хранения. Не только удобрения, но и складские помещения для них. Не только семена, но и амбары и лаборатории для хранения и работы с ними. Не только производственные постройки, но и нормальные дома с элементарными бытовыми условиями, не только все это и многое другое, но и дороги для связи производителей с внешним миром. Кто, где видел на селе комплекс всех этих условий,

первично необходимых для ведения дела? Много ездил, езжу по стране, но ничего подобного не видел. Как не встречал и человека, который бы узрел такое чудо в советских условиях. Даже в самых лучших хозяйствах из необходимого минимума для завершеного производственного комплекса чего-то не хватает. Есть такой экономический термин «бочка Либиха», то есть бочка без одного, двух... звеньев. Кто согласится заполнить такую бочку водой, вином? Ответу: советская власть. Вот поэтому ничего и не получается с развитием сельского производства. Все наши колхозы, совхозы, фермерские хозяйства — это именно хозяйства, а не предприятия. А если назвать их предприятиями, то надо признать, что это сплошная «незавершенка».

Тот, кто всерьез вознамерится возрождать сельское хозяйство, неизбежно должен достраивать сельскую «незавершенку» до уровня предприятия, дополняя ее теми цехами, которых не хватает для нормальной работы. И прежде всего там, где степень готовности объекта наиболее высокая.

При этом надо учитывать, что поскольку технология сельского производства может быть разной степени экономической зрелости и приспособлена под разные масштабы производства — как домашняя выпечка хлеба, соленья, изготовление вина и т.д. и заводские типы того же производства, — то и формирование предприятий, «упаковка» этих разных технологий должна быть разной.

Современное сельское хозяйство немислимо без сочетания его с одновременным развитием индустрии туризма, которая резко повышает экономическую эффективность работы на земле. Баран, отправленный на мясокомбинат, и баран, красиво поданный на стол конечному потребителю, то есть гостю, человеку, отличаются так же, как нефть, проданная сырьем или после глубокой переработки. Все нормальные страны это уже давным-давно поняли и органично встроили туризм в существо аграрной политики. Наши ссылки на политическую нестабильность в России как первопричину безынициативности в налаживании симби-

оза двух отраслей не выдерживают критики. Так, известно, что исламские террористы грозили подорвать индустрию туризма в Египте еще три года тому назад, пообещав и выполнив ряд терактов против правительства и гостей страны. Их быстро привели в чувство. Сейчас Египет принимает до трех и более миллионов туристов. Только за пять месяцев этого года доходы от туризма составили 837,7 млн. долларов («Финансовые известия», 1995, № 53). Это намного больше тех средств, которые наши аграрии выклянчивают на разных папертях дома и за рубежом.

Тот, кто решится всерьез поднимать сельское хозяйство, должен обязательно увязать его судьбу с развитием индустрии туризма, открывающей не только новые рынки сбыта сельских продуктов, но и массу рабочих мест, которые так нужны сейчас.

Неудачи советского сельского хозяйства идут также от того, что это единственная отрасль производства, которую большевики и их нынешние последователи пытались и пытаются поднять за счет бесплатного энтузиазма масс. Такого энтузиазма у наших людей хватало. Вспомним хотя бы целину; шефские выезды в деревню горожан; бригады молодежи, отправлявшейся целым классом во главе с учителями на постоянную работу в деревню; призыв к женщинам сесть за штурвал комбайна, трактора...

Попытка сэкономить на условиях жизни и труда людей, работающих на полях и фермах, провалилась. Энтузиазм, как костер, затухает, если его не поддерживать материально. Российское село обескровлено до предела. Новые попытки властей спекулировать теперь уже на энтузиазме фермеров, переложив на их плечи ответственность за свои прошлые и нынешние ошибки, результатов тоже не дадут. Никакая техника не спасет сельское хозяйство без людей, заинтересованных в его развитии. А их на село не заманишь без того минимума бытовых условий, которые они имеют в городе.

Надо, следовательно, вернуться к идее агрогородов, но не в хрущевском ее варианте, когда агрогород замышлялся среди полей с урожайностью до 10 цент-

неров с гектара и лугов с пасущимися на них коровами, не дотягивающими по продуктивности до уровня козы, а к идее агрогородов, вмонтированных в мировую технологию сельского производства. Строил же ВПК свои секретные города типа Арзамаса. И его жители успешно работали там на производстве смертоносной всячины. Посмотрели бы мы, что удалось бы сделать рабочим и специалистам этих секретных объектов, если бы их поставили в колхозно-совхозные условия существования. Так почему же эти прописные истины понятны и претворяются в жизнь, когда речь идет о том же ВПК, но представляются несбыточной фантазией, как только речь заходит о производстве не смертоносных, а жизненно необходимых продуктов? Ответу: потому, что на сельских жителей, на тех, кто решится стать ими, смотрят традиционно как на людей второго, третьего сорта или просто пересортицу. Если так, то надо открыто признать, что российское сельское хозяйство будет ориентировано на первый наш вариант существования, то есть на сворачивание его развития и на нынешнее стимулирование производства продуктов питания для россиян на ухоженных и обустроенных полях и лугах Дании, Голландии, Франции, а также США и Канады.

Агрогород на базе новейшей технологии сельского производства не бредовая фантазия кабинетного идеалиста. Мне приходилось видеть эту идею претворенной в жизнь и в Молдавии, в Слободозейском районе, и в Крыму, в Нижнегорском районе, и в Белоруссии, в Барановичах. Об этом я, мои коллеги много, часто писали, показывали на телевидении. Напрасно!

Будущее России зависит от успехов сельского хозяйства, понимаемого в широком смысле. Окончательный развал его, при котором мы сейчас присутствуем, будет означать и окончательную гибель страны.

Размышляя, чем и как лечить Россию, я упомянул только три «лекарства»: безотходная технология, то есть ориентация на то, чтобы подобрать готовые бо-

гатства, валяющиеся сейчас под ногами; массовое освоение дорог, и в первую очередь речных российских «автобанов», чтобы уже имеющиеся богатства бережно и в целости донести до потребителя; сельское хозяйство в союзе с туризмом как первооснову благополучия и равновесия в экономике. А как же ВПК, как же все остальные отрасли народного хозяйства? Прикажете их закрыть и разрушить, как разрушили в свое время сельское хозяйство? Конечно, нет! Дело в том, что эти отрасли можно и нужно подчинить тем трем «малым» делам, о которых речь шла выше. Надо понять, что время изменилось, поэтому теория и практика «малых дел», поставленных на службу человека, должна прийти теперь на смену амбициозной гигантомании.

Итак, на мой взгляд, болезнь, которой страдает Россия, более или менее ясна. Ясны и те меры, которые нужно принять в первую очередь, чтобы сначала локализовать болезнь, а потом и поставить Россию «на ноги». Но вот хочет ли, может ли больной лечиться? Пока это не чувствуется. И об этом убедительно говорят следующие цифры. 91% участников проходившего в Москве I Всероссийского съезда представителей малых предприятий считают, что их беспощадно душат налогами. 67% опрошенных оценивают условия своей деятельности как неудовлетворительные. 83% предпринимателей сталкивались с чиновничьим вымогательством. 38% придерживаются мнения, что развитию малого бизнеса в стране никто не содействует. 65% предсказывают увеличение банкротств малых предприятий («Известия», 1995, 5 марта).

Малый бизнес — это что муравьи в лесу. Без них лес погибнет. Наших «лесников», к сожалению, это не волнует. У них одна забота — дорваться до власти.

Царь Борис и упадок Золотой (советской) Орды

(Об исторической природе нынешних
российских бед)

Золотая Орда — это понятие не только историческое, географическое, археологическое, но и политическое. Может быть, последнее — политическое — самое главное. Во всяком случае сейчас, в нынешней российской ситуации 1996 года, когда мучительно хочется понять, откуда же на нас, россиян, свалились, обрушились такие беды. Итак, что же такое «Золотая Орда» как система определенных экономических и политических отношений? Вспомним об этом на схематическом примере отношений Золотой Орды с российскими княжествами того времени.

1. Российские княжества на «правах» других, иностранных, входили в состав монгольской империи, охватившей, по сути, почти всю территорию бывшего Советского Союза. Если учесть тогдашнее состояние средств связи между отдельными частями такой империи, то становятся понятными еще большие, чем сейчас, трудности татар по поддержанию информационного, экономического и политического единства такого гигантского этнического и религиозного конгломерата. Но отказаться от власти на гигантских евроазиатских территориях, где жили и живут такие разные народы, они, как и мы сейчас, естественно, не могли как по экономическим, так и по амбициозным соображениям, которые не оставляли места для того, чтобы считаться с национальными особенностями. «Единая неделимая Орда была таким же фетишем, как и для нынешних наших патриотов сохранение и

восстановление монолитной «единой и неделимой России».

2. Если бы Золотой Ордой управляли идиоты, то она не продержалась бы, во всяком случае на Руси, и нескольких лет, а не то что три столетия. Но во главе ее были очень умные и хитрые люди, которые понимали, что лучший способ управлять покоренными народами — это делать ставку на их главные внутренние пороки. У россиян, как известно, главный порок как был, так и остается внутренняя вражда друг к другу, которая во много раз сильнее вражды к завоевателям. Вот на этом татаро-монголам и можно было спекулировать аж три столетия, сталкивая лбами русских князей так, что только искры летели.

Кстати, опираясь на борьбу с феодально-байскими пережитками, с рецидивами буржуазного национализма и исходя из идей классовой борьбы в областях и республиках СССР или России, можно достигать, как показала советская практика, не менее эффективных результатов по обеспечению монолитного единства. Мастерство разделять, чтобы властвовать, было в цене у всех народов, во все времена.

3. У татаро-монгол было одно генетическое качество, бережно ими сохранявшееся и переданное по наследству своим достойным наследникам — большевикам. Они могли широкомасштабно грабить и делить награбленное, но, естественно, именно поэтому же не могли, не умели созидать. Следовательно, им ничего другого и не оставалось делать, кроме как наращивать мощь ВПК, чтобы с его помощью выколачивать дань с тех, кто умел созидать.

4. Как показывает убогий российский опыт последних лет, собрать дань, то бишь налоги, дело тоже не простое и, несомненно, требует определенных умственных способностей. У руководителей Золотой Орды они, в отличие от нынешней нашей администрации, были. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что сами-то они мало занимались грязной и трудоемкой работой по сбору налогов, а перепоручали ее русским откупщикам, чаще тем же русским князьям, ограничивая себя в основном рутинным, чи-

новным сбором статистических данных о количестве податных душ. Это было очень мило со стороны златоордынского начальства. Вся злоба российского человека выплескивалась не на анонимного татарина, сидевшего в своем далеком Политбюро, а на своего же соотечественника, увидившего со двора последнюю корову за недоимку налога. Ну совсем как у нас, при сельсоветах, когда жалкий чиновник у не менее жалкого колхозника отбирал за недоимки по упомянутой схеме последний кусок хлеба на глазах у голодных детей, не озлобляя их при этом против КПСС.

Доверяя русским откупщикам право собирать с соотечественников для Золотой Орды налоги, татары не только поддерживали зависть и разобщенность среди россиян, без чего их власть могла рухнуть в одночасье, но и обеспечивали огромную экономию на военных расходах. Им не было нужды держать постоянный ограниченный контингент своих войск в российских городах и весях для выполнения задач налоговой полиции. Эти заботы и расходы брали на себя русские князья. А Золотая Орда сохраняла за собой только карательные функции, встречая в дело лишь тогда, когда налогоплательщики или по забывчивости, или по корыстному упрямству пытались уклониться от выплаты дани или если у откупщика не хватало своих сил для выбивания налогов с населения в данном регионе.

5. Между князьями постоянно происходили ссоры, кровавые стыки за почетное и выгодное право собирать дань со своих соотечественников. Чтобы они в рвении своем не перегрызлись до того, что не останется ни одного пригодного для выполнения тяжелой и грязной работы по сбору налогов, администрация Золотой Орды учредила мудрый порядок утверждать на своем Политбюро преданных им русских князей, выдавая соответствующий «ярлык». И вот в Золотую Орду потянулась длинная и постоянная очередь русских князей, которые, отпихивая друг друга и напештывая друг на друга, путем предательства и унижений выторговывали себе право быть надсмотрщи-

ками за соотечественниками. Ну, право, совсем как наши прежние первые секретари в республиках и областях при хлопотах в Москве о праве на «княжение».

6. Поскольку златоордынские власти были носителями не созидательной, а конфискационной и перераспределительной философии, осуществляемой в ходе сбора налогов и карательных набегов на русские княжества, то россиянам стало не выгодно мыслить традиционно по-русски, созидательно, т.е. развивать ремесла и торговлю, чем на весь мир славились тогда и Новгород, и Тверь, и Псков, и города этих княжеств. Они исчезли с мирового рынка. Одним из главных источников доходов русских князей и рядовых россиян постепенно становилось не столько производство, сколько мастерство в перераспределении его результатов. Это если говорить выпендренно, по-научному. А если проще, то Золотая Орда заставила россиян учиться воровать. Причем воровать продукт собственного труда, отбираемый, т.е. «централизуемый» Ордой в свою столицу. Если бы наши предки были неразумно честными людьми, то россияне уже давно исчезли бы с лица земли. Но, к счастью, они таковыми не были и всеми возможными и невозможными способами уклонялись от выплаты всей причитающейся по татарским нормативам дани. Триста лет россияне совершенствовали мастерство «сокрытия» своих реальных доходов от налоговой полиции, и надо сказать, что постепенно это качество стало генной особенностью россиян, потеснив гены созидания. Вот оно-то и позволило россиянам пережить лихолетье и выжить не только во время татаро-монгольского, но и большевистского ига. Чудеса взаимоотношений с советским бюджетом, с властями демонстрировали и колхозники, получавшие основную оплату не на трудодень, а на трудовую, и партийные князья, виртуозно владевшие искусством небывалых приписок, и так называемые «несуны» в городе. Татаро-монгольское иго в этом смысле пошло впрок советскому человеку.

Не подводит обретенный веками опыт коррекции отношений россиян с налоговой инспекцией и в наши дни. Ну как не вспомнить о златоордынской системе экономических отношений на Руси, когда читаешь сегодня («АиФ», 1996, № 3) статью генерального директора «АвтоВАЗа» с жалобой на то, что из заработанного им на производстве рубля нынешнее будто бы не златоордынское начальство оставляет коллективу лишь 3 копейки! Выжить в таких условиях, конечно, нельзя, если не воровать, не обманывать.

Воровство на Руси со времен Золотой Орды стало делом чести, доблести и геройства. Поэтому тогда, когда чета президента США тщится доказать в наши дни, что они всегда честно занимались бизнесом, наши люди открыто хвастают тем, как они обманывают друг друга и государство. И к этому призывает их сам премьер-министр В.С. Черномырдин, понимая, что спасти Россию может только воровство и обман государства. В одном из своих интервью («АиФ», 1995, № 50) он не стесняясь (а кого стесняться-то, кругом все свои) говорит об этом: «Налоговая система должна стимулировать производителя, а не вязать его по рукам. При такой налоговой системе и я бы не раз подумал, как выбраться из-под ее пресса». Если бы наш премьер не ломал голову над тем, как обворовывать бюджет, хотя бы уже потому, что самые богатые наши налогоплательщики, в том числе и любезный его душе «Газпром», эту работу давно и успешно проделали до него и за него, а израсходовал свой интеллектуальный потенциал на решение проблемы установления порядка, который дает больше выгоды, чем воровство, то пользы было бы больше. Но как попрешь против генного сигнала? Это трудно всем россиянам, независимо от ранга.

7. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что, скажем, десять самостоятельных налогоплательщиков украдут минимум в десять раз больше, чем один. Но, поняв это, Золотая Орда погубила себя. Как сказали бы по-современному — «жадность фраера сгубила». И нельзя сказать, что пагубность фраерской жадности в Орде не понимали. Во всяком

случае хоть смутно, но, видимо, догадывались. Поэтому должность главного сборщика налогов на Руси доверили самому бедному и самому незаметному — князю московскому Ивану Калите. Иван был мудрый популист. Он всегда носил мешок (т.е. калиту), наполненную (как у генсека или президента) деньгами для раздачи бедным во время общения с народом. Так что понимание необходимости диктатуры пролетариата и царских милостей ему (пролетариату) на Руси существовало уже и в начале XIV века. Популизм, как нам хорошо известно по событиям сегодняшнего дня, не может не предполагать и патриотизма, понимаемого каждым по-своему.

Иван Калита был патриотом, поэтому, когда тверской князь Александр воспротивился платить Орде налоги, Иван любезно предложил татарам свои услуги по наказанию ослушников. Хан Узбек призвал Ивана Даниловича Московского, пообещал сделать его Великим князем и, дав ему в помощь 50 000 воинов, предводимых пятью ханскими темниками, велел идти на Александра, чтобы казнить россиян россиянами. Тверь, Капшин, Торжок были взяты, опустошены со всеми пригородами, жители истреблены огнем и мечом, другие отвезены в неволю. Иван Калита получил верховную власть над Тверским княжеством, стал Великим князем. Н.М. Карамзин по поводу этого величайшего события в истории России пишет: «Узбек не знал, что слабость нашего отечества происходила от разделения сил оного и что, способствуя единовластию князя Московского, он готовит свободу России и падение царства Капчаковского». Но тут же наш знаменитый историк замечает: «Но, справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и помогла утвердить власть великокняжескую? **Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики** (выделено мной. — Г.Л.). Суд истории, единственный для государей — кроме суда небесного, — не извиняет счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога» (К а -

р а м з и н Н. М. Об истории государства Российского. М., 1990, с. 118).

Иными словами, зачать ребенка можно при разных обстоятельствах и от отца с разным набором не только физических, но и духовных качеств. И ребенок этот вынужден будет нести тот генный код, который в него заложит судьба. Медики категорически утверждают, что основа будущего физического и духовного здоровья закладывается в первые дни и месяцы жизни ребенка еще в утробе матери и в первые пять-шесть лет после рождения. Эта закономерность действует и в отношении государств, поскольку оно состоит из людей, выросших из тех самых младенцев, об особенностях развития которых говорят медики.

Российское государство, как видим, зачато на насилии, предательстве, от разрушительного кочевого «отца» — Золотой Орды. Великое княжество Московское, государство российское, явилось духовным наследником златоордынского режима, переняв у него не только политические и экономические порядки, но и для обеспечения преемственности вобрало многих представителей ее элиты в закладывающуюся основу российской государственности. Из их среды берут свои корни фамилии таких видных российских князей и дворян, как Аксаковы, Вельяминовы, Адашевы, Кудашевы, Тепешевы, Годуновы, Мосоловы и др. Обычным становится и женитьба русских князей на родственницах ордынских ханов (см.: Х а л и - к о в А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994, с. 126). Так что златоордынские порядки россияне впитали в себя с молоком матери. Они вошли в их плоть и кровь. Л.Н. Гумилев, анализируя происшедший в это время перелом в истории России, замечает: «Москва не продолжала традиций Киева, как это делал Новгород. Напротив, она уничтожила традиции вечевой вольности и княжеских междуусобиц, заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов» (Г у м и л е в Л. Н. От Руси до России. М., 1995, с. 308). Поэтому, продолжает Л. Гумилев, изменился

коренным образом сам стереотип поведения россиян (!).

Так в свое время оценивал Карамзин поворотный пункт в истории российского государства. В нашем же сознании засела забитая кем-то мысль, что Россия якобы никогда не имела демократических традиций управления своими делами и что только Петр I «прорубил окно в Европу», т.е. вывел Россию из дикости изоляции от Европы. Слава Богу, что не только древний Карамзин, но и современники начинают задумываться над тем, что это совсем не так. В. Берестов («ОГ», 1995, 3–9 августа) пишет: «Окно в Европу? Новгород был фактически частью Европы. Там не было только одного — университетов. Но если памятью понапрячься, основатель нашего московского университета — помор, то есть тоже из новгородцев!» Берестов тоже считает, что на месте татаро-монгольской империи, после ее крушения, на ее месте «...в результате возникла новая Золотая Орда, уже со столицей в Москве» (выделено мной. — Г.Л.).

Приходится ли ждать тогда иного по сравнению с тем, что имеем? Представьте себе, что Бисмарк осуществил бы свою роль собирателя земель немецких с помощью российских казаков! Уверяю, тогда не было бы ни Первой, ни Второй мировых войн и Германия не стала бы ФРГ.

8. Златоордынский ребенок, родившийся в Москве, повел себя именно так, как ему положено. Для начала он изгнал родителя из своего, российского, дома, а потом разрушил и «отчий» дом — Казань. Но не для того, чтобы освободить россиян от ига, чтобы возродить славянский принцип местного самоуправления и восстановить былое торговое величие русских городов, а только для того, чтобы татарское иго заменить игом московским. Гумилев подводит итог: «С XV в. русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Новая держава выступила, таким образом, «наследницей» Тюркского каганата и Монгольского улуса» (Цит. соч., с. 310). Добавим, что речь идет не столько о наследии на собственность, сколько на тип поведения внутри и вне империи.

Какое из них хуже, какое — лучше, об этом не нам судить, а тем, кто одно ярмо сменил на другое. Иван (III) Васильевич в 1477 году объявил новгородцам, что он, мол, «хочет властвовать в Новгороде, как властвую в Москве». После всех попыток сохранить свой демократический статус новгородцам пришлось уступить ультиматуму Ивана III. В результате, как отмечает Карамзин, «Новгород, слыв более шести веков в России и в Европе державою народною или республиканскою и действительно имел образ демократии, ибо Вече гражданское присвоило себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, сменяло не только посадников, тысяцких, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже с Иоанном заключало условия, взаимною клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новгорода, который именовали Государем...

История Новгорода составляет любопытнейшую часть древней российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою славянских рыбаей, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени державы знаменитой...» (там же, с. 163).

Возвыситься сумел, добавим от себя, но противостоять новой форме Золотой Орды не смог, поскольку наследник этот уже тогда все разрушал вокруг себя, во имя победы грядущих идей «демократического централизма». При наследнике Ивана III, Василии, Москва подмяла под себя окончательно и Псков с его институтами самоуправления. Так начался крах демократической Руси, а заодно и будущей демократической России. Так стала формироваться Московская Русь в качестве наследницы Золотой Орды, так возник и стал быстро развиваться

в России незаконнорожденный «сын» — тоталитарный режим, прелести которого познало не одно поколение россиян.

Все прелести московского варианта златоордынского режима «демократического централизма» сумел раскрыть Иван Грозный, он же Кровавый. В декабре 1569 года он вошел в Клин, город бывшего тверского княжества, и, не щадя ни женщин ни младенцев, устроил дикую резню. В январе окружил со своей дружиной Новгород, чтобы никто не смог из него бежать, и шесть недель грабил и убивал ни в чем не повинных горожан. Считают, что тогда погибло не менее 60 тыс. человек. Москва окончательно закрепила за собой право без суда и следствия казнить и, реже, миловать, причем даже не из карательных соображений, как это делали татары, а из соображений устрашения.

Зачем, однако, потребовалось нам ворошить дела давно минувших дней? Да для того, читатель, чтобы показать тот перекресток, на котором сбилась Русь со славянского пути развития, предполагавшего сохранение большей свободы для регионов и для населения в занятии ремеслами, торговлей и политикой, свободы, которую Москва отняла, чтобы сделать россиян большими рабами, чем они были даже при татаро-монголах. Там они были недовольными, но только налогоплательщиками. При московских государях россиян сделали крепостными рабами. Как видим, российская трагедия произошла не в октябре 1917 года, а гораздо раньше.

Три столетия россияне терпели татаро-монгольское иго, терпели, на мой взгляд, не потому, что у них сил не было, чтобы свергнуть его, а потому, что оно было выгодно тем или иным российским князьям. У татар можно было всегда взять займы войска, чтобы осуществить карательную экспедицию против своих взбунтовавшихся соотечественников или против внешнего врага. Как известно, сам святой Александр Невский успешно пользовался такими услугами Золотой Орды. И не он один. Как только Орда ослабла и не смогла выполнять тех полицейских функций, которые

российские князья в обмен за свою послушность им перепоручали, россияне молча встали на Угре, упершись своим оружием в златоордынскую стену, и она, как и стена Берлинская, пала тоже фактически без единого выстрела. **Двоевластие на Руси кончилось.** Москва стала полновластной хозяйкой на освобожденной от татарских налогов территории.

Какие же порядки завела она у себя? Такие ж, к которым привыкла за три столетия общения со своими татаро-монгольскими повелителями. Не может от кошки родиться собака, от курицы не появится лебедь, от верблюда — арабский скакун и т.д. **Освободившись от одного, татаро-монгольского, оккупационного режима, Русь попала под другой — московский, сохраняющийся в том или ином виде по сей день.** Этот режим создал систему своих гауляйтеров в провинции. На эту должность посылали из Центра или назначали из числа местной знати своих людей, в обязанность которых входила не столько забота о развитии культуры и производства на местах, сколько сбор податей, контрибуций и поддержание порядка послушания Москве. Как это происходило, описывать нет нужды, поскольку лучше Салтыкова-Щедрина сделать это вряд ли возможно. А он полно и красочно воспроизвел картину златоордынских отношений Москвы с провинцией в «Господах ташкентцах».

Итак, заглядывая в прошлое, чтобы понять настоящее, видим: **Москва стала Москвой не в созидательном соревновании с другими российскими княжествами, а за счет мирного ограбления казны Золотой Орды, утаив часть средств ее налогоплательщиков (что вполне оправдано с точки зрения знаковой теории «грабь награбленное»), за счет военного разгрома и опустошения экономики других российских княжеств, а также за счет заимствования у Орды ее идеологических ценностей.** Что же она позаимствовала из идеологического азиатскогоклада?

Прежде всего твердое убеждение, что россияне являются не свободными людьми, как это было, скажем в Великом Новгороде, а стадом баранов, которых на-

до стричь (финансово) в своих интересах или забивать на шашлык по тому или иному поводу. Татаро-монголы занимались этим же, но соблюдая заповедь людоедов не жрать соотечественников. Московские власти устранили для себя это ограничение. Причем сами россияне, подготовленные за столетия Ордой, в какой-то части, в какой-то мере уверовали в справедливость такого порядка. Это весьма поражало иностранцев, наблюдавших в те еще времена столь необычное социальное явление на Руси. Карамзин же по поводу жестокости российского царя и рабского долготерпения подданных писал: «Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть государеву властью божественною и всякое сопротивление беззаконием» (там же, с. 233).

Вот откуда у нас знаменитое русское рабское долготерпение к произволу властей, поражающее по сей день всех нормальных людей.

У Золотой Орды Москва позаимствовала и неудержимую страсть к захвату неограниченных просторов. Вольно или невольно Москва ощущала себя законной наследницей территорий, захваченных в свое время татаро-монгольскими ханами. Поэтому у московских руководителей не было сомнений, что и турецкие проливы и княжества на Адриатике под руководством Энвера Ходжи, а на Востоке — под присмотром Ким Ир Сена и Мао Цзедуна являются естественной исторической собственностью московского государства. Неумеренные территориальные аппетиты Москвы рождали и неумеренные поборы со своих подданных, что вело к росту могущества Москвы и подрыву «корневой» системы образующегося уродливого государственного колосса. Центр богател за счет провинции, но не для того, чтобы потом помочь провинции стать еще богаче, усиливая тем самым себя, а для финансирования показушной роскоши (особенно Петр) и амбициозных военных авантур.

Наконец, Москва позаимствовала у Золотой Орды и грубый интернационализм, смысл которого был предельно прост: кем бы ты ни был, чукчей или ук-

раинцем, эстонцем или киргизом — работай до истощения на славу и величие Москвы, забывая о своих якобы примитивных национальных обычаях и нуждах и приобщаясь к якобы вершинам московской цивилизации.

Надо ли говорить о тех чувствах, которые испытывали россияне в отношении Москвы, занявшей в их жизни и сознании место, принадлежавшее до этого почти три столетия Золотой Орде? Та же вынужденная покорность, та же льстиво-притворная услужливость, та же глубинная тщательно скрываемая ненависть к самодурству и произволу верховного узурпатора. И если раньше детей на Руси пугали татаринцом, то теперь своим же соотечественником — «москалем».

Мог ли режим, основанный на златоордынских принципах, быть стабильным и долговечным? Над этим задумывались умные люди и из самой среды татаро-монголов еще в те давние-давние времена. Чигнисхан, обращаясь к своим соплеменникам, а через их голову к московским и советским администраторам, с тоской, тревогой и грустью замечал: «Верхом на коне можно завоевать многие страны, но удержать их верхом на коне нельзя» (Х а л и к о в А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда, с. 43). От себя добавим, что и сидя в танке этого сделать тоже невозможно.

Если таким темным и тяжелым оказалось для нас златоордынское наследие, то как же, спрашивается, россияне пережили не только татаро-монгольское, но и занявшее его место московское иго? Во всяком случае не благодаря, а вопреки тем порядкам, которые Москва позаимствовала у своих прежних хозяев. Россия, можно сказать, распалась на два духовно противоположных государства. Как в Америке был рабовладельческий Юг и свободный Север, так и у нас рабовладельческий московский Центр стал противостоять некрепостническому российскому Северу, свободной Сибири, окраинному казачеству. Москва стала духовной наследницей златоордынских порядков. Сибирь, Север, казачество продолжали по мере воз-

возможностей традиции великих свободных русских городов: Киева, Новгорода, Пскова, Твери... И вот часть россиян стала «черными», т.е. «неграми», а другая — осталась «белыми», что заложило в основу российского государства бомбу замедленного действия, взорвавшуюся во всю мощь во время Гражданской войны в 1917 году.

Граница между «черными» и «белыми» прошла не по географическим параметрам, а по душам людским. Одни смирились и стали покорно жить в «стране рабов, стране господ», другие смириться не могли и, едва только складывались мало-мальски благоприятные условия, немедленно восставали, чтобы заявить о своем нерабском существовании. Пугачев, Разин — это самые крупные всплески свобододолюбивой природы славян, а сколько было менее золотых выступлений россиян за восстановление утраченных свобод, сколько россиян бежало куда глаза глядят, лишь бы сохранить то, что было потеряно после завоевания России Москвой. Но даже и убегая от рабства, россияне уносили, кто меньше, кто больше, в душе своей его яд, проникший в нее за годы монгольского и московского ига. Под его воздействием россияне не только как бы распались на два сросшихся между собой корня, но и душа каждого из них тоже раздвоилась. Метания и маету русской души можно наблюдать по судьбе Григория Мелихова из «Тихого Дона». Все мы по сей день в той или иной мере чокнуты, подпорчены Золотой Ордой в двух ее вариантах (татарском и московском). (Кстати, показательно, что за несколько десятилетий ГДР-режима немцы тоже «поплыли». «Сегодня, — свидетельствуют социологи, — каждый пятый «осси» (восточный немец) желает вернуться во времена ГДР» («ЛГ», 1996, 24 января). Рабство, как видим, отравляющая и долгодействующая.)

Между «черными» («неграми») и «белыми» в структуре Московской Руси существовала и малочисленная прослойка «красных» (на крови), установивших оккупационный режим в побежденной ими стране своих соотечественников. Они, будучи из одного

с ними родословного корня, всячески подчеркивали (одежда, язык) свою иноплеменность, избранность, отличие от основного населения своей же страны, презрительно называя их смердами («смердеть»). Надо ли говорить о том, что к своим родовитым соотечественникам народ относился как к оккупантам и только ждал случая, чтобы свести с ними счеты.

Та Россия, которая была разгромлена и предана Иваном Калитой и Иваном Грозным, не умерла, не погибла. Она, к счастью, сохранилась в генах российского человека, несмотря на неизбежную мутацию. И, как росток в земле, демократическая Россия упорно пробивалась и пробивается к жизни сквозь гранит и асфальт, усердно и настойчиво укладываемый в разное время властями как раз там, где он, росток, взламывает преграды на естественном пути своего развития. Рабский потенциал россиян мог создать такие памятники культуры, как «Боже, царя храни» или, что то же самое, «Широка страна моя родная» с соответствующими вариациями в литературе, архитектуре, науке, политике.

Но Ломоносов, Пушкин, Толстой, Достоевский... возникли не благодаря московскому режиму, а вопреки и в борьбе с ним, утверждая исходную демократическую природу россиян. Постепенно и провинции стали возвращать попранные Москвой свободы. Финляндия, Польша, Бухара, Хива жили несколько в ином режиме, чем вся Россия. Да и сама Россия стала при последних царях дрейфовать прочь от своего монгольского материка. И это не замедлило дать свои плоды. Благодаря постепенному восстановлению внутренней силы нарушенной славянской наследственности россияне достигли мировых высот в развитии культуры и науки, высвобождаясь от свалившегося на их голову московского варианта златоордынского ига.

Крупной вехой на этом пути были реформы 1861 года и последующих лет, развитие института славянского самоуправления на базе земств, судебная реформа и т.д. Освободительный процесс был нео-

жиданно прерван в 1917 году. И вновь из-за предательства правящей Москвы¹ (в данном случае ее географическое расположение не имеет никакого значения), а не из-за большевиков, как это пытаются изобразить те, кому это выгодно, или те, кто судит о сегодняшних событиях под впечатлением от последней передачи телевидения или случайно прочитанного обрывка из статьи в какой-то случайной газете случайного автора.

Большевики, а их было-то в 1917 году всего-то несколько тысяч на 150 миллионов россиян, оказались лишь тифозными вшами на теле России, мягущейся в тифозной горячке. Но первичен все-таки тиф, болезнь, а не вши, являющиеся разносчиками ее. Не под влиянием же только пламенных идей и речей недоучившихся и озлобленных маргиналов Россия в очередной раз «разорила древние жилища и пошла поруганной и нищей и рабой последнего раба» (Максимилиан Волошин). Не надо возвеличивать сверх всякой меры большевиков, оправдывая вольно или невольно подлость центральной власти. Не будем ворошить всю кучу ошибок последнего российского императора, а напомним две последние, главные из них.

Как только обозначился острый политический кризис в России, Николай II малодушно поспешил отречься от престола, не приложив ни малейшего усилия к тому, чтобы сохранить хоть какую-то стабильность в стране, не обеспечив условий для поддержания преемственности власти. Царь нарушил традиционный порядок, положив начало великому российскому хаосу. Человек, космически далекий от большевиков, монархист-философ Н. Ильин по этому поводу писал: «Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии — Николаю Второму и Михаилу Второму — никто из окружения (военного или штатского) не сказал в виде

¹ Здесь и далее автор этим термином обозначает правящую элиту, верхушку всей системы власти, а не город или место. (Прим. ред.)

верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства, — нет права на отречение от престола в час военной национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследовании» (Ильин Н. О грядущей России. М., 1993, с. 97). «Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей. В открытую дверь хлынул поток окаяннейшего в истории напористого соблазна, и те, которые вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы то ни стало», — продолжает Н. Ильин (с. 98–99).

Николай II, как известно, отрекся от престола во время страшной войны, будучи верховным главнокомандующим российской армии. Иными словами, царь бросил на произвол судьбы наши войска. Он просто дезертировал с фронта. Что это значит, когда не простой солдат, а сам верховный главнокомандующий дезертирует с поля боя, мы можем легко представить, вернувшись к событиям трагической осени 1941 года. Давайте задумаемся над тем, что было бы с нами тогда и сейчас, если бы 7 ноября на Красной площади не состоялся традиционный парад войск, если бы Сталин не обратился к народу с теми словами, которых так ждали все россияне, прибитые жуткими поражениями первых дней войны с фашизмом. Если бы он с горя застрелился или просто сложил с себя всякую ответственность, взвалив ее на того же народного любимца маршала С.М. Буденного, смогли бы мы победить?¹ Преступник Сталин этого не сделал.

¹ История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но она знает и любит точные даты. А пока мы помним, что Вторая мировая война для России началась все-таки 22 июня 1941 года, следует помнить и то, что Сталин в тот трагический день, как и много дней спустя, позорно молчал. И не было ли это трусливое молчание одной из причин «жутких поражений первых дней войны с фашизмом»? Что же до предположений относительно того, что случилось бы с русским народом, если бы генералиссимус «с горя застрелился», то кто знает, возможно, такой поворот был бы куда предпочтительней и для истории, и для народа. (Прим. ред.)

Царь-дезертир не только развалил фронт, он вывернул наизнанку душу российского человека, окончательно утратившего веру и смысл своего существования.

Московская Русь с ее златоордынскими порядками рухнула не под ударами большевиков, а под тяжестью собственных несовершенных и тяжеловесных конструкций, погребя миллионы россиян. За подлость Ивана Калиты и Грозного, за вырезанных ими соотечественников Московская Русь в конце концов расплатилась семейством Романовых и его боярами. Но и этими жертвами не закончилась эпоха Золотой Орды в ее московском варианте.

Так же как на поле Куликовом россияне, победив татар, не смогли все же окончательно освободиться от их ига, а, пережив страшную карательную экспедицию Мамай, еще сто лет тянули татаро-монгольскую лямку, так и в 1917 году, опрокинув царский режим, мы очутились в той же тюремной камере, из которой пытались вырваться. Не зря умные люди называли Сталина Чингисханом. И он прекрасно понимал, что не справится в одиночку, т.е. без Орды. И он реанимировал ее полностью, т.е. возродил ее дух и порядки: то же презрение к человеку, к его жизни и правам; то же притязание на мировое господство; такой же культ насилия; тот же «демократический централизм», по которому весь произведенный в стране продукт принадлежит «хану», распределяющему его в столице согласно своим собственным представлениям о целесообразности и справедливости; такое же и презрение к национальным особенностям и традициям тех народов, которые живут на территории империи. Вряд ли надо приводить какие-то примеры в подтверждение этих слов. Каждый может из собственного опыта и фактов, давно уже ставших достоянием широкой общественности, привести таких примеров великое множество. Вопрос, как мне кажется, не в том, чтобы подтвердить златоордынскую природу и этой новой, советской, власти, а в том, чтобы понять, почему она возродилась вновь по-

сле, казалось бы, безусловного свержения самодержавного ига Москвы над Россией.

Если заставить негра, живущего в глуши где-то в Центральной Африке, нарисовать снег, не уверен, что он не нарисует его зеленым. Если чукчу попросить изобразить на полотне саванну, он, скорее всего, запечатлит растительность тундры. И в этом нет ничего удивительного. Это закономерно, если учитывать практический опыт людей, живущих в данной местности, а не насиловать их сознание научной фантастикой или иллюзиями нескольких блаженненьких. Московская Русь в свое время срисовала политическую систему с Золотой Орды, большевики скопировали свою систему жизни с жизни московских князей и царей. Копия получилась хуже, грубее, но и мастера, ее снимавшие, тоже были не первого, второго, или третьего там класса, а так... пересортица. Но для «простого человека» и она, эта копия, была понятнее, чем, скажем, описания заморскими гостями особенностей парламентской монархии в Англии, системы ее функционирования. Акын воспевает то, что видит вокруг себя. Не больше.

Но это всего лишь одна из причин возврата россиян в златоордынскую тюремную камеру московского производства. Может быть, даже не самая главная, если учитывать, что первичная генная память заряжена у нас все-таки воспоминаниями о славянских демократических традициях жизнедеятельности, лишь на время прерванных златоордынским и московским тоталитаризмом. Другая же причина в том, что в мировую и Гражданскую войны, в годы сталинских репрессий погибли десятки миллионов самых активных россиян (остатки киевско-новгородских свободных россиян), другие же — оказались за пределами России. С голодными, доведенными разрухой в стране до отчаяния бабами с умирающими на их руках детьми Сталин со своими опричниками смог справиться сравнительно легко, но и здесь не обошлось без отчаянного боя со стороны беззащитных. На обессиленное тело россиян опять надели ярмо. Москва приняла эстафету и начала бездумно, бесхозяйственно, пре-

ступно качать живительные соки из провинции, не оставляя ее жителям средств даже для поддержания прожиточного минимума. И ничто не менялось с годами. Достаточно посмотреть, как живут нефтяники в районах добычи нефти, золотоискатели, шахтеры, хлеборобы, рыбаки... чтобы с удивлением заметить странную закономерность: чем больше производят они продукции, тем хуже живут. Как это возможно! Очень просто: там, где господствует интерес и логика чиновника, распределяющего и перераспределяющего богатства, а не интерес производителя, иначе быть и не может.

Иной читатель может раздраженно сказать: зачем все это заумное многословие со всякими археологическими, историческими раскопками аж из эпохи Золотой Орды? Отвечу. В поисках причин наших нынешних бед мы идем по заведомо ложному пути, а возможно, нас и толкают на этот путь.

Можно, конечно, сжечь все тиражи собраний сочинений Маркса и Энгельса, никто из россиян этого даже и не заметит, если не будет большого дыма от костра, поскольку никто их работ толком не читал, кроме, может быть, Буденного, Котовского, Берии, Черненко, Хрущева, Нагульнова и им подобных, познавших на себе пользу ликбеза. Можно разогнать райкомы, обкомы, где большевики десятилетиями заседали, принимая и внедряя в жизнь свои планы подрыва экономики и культуры России, будучи односторонне и бездумно подготовлены не к созиданию, а разрушению. Можно в одночасье сжечь или выбросить на помойку еще вчера хранившийся, как святыня, на сердце, партийный билет и неумело осенить себя после этого крестом, шепча под нос слова не то незнакомой молитвы, не то хорошо знакомого матерного ругательства. Можно, наконец, ввалиться в уютный и ухоженный европейский дом и, зыряка по его углам цепким взглядом продотрядовца, громко заявить, что Иван Дерьмо с сегодняшнего дня сменил имя на Петр Дерьмократов, а посему будет вести себя тихо и достойно, за что просит к себе немедленно всяческого уважения, участия и гуманитарной

помощи. В противном случае, и это читается в его взгляде без слов, он на ихнюю барышню запросто вошь бросит. Можно, наконец, принять уйму законов и указов, как это сделал Петр I, запретив носить бороды, долгополые кафтаны и т.п., чтобы европеизировать россиян, забыв, однако, дать им при этом свободу, можно и, по-ельцински, объявить жизнь человека главной ценностью российского государства, обстреливая в то же время безнаказанно здание парламента, где засели строптивые депутаты, чеченские города и поселки. Очевидно, что вся наша нынешняя внешняя буйная активность не дает никаких иных результатов кроме стремительного спада производства, усугубляемого затуханием инвестиций и ростом безобразной, вопиющей нищеты все большего количества людей во всех слоях общества.

В страхе перед полным крахом России наши ведущие политики, как малые дети, пытаются то спрятаться сейчас за широкую спину и густую бороду Маркса, то хотят свалить все свои ошибки и преступления на покойных кремлевских хозяев, которым еще вчера служили не за совесть, за страх; то, и это особенно надежная защита от всех обвинений в негодности российских властей быть властью, ссылаются на высокую некачественность того народа, которым им приходится руководить; то, наконец, самокритично начинают перечислять мелкие огрехи в управлении страной, допущенные второстепенными рядовыми чиновниками. Но это все от трусости, от боязни заглянуть в глубины больной русской души.

Так почему же, так за что же нас так наказывает жизнь? Мне кажется, одним из многих на этот вопрос дал правильный ответ Владимир Буковский в своей книге «Московский процесс».

«Неужто кому-то было еще не ясно, — пишет В. Буковский, — что из недр этой партии, полстолетия старательно отбирившей в свои ряды карьеристов и проходимцев, никак не могло прийти обновление? Неужто не понятно, что спасти доведенную ими до катастрофы страну нужно в первую очередь от них, а не с ними?»

Еще непонятно. И завтра тоже может быть непонятно.

Это станет ясно, когда «блудные дети электрората», избирающие для России власть, поймут, что «коммунизм — не политическая система и даже, — по словам В. Буковского, — не столько преступление, сколько некое массовое заболевание, наподобие эпидемии чумы. Соответственно, нет никакой возможности чуму «перестроить» или реформировать: от нее надо выздороветь, напрягши всю свою волю к жизни. А тот, кто перестал с ней бороться и впал в апатию, как правило, не выживает».

Соглашаясь с этими словами В. Буковского, замечу, что дело не только и не столько в заразе коммунизма. Едва пошатнулась власть Москвы в Европе, во всех так называемых «соцстранах», в том числе и в Прибалтике, он тихо рухнул и началось быстрое выздоровление тех стран и народов, которые десятилетиями вынуждены были терпеть своих коммунистов-освободителей. Иная картина складывается у нас. Российские коммунисты не потеряли под своими ногами исторической монолитной златоордынской почвы. Они быстро восстанавливают свои ряды, чтобы реанимировать знакомые порядки. Что же мешает и нам выздороветь от «массового заболевания»?

Укоренившийся, традиционный для Московской Руси порядок, согласно которому все россияне послушно, затылок в затылок, выстраиваются в длинную послушную, рабскую очередь аж от Дальнего Востока до Москвы и с Севера, Юга до той же столицы, выстраиваются с пустыми котелками кто за «ярлыком» на власть, кто за хлебом и колбасой, кто за помилованием, кто за выгодным кредитом или лицензией, радуясь, если в котелок плеснут чуть больше, чем соседу.

Москва практически ничего полезного не производила и не производит для мирной жизни россиян, вбив тем не менее в голову своим согражданам, что они не могут жить своим трудом, а лишь ее милостью, за счет отчужденного у них продукта их труда. Попробуйте-ка сказать любому москвичу, какому

бы партийному богу он ни молился, к какому бы сословию ни относился — уборщица, писатель, чиновник, ученый, — что завтра Москва будет просто столицей, как Вашингтон, а не вершителем судеб своих вассалов, собирающих богатую дань, ясак со своих подданных. Вот тогда коммунисты, демократы, монархисты, национал-социалисты и все остальные чудаки моментально сольются в едином душевном порыве, защищая право московских чиновников, пенсионеров, военных и интеллигентов быть вершителями судеб России. Не случайно все наши партии носят сугубо московский характер и к провинции относятся традиционно свысока. Ощерятся не только московские партийные лидеры, но и все москвичи, все назначенцы разных званий и доходов, работающие «на местах». Более того, восстанут и многие жители провинции, привыкшие к согбенному состоянию, к подачкам с барского стола. Вспомните рассказ Л. Толстого «Утро помещика». Либерал-крепостник, возможно с похмелья, решил как-то утром восстановить у себя в имении историческую справедливость и раздать землю крестьянам. Те, собравшись у крыльца его усадьбы, никак не могут понять чуждества барина и вежливо отказываются от щедрого подарка, явно толкая хозяина на то, чтобы он более традиционным способом вышел из похмелья.

Далекий экскурс в глубины российской истории потребовался нам только для того, чтобы показать, что коммунизм, коммунисты не случайный прыщ на здоровом российском теле, который легко вылечить «заговором» или травками или просто выдавить силой. Это злокачественная опухоль с глубокими метастазами, требующая терпеливого и квалифицированного лечения.

Мы, россияне, освободившись от татаро-монгольского ига, не стали ни европейцами, ни евразийцами в современном смысле этих понятий. Даже в костюме от Кардена и на мерседесе новейшей марки наш россиянин остается закоренелым златоордынцем. В современном обличье, даже среди современных книг и картин, мы остаемся златоордынцами по отношению

к женщине, детям, дальним и ближним соседям, к «падшим». Наше моральное, психологическое и политическое развитие уже давно застыло на древнем примитивном уровне, в то время как остальной мир резко рванул в этих областях вперед, увлекая за собой и экономику. Нам же кажется, что можно построить эффективную экономику, оставаясь в душе златоордынцами. Не выйдет!

Вот в чем трагедия нашего народа, нашей страны. Златоордынские порядки крепко засели в нашем сознании. Именно **рабские отношения Москвы и провинции остаются главным препятствием на пути экономического и политического развития россиян**. Мы же обходим это противоречие, откупаемся от иногородних по мелочам и по-прежнему мечтаем в том или ином виде восстановить великий или, на худой конец, малый Советский Союз.

Пора понять, все разговоры о реформировании и демократизации нашего общества подразумевают только то, что реформированию и демократизации подлежит московская Золотая Орда, но ни в коем случае не касаются уничтожения векового иерархического порядка подчинения Москве провинции, создания на этом месте правовых и хозяйственных равноправных экономических и политических отношений с теми, кто за долгие века русской истории превратился действительно в заштатную, захудалую провинцию. На эту «святыню» никто пока не решается подвять руку.

Об этом убедительно говорит человек власти, наблюдавший златоордынскую систему отношений в России с позиций секретаря обкома партии, члена Политбюро КПСС, губернатора того типа советской власти, которую создал Ельцин, а теперь и председатель Совета Федерации. Ему есть что сказать и что сравнивать («Труд», 1996, 8 февраля). «Сегодня, — пишет Строев, — собранные в регионах налоги и платежи идут в Москву, а потом из столицы — после длительных прошений, стояний в очередях, после отправки бесконечных «бумаг» — по «каплям» небольшая часть денег идет обратно. В ре-

зультате многие районы оказываются на голодном пайке, 85% из них сегодня дотационные, и главным образом из-за того, что у них забирают средства».

Посмотрите, какая чарующая вырисовывается картина: Москва — матушка-кормилица своих нерадивых иждивенцев и тут же иждивенцы, умиленные дарованными из Центра щедротами. Пока мы будем умиляться этой идиллией — из нищеты не вылезти.

Но не московские бояре, а провинциальные Минин и Пожарский спасли в смутные времена Россию. И сегодня наш выход из кризиса проходит через провинцию, с помощью еще не домосковского уровня разложившихся наших тамошних граждан.

Я бы не сказал, что эта идея из числа благодушных фантазий отчаявшегося интеллигента. И вот почему.

Чтобы понять процессы, происходящие сейчас на территории бывшего Советского Союза, надо обратиться к работам нашего замечательного русского ученого Л.Н. Гумилева, выдвинувшего, казалось бы, простую, как ньютоново яблоко, теорию пассионарного развития народов. Этнос, рассуждает Л.Н. Гумилев, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. И дальше. «Наибольший подъем пассионарности — акматическая фаза этногенеза — вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть самим собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится... Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие... Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ» (Г у м и л е в Л. Н. От Руси до России, с. 34).

На бытовом языке, в отношении отдельного человека, в таких случаях говорят: «перебесился», «остепенился».

Сложность России в том, что она многонациональна и взрыв пассионарности происходит внутри отдельных этносов в разное время и с разной силой. Большевики с их сверхунификацией с такими тонкостями в национальных отношениях, естественно, считаться не могли, стремясь решать все проблемы насильем, через колено, презирая возрастные и исторические особенности членов большой семьи россиян. Л.Н. Гумилев, ратуя за мировое существование россиян друг с другом, предупреждает тех немногих, кто способен слышать голос разума: «Анализируя этническую историю Руси — России, необходимо принимать во внимание этногенезы всех народов нашей Родины. Каждый из этих этносов, обладая своим этническим возрастом и соответствующим ему пассионарным потенциалом, оказывал мощное влияние на ход этногенеза всего суперэтноса. И только учтя весь спектр этнических контактов и их социальных последствий, можно приблизиться к истинному представлению о прошлом Отечестве» (там же, с. 308).

Вычисляя возрастные ритмы россиян, Л.Н. Гумилев приходит к выводу, который нам не безразличен: «Восемнадцатый век стал последним столетием акматической фазы российского этногенеза. В следующем веке страна вступала в совершенно иное этническое время — фазу надлома. Сегодня, на пороге XXI в., мы находимся близко к ее финишу. Было бы самонадеянно рассуждать об эпохе, частью которой мы являемся сами. Но если сделанное нами допущение верно, а мы пока не знаем фактов, ему противоречащих, то это означает, что России еще предстоит пережить инерционную фазу — 300 лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создает неповторимую культуру, остающуюся грядущим поколениям! Если же на обширной территории нашей страны проявят себя новые пассионарные толчки, то наши потомки, хотя и немного непохожие на нас, продолжают славные наши традиции и традиции наших

достойных предков. Жизнь не кончается...» (там же, с. 305).

Да, жизнь не кончается, но сейчас очень важно осознать, в какой период, в какой временной сезон мы вступаем. Одни считают, что политическая зима будет продолжаться бесконечно и поэтому надо рубить все вокруг сплеча, не обращая внимания на сталинские щепки, летящие в разные стороны. Другие осознали начавшийся быстрый процесс весеннего пробуждения развития россиян, о котором говорит Гумилев. Уже наклюнулись и мощные ростки, пробившиеся сквозь наледь и асфальт. Татарстан первым заявил о своем выходе из-под московского золотоордынского ига, потребовав пересмотреть норму дани, взимаемую Москвой с провинции, и всю систему сложившихся отношений с Москвой. За ним последовали свердловчане, заявив, что не только республики, но и регионы — области и края — не хотят мириться с порочной системой отношений между провинцией и Москвой. Губернатор Свердловской области Эдуард Россель резонно замечает: «В республиках, как правило, дела идут значительно лучше, и понятно почему: они имеют финансовую самостоятельность, свою собственность, свой банк, свои судебные органы... А кто же сегодня глава администрации области? Да просто диспетчер Москвы по распределению огромных финансовых ресурсов. И при этом мы отдаем в казну 50% налогов, а республики гораздо меньше. Татарстан, например, 14; Башкирия — 26 процентов. Хотя еще в царской России царь брал с губерний только 10% налога, остальные 90 оставались в губернии, причем львиную долю губернатор отдавал на самоуправление» («ЛГ», 1995, 23 августа). (Кстати, по данным А.Х. Халикова, приведенным в цитированном сочинении, «Бату хан обложил все покоренные народы данью — не менее десятой части всех доходов...», с. 45.)

В январе 1996 года, после долгих изнурительных боев с Москвой, Россель добился подписания новых условий сотрудничества с Москвой, где и налоговые поступления пересмотрены в пользу провинции (70%).

Конечно, это послужило сигналом для тех губернаторов, которые затаив дыхание следили за схваткой между Уралом и Центром, чтобы выдвинуть и свои требования установить равноправные экономические отношения с Центром.

Упадок Золотой (советской) Орды начался при Ельцине с того, что он оказался вынужденным ослабить финансовую и правовую удавку на шее провинции. Хотя до полной победы еще очень далеко. Президент республики Башкортостан М. Рахимов жалуется: «Подписанный Россией и Башкортостаном договор о разграничении полномочий не выполняется. В частности, по бюджету там сказано, что ежегодно должно подписываться соглашение по этому вопросу, но этого положения никто не хочет признавать» («Труд», 1996, 6 февраля).

Для кого-то победа Татарстана и свердловчан — начало распада великой России, и тот, кто так думает, готов с оружием в руках бороться за сохранение оккупационного режима в российской провинции. Чечня тому больной, кровавый пример. Но дело не в амбициях провинции. Надо понять, что россияне не хотят ни военных походов на Запад, ни к берегам Индийского океана, тем более что Чечня уже показала — у Московской Орды на это нет ни физических, ни моральных сил, чтобы давить своих соплеменников и соседей силой.

А что касается эффективности административных централизованных сборов средств, то разворованные и пропиты партийные деньги, золотые запасы и нефтедоллары убедили всех, кто еще способен трезво мыслить, что разумно деньги может тратить только тот, кто их заработал. Но не Москва. Если эта простая истина дойдет до сознания россиян, до провинции, где выращивают хлеб, картошку, овощи, добывают нефть, газ, уголь, золото, металл... то можно смело сказать — мы спасены!

И тогда на обломках московской Руси возникнет новая демократическая Россия с поколением людей, совершенно не похожих, прежде всего морально, на нынешних.

Иван Калита и Грозный разгромили демократическую Киевскую Русь, угробив свободных россиян, создав на ее обломках московский вариант Золотой Орды. Б.Н. Ельцин разрушил эту конструкцию. Слава ему за это. Но и слава тому, кто на обломках Московской Руси создаст ту Россию, которая запрограммирована Богом.

Содержание

1. Был ли Маркс для россиян Сусаниным	6
2. Чем больна Россия	36
3. Есть ли будущее у России	102
4. Способна ли кухарка управлять государством	124
5. Царь Борис и упадок Золотой (советской) Орды	162

ЛИСИЧКИН Г.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РОССИИ?

Редактор *Н.И. Кольшикина*
Художник *В.А. Пузанков*
Художественный редактор *В.К. Кузнецов*
Технический редактор *Е.В. Антонова*
Корректор *В.В. Евтюхина*

ИБ № 20184

ЛР № 060775 от 25.02.92. Подписано в печать 03.09.96.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 10,08. Усл.кр.-отт. 10,71. Уч.-изд.л. 9,44.

Тираж 1000 экз. Заказ № 44

С027. Изд. № 49722

А/О Издательская группа «Прогресс»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

А/О Издательская группа «Прогресс»
отпечатано в цехе оперативной полиграфии.
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

«Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики. Суд истории единственный для государей, — кроме суда небесного, — не извиняет счастливого злодейства: ибо от человека зависит только дело, а следствие от Бога».

*Н. М. Карамзин
История государства
Российского*

«Время действительно работает против тех, кто возвел свою империю при помощи насилия. Под светлой маской спокойного превосходства экуменический мир постоянно ведет отчаянную войну против ужасного демона, неподвластного заклинанию и находящегося в самом основании империи. Имя этому демону — Насилие. Зачастую эта нравственная война принимает форму конфликта между политиками».

*А. Дж. Тойнби
Постижение истории*